

ЗАХИРИДДИН БАБУР

**БАБУР
НАМЭ**

ПЕРЕВОД
М.САЛЬЕ

Под редакцией
М. ШЕВЕРДИНА

ЗАХИРДИН МУХАММЕД БАБУР
(1483–1530)

Портрет написан около 1505 года.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Среди памятников старо-узбекской прозы одно из выдающихся мест принадлежит «Запискам» Захириддина Мухаммеда Бабура, известным под названием «Бабур-наме»

Мемуары Бабура написаны в 20-х годах XVI века. Их автор, сын незначительного владетеля Омар-Шейха родился в 1483 году в пределах, современной Ферганской области. После смерти Омар-Шейха окружавшие последнего беки объявили Бабура, которому тогда было всего одиннадцать лет, «государем Ферганы». С первых годов сознательной жизни мальчику пришлось принимать участие, сначала, конечно, только пассивное, в ожесточенной междоусобной борьбе различных претендентов на власть в Мавераннахре. Наиболее сильным и упорным противником Бабура оказался Мухаммед Шейбани-хан, предводитель кочевых узбекских племен. Попытки Бабура утвердиться в бывшей столице Тимура Самарканде окончились неудачен: вступив в Самарканд в конце 1497 года он уже через три месяца, вследствие голода и массового дезертирства в войсках, был вынужден уступить город

Шейбани-хану. Весной 1500 года Бабур вторично захватил Самарканд и на этот раз продержался там несколько дольше – до весны 1501 года. В конце концов, под напором войск Шейбани-хана, ему все же пришлось уйти из столицы Мавераннахра, куда он ненадолго вернулся лишь десять лет спустя.

Изгнанный из Самарканда, Бабур два с лишним года скитался по Мавераннахру во главе небольшой дружины, совершая хищнические набеги на различные области страны. Бабур не сумел нигде прочно укрепиться. После того, как войска Шейбани-хана захватили обширную территорию между Аму-Дарьей и Сыр-Дарьей, Бабур покинул Мавераннахр и бежал в горы Бадахшана.

В 1504 году, в поисках новых территорий, где он мог бы утвердить свою власть, Бабур переходит горный хребет Хиндукуш и вторгается в пределы Афганистана. Захватив один из крупных центров страны, Кабул, он остается в Афганистане два года; сфера его военных экспедиций, носящих, в этот период характер чисто разбойничьих налетов, постепенно расширяется к югу, вплоть до берегов реки Инда.

В 1506 году Бабур покидает Афганистан и, перейдя через Хиндукуш, спускается в Хорасан. Вместе с правившими там тимуридами он рассчитывает организовать отпор войскам хана Шейбани, грозящим вторгнуться в их владения. План этот, однако, остается невыполненным; после недолгого пребывания в столице Хорасана Герате, Бабур, в декабре того же 1506 года, пускается в обратный путь, встревоженный вестями о волнениях в Кабуле, где поднял мятеж оставленный там правитель.

Поддавив, не без труда, восстание, Бабур еще несколько лет проводит в Афганистане; новая попытка захватить «наследственные владения» после смерти Шейбани-хана, убитого в бою зимой 1510 года, оканчивается полной неудачей. Разбитый войсками преемников Шейбани, Бабур навсегда покидает пределы Мавераннахра. В 1514 году он уже снова в Кабуле. Окон-

чательно оставив надежду утвердиться в Мавераннахре, Бабур направляет свои хищнические стремления на Индию. Ряд походов не приносит успеха; лишь в 1525 году, после победы при Паинпате и разгрома вдесятеро сильнейшей армии под предводительством делийского султана Ибрахима Лоди, Бабур овладевает северной Индией. Победа Бабура, помимо его выдающегося военного искусства, объясняется раздробленностью Индии на мелкие, постоянно враждовавшие между собой княжества, а также наличием у Бабура артиллерии которой, не была у его противников.

Прочно утвердившись в Афганистане и Индии, Бабур становится повелителем обширной империи, простиравшейся от берегов Аму-Дарьи до Ганга и Бенгальского залива. Территория эта получила у европейцев название «государства великих моголов», хотя в войсках, пришедших с Бабуром в Индию, моголов не было; армия его состояла, в основном, из тюрков и афганцев. Основанное Бабуром государство просуществовало до захвата Индии англичанами во второй половине XVIII века.

Последние пять лет своей жизни (он умер в декабре 1530 г.) Бабур не покидал уже больше пределов Индии. Достигнутое им после столь долгой борьбы могущество было до некоторой степени омрачено тоской по родине, не оставлявшей Бабура до конца его дней. Возвращаясь мысленно к годам юности, столь богатой различными превратностями, бывший «повелитель Ферганы» задумал закрепить на бумаге особо запомнившиеся ему события своей жизни. Таким образом возникла «Бабур-намэ».

По своей форме «Записки» Бабура – летопись, принимающая к концу характер отрывочных заметок. Написанная простым, безискусственным языком, не слишком далеким от современной узбекской литературной речи, эта книга представляет собою яркий, своеобразный и искренний человеческий документ. С первой до последней страницы в «Бабур-намэ» господ-

ствуется личность автора – типичного представителя средневековой мусульманской культуры, своеобразно сочетавшего в себе живой интерес к литературе, искусству и науке с проявлениями самого примитивного варварства. Стихотворец и воин, страстный охотник, остряк и пьяница, словом, человек, которому ничто человеческое не чуждо – вот каким предстает перед нами в своей книге Захириддин Бабур. В эпоху, когда умение к слову процитировать стих, удачно ответить на шутку или колкость ценилось не меньше, чем военная доблесть и, во всяком случае, выше личной добродетели, Бабур – сам талантливый поэт, оставивший множество стихотворений, сумел отразить в своих «Записках» наиболее яркие черты окружавшей его среды. Фиксируя в своем дневнике и крупные и незначительные события, свидетелем и участником которых он был, Бабур оставил нам подробное описание битв и сражений, точные наблюдения над жизнью, нравами и обычаями своей родины и чужих стран. Рассказ его, всегда непосредственный и живой, пестрит остроумными и неожиданными сравнениями, меткими характеристиками и тонкими замечаниями, свидетельствующими о недюжинном знании человеческой души. Большой любитель природы, Бабур охотно останавливается на описаниях понравившихся ему цветов и деревьев, подробно рассказывает о диковинных зверях, на которых ему приходилось охотиться, не забывая при этом упомянуть о вкусе их мяса.

Немалый интерес представляет «Бабур-намэ» и как исторический источник. В этом смысле особенное значение имеет первая часть «Записок», где подробно излагаются перипетии борьбы Бабура за власть в Мавераннахре вплоть до захвата Мавераннахра Шейбани-ханом. Вспоминая свои военные похождения, Бабур попутно даст в этой части книги превосходные описания родной ему Ферганы и Самарканды; на дальнейших страницах мы находим яркие характеристики знаменитого правителя Герата Султана-Хусейна и окружавших его вельмож, поэтов и литераторов, среди которых выдающееся место отве-

дено великому Алишеру Навои. Описания Афганистана и Индии, входящие во вторую половину «Записок», сохраняют известное значение и до настоящего времени.

Сравнительно меньший интерес для современного читателя представляют заключительные главы книги, где говорится, главным образом, о пирушках и увеселениях, в которых участвовал автор «Бабур-намэ».

Литературная деятельность Бабура не исчерпывается его «Записками». Мастер прозы, он, как уже сказано, был одаренным поэтом. Многие его «рубай» и газели характерны не столько совершенством поэтической техники, которой Бабур, однако, вполне владел, сколько простотой и доступностью языка, выгодно отличающей их от произведений большинства современных Бабуру поэтов. По содержанию газели Бабура, в соответствии с литературной традицией тех времен, представляют собой любовные стихи с незыблемо-твердой системой образов, чувств и переживаний. Пессимистический тон, преобладающий в подобных стихотворениях, вполне соответствует душевным настроениям Бабура, навеянными тоской по родине. Длительное уныние, однако, не было свойственно его волевой натуре; упадок духа быстро уступает место бодрости и уверенности в достижении поставленной цели.

Хоть временем на краткий срок и вознесенный в рай,
Вином победы два-три дня всего хмелен твой враг.
Пусть кажется, что до небес он вырос – не горюй:
Ведь низок он, и будет вновь с землей сравнен твой враг¹.

При оценке личности автора «Бабур-намэ» образ талантливого писателя и поэта не должен заслонять перед нами фигуры хищного, безжалостного воителя, упорно стремившегося к захвату чужих земель и порабощению их обитателей. Таким был и не мог не быть потомок Тимура, типичный представитель

---

¹ Перевод Л. Пеньковского.

военно-феодалной верхушки современного ему общества. Записки Бабура перед узбекской литературой, однако, значительны и неоспоримы. Его «Записки» – превосходный памятник языка и культуры средневекового Мавераннахра, ныне Узбекистана, обеспечивающий их автору достойное место среди писателей всех народов и времен.

* *
*

«Записки» Бабура доселе были известны лишь в переводах на английский язык. (По-русски до Октябрьской революции были напечатаны лишь очень небольшие отрывки).

На последующих страницах публикуется перевод первой части «Бабур-намэ», заканчивающейся похождениями Бабура в Фергане и Афганистане. Перевод этот не преследует строго научных целей¹ и предназначен для широкого читателя; в соответствии с этим редакция сочла допустимым в отдельных случаях произвести некоторые сокращения и пожертвовать абсолютной точностью передачи староузбекского оригинала, дабы не слишком утяжелить язык.

---

¹ Полное академическое издание «Записок» Бабур на русском языке подготовлено к печати Академией Наук Узбекистана.

[СОБЫТИЯ ГОДА ВОСЕМЬСОТ ДЕВЯНОСТО ДЕВЯТОГО]

Во вторник пятого числа месяца рамазана года восемьсот девяносто девятого я стал государем области Ферганы, на двенадцатом году жизни.

Фергана – область в пятом климате, находится на границе возделанных земель; на востоке от нее – Кашгар, на западе – Самарканд, на юге – горы Бадахшанской границы; на севере, хотя раньше и были города, подобные Алмалыку, Алмату и Янги, название которого пишут в книгах Таразкент, но они разрушены моголами, и там совсем не осталось населенных мест.

Фергана – небольшая область; хлеба и плодов там много. Вокруг Ферганы находятся горы; с западной: окраины, где Самарканд и Ходженд, гор нет; ни с какой стороны, кроме этой, враг не может пройти зимой.

Река Сейхун, известная под названием «воды Ходженда», приходит в Фергану с северо-восточной стороны; пройдя через эту область, она течет на запад, проходит севернее Ходженда и южнее Финакета, который теперь известен под названием Шахрухии, потом снова уклоняется на север и течет в сторону Туркестана; эта, река не сливается ни с какой другой. Значительно ниже Туркестана она вся впитывается в песок.

---

¹ Т. е. 10 июня 1494 г. н. э. В дальнейшем даты даются в мусульманской летоисчислении. (Заголовок определен нами в соответствии с содержанием. В подлиннике он отсутствует. *Ред.*)

В Фергане семь городов; пять из них – на южном берегу реки Сейхун, два – на северном берегу.

Один из городов на южном берегу – Андижан. Это – столица области Ферганы. Хлеба там много и плоды изобильны, дыни и виноград хороши; во время созревания дынь не в обычае продавать их возле садов; груш лучше андижанских не бывает.

В Мавераннахре, после Самарканда и Кеша, нет укрепления, больше Андижана. В городе трое ворот; арк¹ Андижана находится на южной стороне. Вода входит в город по девяти каналам; удивительно, что она не выходит ниоткуда.

Вокруг крепости, с внешней стороны рва – большая дорога, мощеная щебнем; крепость сплошь окружают, пригороды; их отделяет от крепости этот ров. По краю рва тоже тянется большая дорога.

Дичи там много; фазаны беспредельно жирны: рассказывали анекдот, будто четыре человека, начав есть фазанью ногу, не могут ее прикончить.

Жители Андижана – турки. В городе и на базаре нет человека, который бы не знал по-тюркски. Говор народа сходен с письменным языком; сочинения Мир Алишера Навои, хотя он родился и вырос в Герате, написаны на этом языке.

Среди жителей Андижана много совершенных людей: известный в музыке Ходжа-Юсуф – андижанец.

В воздухе Андижана есть гнилость; осенью многие болеют лихорадкой.

Еще один город – Ош. Он стоит к юго-востоку от Андижана в четырех йигачах² пути. Воздух там прекрасный; проточной воды много; весна бывает очень хороша. О достоинствах Оша дошло до нас много преданий.

---

¹ Арк – цитадель

² Йигач – около шести километров

К юго-востоку от крепости стоит красивая гора, называемая Бара-Кух. На вершине этой горы Султан-Махмуд-хан построил худжру¹. Ниже ее, на выступе горы, я тоже построил, в девятьсот втором году, худжру с айваном². Хотя его худжра стояла выше моей, моя была расположена много лучше: весь город и предместья расстились под ногами.

Река Андижана, пройдя через предместья Оша, течет в Андижан. На обоих берегах этой реки раскинулись сады; все сады возвышаются над рекой. Фиалки в них очень красивы. В Оше есть текучая вода; весна там бывает очень хороша; расцветает множество тюльпанов и роз.

На склоне горы Бара-Кух, между садами и городом, есть мечеть, называемая мечетью Джауза. С горы течет большой ручей. Несколько ниже внешнего двора мечети – площадь, поросшая трилистником, полная тени и приятности; каждый путешественник и прохожий отдыхает там. У ошских озорников есть забава: на всякого, кто там заснет, они пускают воду из этого ручья.

В последние годы жизни Омар-Шейха-мирзы на этой горе нашли камень с белыми и красными прожилками. Из него делают ручки ножей, пряжки для поясов и другие вещи. Это очень хороший камень.

В области Ферганы нет города, равного Ошу по приятности и чистоте воздуха.

Еще один город – Маргинан, к западу от Андижана, в семи йигачах пути. Это хороший город, полный всякой благодати. Гранаты и урюк там очень обильны и вкусны. Есть один сорт граната, который называют «дона-калан» – «крупно-зернистый»; в его сладости есть легкий приятный кислый привкус сливы. Этим гранатам можно отдать предпочтение перед семнанскими гранатами.

---

¹ Худжра – келья, комната; в данном случае – беседка.

² Айван – терраса.

Есть там сорт урюка, из которого вынимают косточки, кладут внутрь ядрышки и сушат; называют его «субхани», он очень вкусный.

Дичь там хорошая; белые кийики¹ водятся близко. Жители Маргинана – сарты; это драчливый и беспокойный народ. Умение драться они славятся по всему Мавераннахру.

Большинство знаменитых бойцов Самарканда и Бухары – маргинанцы. Автор «Хидаи»² родом из деревни маргинанской области, называемой Ришдан.

К юго-западу от "Маргинана еще один город – Исфара. Он стоит у подножья горы. Там есть проточная вода и приятные сады. Между Маргинаном и Исфарой девять йигачей пути. Плодов там много, но в садах большинство деревьев – миндальные.

Все жители Исфары сарты и говорят по-персидски. В одном шери³ к югу от Исфары среди холмов есть глыба камня, называемого, сенг-и аине. Длина ее будет около десяти кари⁴, высота в некоторых местах в рост человека, в низких местах – человеку по пояс. Все вещи отражаются в ней, как в зеркале.

В области Исфары четыре булука⁵, расположенных у подножья гор. Один называется Исфара, другой – Варух, третий – Сох и четвертый – Хушьяр.

Еще один город в Фергане – Ходженд. От Андижана до Ходженда двадцать пять йигачей пути на запад. От Ходженда до Самарканда тоже двадцать пять йигачей пути. Это один из древних городов. Шейх Маслахат и Ходжа Кемаль из Ходженда.

Плоды там очень хороши. Гранаты славятся прекрасным вкусом. Так же, как говорят: «самаркандские яблоки», говорят: «ходжендокие гранаты». Но в настоящее время маргинанские гранаты считаются много лучше.

---

¹ Кийик – олень.

² Хидаи – известный трактат по мусульманскому праву.

³ Шери – около двух километров.

⁴ Кари – около аршина.

⁵ Булук – единица административного деления, округ.

Крепость Ходженда стоит на высоком месте. Река Сейхун течет к Ходженду с северной стороны. Река находится от крепости на полет стрелы. К северу от крепости и реки стоит гора, называемая Мутугиль; говорят, на этой горе находятся бирюзовые россыпи и другие рудники. На этой горе много змей.

В Ходженде есть прекрасные места для охоты на зверей и птиц. Белые кийики, олени, бугу-маралы, фазаны, зайцы водятся там во множестве. Воздух Ходженда очень гнилостный, осенью многих лихорадит. Рассказывали, будто даже воробьев лихорадило. Говорят, что гнилостность воздуха – из-за гор на северной стороне.

Одно из зависящих от Ходженда местечек – Канд-и-Бадам¹. Это, правда, небольшой город, но хорошенький городок. Миндаль в нем превосходен; по этой причине Канд-и-Бадам и назван таким именем. Весь его миндаль идет в Хурмуз и в Хиндустан. От Ходженда Канд-и-Бадам находится в пяти-шести йигачах к востоку.

Между Ходжендом и Канд-и-Бадамом лежит степь, называемая Ха-Дервиш. На Маргинан, что к востоку, и на Ходженд, что к западу, всегда дует оттуда ветер. Ветры в этой степи бывают сильные.

Говорят, что несколько дервишей попали в эту пустыню в сильный ветер, не могли найти друг друга и кричали: «ха, дервиш, ха, дервиш!», пока все не погибли. С тех пор эту пустыню называют Ха-Дервиш.

Один из городов на северном берегу реки Сейхун – Ахсы. В книгах это название пишут: Ахсикет. Поэта Асир-ад-дина также называют Асир-ад-дин Ахсикети.

В Фергане после Андижана, нет города больше этого. От Андижана к западу до Ахсы девять йигачей пути. Омар-Шейх-мирза сделал его своей столицей. Река Сейхун протекает под

---

¹ Канд-и-Бадам – "город миндаля".

крепостью. Крепость стоит на высоком яру. Вместо рва там вырыты глубокие овраги. Омар-Шейх-мирза, который сделал Ахсы своей столицей, еще раз или два копал рвы дальше, вне крепости. В Фергане нет другой такой неприступной крепости. Пригороды тянутся на расстояние более одного шери от крепости. Поговорку: «Где деревня, а где деревья?» – вероятно, сказали про Ахсы.

Дыни там хорошие; есть один сорт дынь, называемый «мир-тимури»; неизвестно, существуют ли такие дыни еще где-нибудь в мире. Бухарские дыни знамениты. Когда я взял Самарканд, то приказал привезти дыни из Ахсы и из Бухары и велел разрезать их на одном собрании; ахсыйские дыни оказались вне всякого сравнения.

Дичь в Ахсы очень хороша. Сторона реки Сейхун, где стоит Ахсы, степная; там много белых кийиков. Андижанская сторона – густой кустарник; там водится много маралов, фазанов и зайцев; среди них бывают очень жирные.

Еще один город – Касан. Он находится к северу от Ахсы. Это город поменьше. Как река Андижана притекает от Оша, так река Ахсы течет от Касана. Это местность с прекрасным воздухом. Так как ее красивые сады все находятся на берегу реки, то Касан называли «шубой из мерлушки». У жителей Оша и Касана бывают большие споры относительно приятности и чистоты воздуха в их городах.

В горах, окружающих область Ферганы, есть хорошие летовки; на этих горах растет дерево табулгу; больше его нигде нет. Табулгу – дерево с красной корой; из этого дерева делают посохи, вырезают ручки плеток, делают клетки для птиц. Обстругав дерево, из него делают бесперые стрелы. Это очень хорошее дерево. Его вывозят в далекие места.

В некоторых книгах пишут, что на этих горах растет трава «ябрух-ас-санам», но теперь я об этом ничего не слышал. Слышал я про одну траву, которая растет в Йетты-Кентских горах.

Народ тамошний называет ее «аик-уты», она имеет свойства травы «михр-кихх». Вероятно, это и есть «михр-кихх», а те люди называют ее именем «аик-уты». В этих горах есть бирюзовые россыпи и железные рудники.

Доходами области Ферганы можно, если соблюдать справедливость, содержать три-четыре тысячи воинов.

Так как Омар-Шейх-мирза был государь с высокими помыслами и великими притязаниями, то он всегда имел стремление к захвату владений. Он несколько раз водил войска на Самарканд – иногда, терпел поражение, иногда возвращался без успеха. Несколько раз он призывал к себе своего тестя Юнус-хана, одного из потомков Джагатай-хана, второго сына Чингиз-хана. Ханом могольского народа в юрте Джагатай был в то время этот Юнус-хан, который приводится мне дедом. Призвав его, Омар-Шейх-мирза всякий раз давал ему какую-нибудь область. Из-за того, что они не ладили с Омар-Шейхом-мирзой, а иногда вследствие недовольства могольского народа, Юнус-хан не мог жить в этой области и снова уходил в Моголистан.

Когда Омар-Шейх-мирза призвал Юнус-хана в последний раз, он дал ему область Ташкента, которая в то время была во власти Омар-Шейха-мирзы (в книгах название Ташкент пишут Шаш, а иногда пишут Чач, отсюда выражение «чачские луки»). С того времени и до девятьсот восьмого года области Ташкента и Шахрухии находились во власти джагатайских ханов. В ту пору власть хана могольского народа принадлежала старшему сыну Юнус-хана, моему дяде Султан-Махмуд-хану. Так как старший брат Омар-Шейха-мирзы, государь Самарканда, Султан-Ахмед-мирза и хан могольского народа, Султан-Махмуд-хан, много терпели от дурного нрава Омар-Шейха-мирзы, то они заключили друг с другом союз. Султан-Ахмед-мирза сделал Султан-Махмуд-хана своим зятем, и, в упомянутом году, Султан-Ахмед-мирза с южной стороны реки Ходженда, а Султан-Махмуд-хан с северной стороны, повели войско против Омар-Шейха-мирзы.

В это время случилось удивительное происшествие. Уже было упомянуто, что укрепление Ахсы стояло на высоком яру. Постройки находились на краю оврага. В том году, в понедельник, четвертого числа месяца рамазана, Омар-Шейх-мирза, вместе с голубями и голубятней, упал в овраг и стал соколом (т. е. умер); прожил он тридцать девять лет.

Его рождение и происхождение. Он родился в восьмьсот шестидесятом году, в Самарканде. Был четвертым сыном султана Абу-Саида-мирзы, моложе Султан-Ахмеда-мирзы, Султан-Мухаммеда-мирзы и Султан-Махмуда-мирзы.

Абу-Саид-мирза сначала отдал Омар-Шейху-мирзе Кабул и, назначив Баба-и-Кабули его воспитателем, отпустил их туда. По случаю празднований обрезания мирз, он воротил Омар-Шейха-мирзу от Дере-и-Геца и велел доставить его в Самарканд. После празднества, подражая Тимур-беку, который отдал своему сыну Омар-Шейху-мирзе область Ферганы Абу-Саид-мирза пожаловал Омар-Шейху-мирзе область Андижана и, назначив Худай-Берди-Тугчи Тимур-Таша воспитателем сына послал их туда.

Наружность и качества. Омар-Шейх был небольшого роста, тучный, с круглой бородой, бледным и пухлым лицом. Одежду он носил очень узкую и, стягивая завязки, убирал живот внутрь; если же, стянув их, он нагибался, то часто бывало, что завязки рвались.

В одежде и пище он был неприхотлив и наматывал чалму на лад «дестар-печ» (в то время чалма у всех была в четыре оборота; ее наматывали без складок, опуская конец вниз). Летом, везде, кроме дивана, он большей частью ходил в могольской шапке.

Свойства нрава и обычаи. Омар-Шейх-мирза был хороший мусульманин, человек чистой веры; он не пренебрегал пятикратной молитвой, всю жизнь полностью возмещал пропущенные обряды и часто читал Коран. Он был предан святейшему ходже Убейд-Аллаху и часто устаивался беседы с ним. Его святейшество ходжа также называл его сыном.

Омар-Шейх-мирза был хорошо грамотен и читал обе «Пятерицы»,¹ месневи² и летописи; чаще он читал Шах-намэ. У него был дар к стихосложению, но он не уделял внимания поэзии.

Справедливость его достигала высокой степени. Однажды, когда из Китая шел караван из тысячи волов, у подошвы гор, к востоку от Андижана, его так засыпало снегом, что спаслось только два человека. Получив об этом известие, Омар-Шейх-мирза послал сборщиков и задержал все товары каравана. Хотя наследников налицо не было, Омар-Шейх-мирза сберег товары, несмотря на то, что сам нуждался. Год или два спустя он вызвал наследников из Самарканда и Хорасана и вручил им их товары в целости.

Он отличался большой щедростью, и нрав его соответствовал его щедрости. Это был добродушный речистый, сладкоустый человек. Смелый муж он был; дважды он вырывался впереди всех своих йигитов и бился мечом: один раз – у ворот Ахсы, другой раз – у ворот Шахрухии. Стрелы он метал посредственно, обладал сильным кулаком. Ни один йигит не мог не упасть от удара его кулака.

По склонности к захвату владений он часто сменял мир на битву и дружбу на вражду. В прежние времена, он много пил, но позднее устраивал попойки раз или два в неделю. Он был хорошим собеседником и, при случае, прекрасно читал стихи. В последнее время он сильно пристрастился к возбуждающим средствам и, будучи опьянен, приходил в неистовство. Он держал себя как человек простого звания и был большой игрок, – постоянно играл в нард³, а иногда и в кости.

---

¹ *Пятерица* – книга, состоящая из пяти поэм.

² *Месневи* – поэма в двестишестидесяти стихах.

³ *Нард* – игра, вроде европейской игры в трик-трак

ИЛЛЮСТРАЦИЯ К РУКОПИСИ "БАБУР-НАМЭ"
(XVII в)

Б и т в ы и с р а ж е н и я. Он сражался в трех боях. Первый бой был с Юнус-ханом, к северу от Андижана, на берегу реки Сейхун, при местечке Теке-Сигретку¹. Это место потому так названо, что река, стиснутая горами, настолько узка, что, говорят, будто там через нее прыгали козлы.

Будучи побежден, Омар-Шейх-мирза попал в плен, однако Юнус-хан, оказав благодеяние, отпустил мирзу в его страну. Сражение при Теке-Сигретку стало памятным событием в той стране.

В другой раз, в Туркестане, на берегах реки Арыс, он сразился с кочевыми узбеками, которые возвращались после набега на окрестности Самарканда. Перейдя Арыс по льду, он разбил врагов, отобрал у них пленных и скот и вернул все владельцам, не позарившись ни на что.

Еще он сразился с Султан-Ахмедом-мирзой, у селения Хавас, между Шахрухией и Ура-Теппа, и был побежден.

В л а д е н и я О м а р-Ш е й х а-м и р з ы. Отец его отдал ему область Ферганы; некоторое время Ташкент и Сайрам, которые отдал ему брат, Султан-Ахмед-мирза, тоже находились под властью мирзы Омар-Шейха. Захватив хитростью Шахрухию, Омар-Шейх-мирза некоторое время властвовал там; в последние годы Ташкент и Шахрухия вышли из его рук. Фергана была его владением, а также Ходженд и Ура-Теппа (первоначальное название этого города в книгах – Усрушна, пишут как же Усруш); Ходженд некоторые не считают входящим в Фергану.

Когда Султан-Ахмед-мирза пошел в Ташкент, на моголов, и потерпел поражение на берегах реки Чир, которая находится от Ташкента в двух шери пути, в Ура-Теппа находился Хафиз-Бек Дулдай. Он отдал город Омар-Шейху-мирзе, и с тех пор Усрушна была во власти мирзы Омар-Шейха.

---

¹ Теке-Сигретку – "прыжок козла".

Его потомство. После мирзы осталось три сына и пять дочерей. Старшим из всех сыновей был я—Захириддин Мухаммед Бабур, моей матерью была Кутлук-Нигар-ханум. Еще один сын был Джехангир-мирза, младше меня на два года; его мать происходила из могольских вельмож, и звали ее Фатима-султан. Еще один сын был Насыр-мирза. Его мать была из Андижана, наложница, по имени Умид. Он был младше меня на четыре года.

Старше всех дочерей была Хан-Заде-биким; она родилась от одной со мной матери и была старше меня на пять лет. Когда я второй раз взял Самарканд, то, хотя я и потерпел поражение у Сер-и-Пуля, однако, все же, придя в Самарканд, пять месяцев защищал крепость. От окрестных и соседних государей и беков не было никакой поддержки и помощи. Отчаявшись, я бросил крепость и ушел. Во время этих смут Хан-Заде-биким досталась Мухаммеду Шейбани-хану. У нее родился сын, по имени Хуррам-шах, это был приятный юноша. Шейбани-хан отдал ему область Балх, а через год-два после смерти своего отца он отправился к милости Аллаха.

Когда шах Исмаил разбил Шейбани-хана под Мервом, Хан-Заде-биким была в Мерве. Ради меня с ней обошлись хорошо и отправили ее ко мне, как следовало. Прибыв в Кундуз, она соединилась со мной. Наша разлука продолжалась десять лет. Мы, вдвоем с Мухаммади-Кукельташем, пришли к ней. Биким и ее близкие не узнали меня, хотя я сказал свое имя. Лишь через некоторое время они меня узнали.

Еще одна дочь — Михр-Бану-биким, от одной матери с Насыр-мирзой. Она была старше меня на два года.

Еще одна дочь—Шахр-Бану-биким. Она тоже от одной матери с Насыр-мирзой, моложе меня на восемь лет.

Еще одна дочь—Ядгар-Султан-биким; ее мать, по имени Ага-Султан, была наложница.

Еще одна дочь—Рукейе-Султан-биким. Ее матерью была Мах-

дум-Султан-биким, которую называли Кара-Куз-биким. Обе эти девочки родились после смерти мирзы. Ядгар-Султан-биким воспитывала моя бабка Исан-Даулет-биким.

Его жены и наложницы. Одна из них была Кутлук-Нигар-ханум; это была вторая дочь Юнус-хана, старшая сестра Султан-Махмуд-хана и Султан-Ахмед- хана.

Раз пришлось к случаю, упомянем вкратце об обстоятельствах ханов.

Юнус-хан и Исан-Буга-хан были сыновьями Веис- хана. Мать Юнус-хана была дочь или внучка кипчакского бека из Туркестана по имени Шейх-Нур-ад-дин-бек, к которому благоволил Тимур-бек. После смерти Веис-хана могольский улус разделился на две части; одна часть была на стороне Юнус-хана, а большинство на стороне Исан-буга-хана. До этого Улуг-Бек-мирза взял старшую сестру Юнус-хана для Абд-аль-Азиз-мирзы.

В связи с этим Иразан, один из беков тумана Нарын и Мирек Туркмен, принадлежавший к числу беков тумана Чарас, привели Юнус-хана с тремя-четырьмя тысячами семейств моголов к Улуг-Беку-мирзе, чтобы, получив помощь, снова покорить улус моголов. Мирза не проявил благородства: некоторых моголов он взял в плен, а некоторых рассеял по разным областям.

У Юнус-хана было-от Исан-Даулет-биким три дочери. Старше всех была Михр-Нигар-ханум, которую Султан- Абу-Саид-мирза сосватал для своего старшего сына Султан-Ахмеда-мирзы. От мирзы у нее не было ни сына, ни дочери.

Второй дочерью Юнус-хана была моя мать Кутлук- Нигар-ханум. Во времена казначества и неурядиц она, большей частью, была со мной. Через пять-шесть месяцев после занятия Кабула, в девятьсот одиннадцатом году, она отправилась к божьей милости.

Третьей дочерью была Хуб-Нигар-ханум. Ее отдали за Мухаммед-Хусейна Гургана Дуглата.

Сыном ее был Хайдар-мирза. После убийства его отца он пришел и находился при мне три-четыре года. Потом он испросил разрешения и пошел в Кашгар к хану.

Всякая вещь возвращается к своему началу –
И чистое золото, и серебро, и свинец.

Теперь он, говорят, раскаялся и обрел хороший путь. К писанию, к рисованию, к изготовлению стрел, наконечников стрел и колец для натягивания лука, – ко всему его руки были ловки. Дарование к стихам у него тоже есть. Ко мне пришло от него донесение, слог его недурен.

Другой женой Юнус-хана была Шах-биким. Хотя у него были еще жены, но только эти две были матерями его сыновей и дочерей.

У хана, от Шах-биким, было два сына и две дочери. Старше этих трех и младше трех дочерей, упомянутых выше, был Султан-Махмуд-хан, которого в Самарканде и окрестных местах иногда называли Ханике-хан. Моложе Султан-Махмуд-хана был Султан-Ахмед-хан, известный под именем Алача-хана. На языке калмаков и моголов убийцу называют «алача», а так как Султан-Ахмед-хан несколько раз побеждал калмаков и истребил много их людей, то его называли «алачи»; от частого употребления «алачи» превратилось в «алача».

В нашей летописи упоминание об этих ханах должно, при случае, встретиться неоднократно; события и обстоятельства их жизни будут в ней изложены.

Моложе других и старше одной дочери была Султан-Нигарханум, которую выдали за Султан-Махмуда-мирзу. От мирзы у нее был сын, по имени Султан-Веис; упоминание о нем в этой летописи еще последует.

У мирзы Омар-Шейха было много любовниц и наложниц. Одна из них Умид-агаче; она умерла раньше мирзы. В конце

жизни мирзы у него была Турсун-Султан, из моголок. Кроме нее, была Ага-Султан.

Эмиры Омар-Шейха-мирзы. Один из них был Худай-Берды Тимур-Таш, он – потомок брата правителя Герата Ак-Буга-бека. Когда Султан-Абу-Саид мирза осадил Джуки-мирзу и Шахрухию и отдал область Ферганы мирзе Омар-Шейху, он передал должность ишикаги¹ этому Худай-Берды Тимур-Ташу. Худай-Берды Тимур-Ташу было тогда только двадцать пять лет от роду. Хотя он был молод годами, но строй, порядок и управление были при нем очень хороши. Спустя год или два, когда Ибрахим Бегчик напал на окрестности Оша, Худай-Берды Тимур-Таш погнался за ним, вступил в бой, был побежден и погиб. В это время Султан-Ахмед-мирза был под Ура-Теппа на летовке, называемой Ак-Капчи-гай, что в восемнадцати йигачах к юго-востоку от Самарканда; Султан-Абу-Саид-мирза находился в Баба-Хаки, в двенадцати йигачах к востоку от Герата. Весть об этом, через Абд-аль-Ваххаба-шигаула, послали мирзе в донесении; расстояние в сто двадцать шесть йигачей было покрыто в четыре дня.

Другой был Хафиз-Мухаммед-Бек-Дулдай, он был сын Султай-Мелика-Кашгари и младший брат Ахмед-Хаджи-бека. После смерти Худай-Берды-бека его сделали ишик-агой и послали в Фергану. Когда погиб Султан-Абу-Саид-мирза, Мухаммед-бек, так как андижанские беки с ним не ладили, отправился в Самарканд, на службу к Султан-Ахмеду-мирзе. В то время, когда Султан-Ахмед-мирза потерпел поражение на реке Чир, он был в Ура-Теппа; когда Омар-Шейх-мирза, идя походом на Самарканд, подступил к Ура-Теппа, Мухаммед-бек передал Ура-Теппа слугам Омар-Шейха-мирзы и остался у мирзы на службе. Омар-Шейх-мирза же дал ему управление Андижаном. Потом Мухаммед-бек ушел к Султан-Махмуд-хану. Тот

¹ *Ишикага* – одни из высших чинов при дворе тимуридов.

поручил ему воспитание Мирза-хана и отдал Дизак. До того, как я взял Кабул, Мухаммед-бек отправился через Индию в Мекку; в дороге он перешел к милости божией. Это был смиренный, немногословный и незаметный человек.

Другой был Ходжа-Хусейн-бек; это был муж смиренный и человеколюбивый. В соответствии с обычаями той поры, он, во время попоек, прекрасно пел песни.

Другой был Шейх-Мазид-бек. Его сделали моим первым воспитателем. Управление и порядок были при нем очень хороши. У Омар-Шейха-мирзы не было бека выше его. Он был человек развратный и держал мальчиков.

Другой был Али-Мазид-бек, из племени Каучин. Он два раза поднимал мятеж – один раз в Ахсы, другой – в Ташкенте. Это был лицемерный, развратный, неблагодарный и негодный человек.

Другой был Хасан-Якуб-бек, человек скромный, хорошо одаренный, быстрый и деятельный.

Он был мужественен, метко пускал стрелы, прекрасно играл в чавган. После гибели Омар-Шейха-мирзы он стал у меня при дворе полновластным вельможей. Это был скупой, нетерпеливый, ограниченный человек и смутьян.

Другой эмир был Касим-бек. Он был из племени Каучин. Принадлежал к числу древних родом беков андижанского войска. После Хасан-бека полновластным вельможей при моем дворе стал он. До конца жизни его влияние и значение все увеличивались, не уменьшаясь. Это был мужественный человек. Один раз, при набеге на окрестности Касана, он погнался за врагами и разбил их. Он рубился мечом подле Омар-Шейха-мирзы. В сражении при Ясы-Киджете он тоже дрался хорошо. Во времена казачества, когда я решил направиться из горной страны Масча к Султан-Махмуд-хану, Касим-бек, отделившись, ушел к Хусрау-шаху. В девятьсот десятом году, когда я захватил Хусрау-шаха и осаждал в Кабуле Мукима, Касим-бек снова

пришел ко мне, и я оказал ему такое же внимание и благоволение, как раньше. Во время набега на туркменских хезаре, в Дер-и-Хиш, Касимбек, несмотря на старость, держался лучше молодых, поэтому я пожаловал ему область Бангаш. Потом, по прибытии в Кабул, я назначил его воспитателем Хумаюна¹. Когда я взял Замин-Давер, он перешел к милости божией. Касим-бек был хороший мусульманин, благочестивый и богобоязненный человек и воздерживался от сомнительной пищи. Его мнения и суждения были очень хороши. Он часто шутил и, хотя был неграмотный, отпускал забавные остроты.

Другой был Баба-Кули, сын Баба-Али-бека, из рода Шейха-Али-Бахадура. После смерти Шейх-Мазид-бека его сделали моим воспитателем. Когда Султан-Ахмед-мирза повел войско на Андижан, он пришел к Султан-Ахмеду-мирзе и отдал ему Ура-Теппа. Когда, после смерти Султан-Махмуда-мирзы, Баба-Кули бежал из Самарканда и направлялся ко мне, из Ура-Теппа вышел Султан-Али-мирза, сразился с ним, победил его и убил. Управление и снаряжение были при нем хороши; он отлично содержал своих нукеров. Он не молился, не соблюдал постов и был человек жестокий, подобный неверному.

Другой был Али-Дуст-Татай, из беков тумана Сагарычи, родственник родительницы моей матери, Исан-Даулет-биким. Я оказывал ему большие милости, чем те, которыми он пользовался во времена Омар-Шейха-мирзы. Говорили, что из него будет толк, но за те несколько лет, что он был при мне, он не сделал ни одного дела, о котором стоило бы говорить. Он служил Султан-Абу-Саиду-мирзе, был сокольничий, притязал на умение вызывать дождь. Это был человек с негодными свойствами и повадками: скупец, смутьян, клятвопреступник, лицемер, самодовольный, грубый, жестокосердый.

Другой был Веис-Лагыри – самаркандец из племени Тугчи.

---

¹ Хумаюн – старшин сын Бабура.

В последнее время жизни Омар-Шейха-мирзы он был очень близок к нему. В пору казачества Веис-Лагыри был со мной. Его мнения и суждения были очень хороши, но он был несколько склонен к смутам.

Другой был Мир-Гияс-Тагай, младший брат Али- Дуста. При дворе Султан-Абу-Саида-мирзы, среди могольских мирз, не было никого к нему ближе. Четырехугольная печать Султан-Абу-Саида-мирзы находилась у Мир-Гияс-Тагая. В последнее время жизни Омар-Шейха мирзы Мир-Гияс-Тагай был к нему очень близок. Он водил дружбу с Веисом-Лагыри. С того времени, как Каан отдал Султан-Махмуд-хану, и до конца своей жизни он состоял на службе у хана, причем хан очень о нем заботился. Это был весельчак и шутник; в отношении разврата он не знал страха.

Другой эмир был Али-Дервиш. Он был хорасанец и служил при Султан-Абу-Саиде-мирзе в отряде хорасанских юношей. Когда Хорасан и Самарканд оказались во власти Султан-Абу-Саида-мирзы, он создал два особых отряда из годных к военному делу молодых людей обеих столиц, которые назывались «хорасанский отряд» и «самаркандский отряд». При моем дворе Али-Дервиш держал себя очень хорошо.

Это был мужественный человек, он отлично писал почерком «насталик»; речи его были льстивы, в характере преобладала скупость.

Другой был Камбар-Али. Он был могол, из конюхов. Его отец, придя в область Ферганы, некоторое время занимался ремеслом скорняка; поэтому его называли Камбар-Али-и-Саллах – Камбар-Али-скорняк.

Он исправлял должность подавателя рукомойника при Юнус-хане, потом стал беком; у меня он нашел великое благоволение. Собираясь на дело, он проявлял доброе рвение, придя на дело, вызывал робость. Он был болтун и говорил без толку; установлено, что тот, кто говорит много, говорит без толку. Был он нетерпелив и бестолков.

Когда с Омар-Шейхом-мирзой случилось это происшествие (т. е. он умер), я был в Андижане, в чар-баге¹. Во вторник пятого числа месяца рамазана весть об этом пришла в Андижан. Я поспешно сел на коня и с теми слугами и нукерами, что были при мне, направился в крепость. Когда я подъехал к Воротам мирзы, Ширим- Тагай, схватив моего коня под узцы, двинулся в сторону намаз-гаха². Ему пришло на ум, что Султан-Ахмед-мирза – великий государь, и если придет с многочисленным войском, то беки обязательно отдадут ему и меня, и область Ферганы. Поэтому меня следует отвезти к подножию гор Узгенда и Ала-тага. Если беки отдадут Султан-Ахмеду область, то я во всяком случае не попаду в руки врагов и отправлюсь к моим дядьям – Алача-хану или Султан-Махмуд-хану.

Когда Ходжа-Маулана-и Казы –сын Султана-Ахмеда Казы и потомок шейха Бурхад-ад-дина-Кылыча (он возводил свой род, со стороны матери, к Султану-Илеку Мазы; члены этого семейства по праву были в области Ферганы прибежищем для всех и наставниками в исламе и упоминание о них будет еще неоднократно повторяться) и беки, находившиеся в крепости, получили известие об этом, они послали Ходжу-Мухаммеда-Дерзи, который был старым слугой Омар-Шейха-мирзы и воспитателем одной из его дочерей. Тот устранил опасения из сердца Ширим-Тагая и, когда я приблизился к намаз-гаху, взял меня и повернул обратно. Я остановился в арке. Ходжа-Маулана-и Казы и беки, явившись ко мне и достигнув единства в словах и мнениях, занялись укреплением и приведением в порядок башен и валов крепости. Хасан-Якуб, Касим-Каучин и некоторые другие беки, что отправились в сторону Маргинана и окрестных мест, через день или два прибыли и, вступив на службу, все, согласно и единодушно, с усердием и рвением занялись охраной крепости.

---

¹ Чар-баг - дворец с садом

² Намаз-гах — место общественной молитвы.

Султан-Ахмед-мирза, взяв Ура-Теппа, Ходженд и Маргинан, пришел и стал лагерем в Куба, в четырех йигачах от Андижана. В это время один из вельмож Андижана, по имени Дервиш-Гау, за произнесение неподобающих слов подвергся казни. После такой расправы весь народ присмирел.

Ходжу-Казы и Узун-Хасана, брата Ходжи-Хусейна, отправили в качестве послов с таким предложением: «В эту область должно поставить кого-нибудь из ваших слуг. Я вам и слуга, и сын; если бы эту службу поручили мне, то было бы найдено лучшее и легкое решение».

Султан-Ахмед-мирза был человек немногословный, мягкий и смиренный; никакое его слово, решение или дело не получало силу без беков. Беки не вняли моим словам и, дав грубый ответ, двинулись вперед. Однако господь всевышний, который, по своему совершенному могуществу, всегда устраивал, без чьей-либо помощи, всякое мое дело как подобает и следует, тогда тоже совершил несколько дел, из-за которых враги стали тяготиться этим походом. Они даже раскаивались в своем выступлении и вернулись назад без удачи.

Первое – то, что в (Куба есть болотистая река, которую нельзя перейти иначе, как по мосту. Когда пришло большое войско и люди столпились на мосту, много коней и верблюдов погибло, свалившись в реку. Тремя-четырьмя годами раньше воины Ахмеда-мирзы потерпели такое же поражение у переправы через реку Чир. Это событие теперь вспомнилось, и войско охватил страх.

Другое – то, что в это время на коней напал такой мор, что они падали и издыхали целыми косяками.

Также еще и то, что наши воины и подданные обнаружили такое единодушие и согласие, что решили не прекращать усилий, пока в душе и в теле останется сила и дыхание.

По этим причинам враги, находясь в одном йигаче от Андижана, поневоле прислали Дервиша-Мухаммеда-тархана. Из

крепости вышел Хасан-Якуб; возле намаз-гаха послы свиделись, заключили мир и вернулись.

С северного берега реки Ходженда шел Султан-Махмуд-хан. Он пришел и осадил Ахсы. Джехангир-мирза был там. Из беков в Ахсы находились Али-Дервиш-бек, Мирза-Кули Кукельташ, Мухаммед-Бакыр-бек в Шейх-Абд-Аллах-ишик-ага; Веис-Лагыри и Мир-Гияс-Тагай тоже были там. Испугавшись, они ушли в Касан – область, управлявшуюся Веисом-Лагыри. Веис-Лагыри был воспитателем Насыра-мирзы; по этой причине Насыр-мирза находился в Касане. Когда Султан-Махмуд-хан достиг окрестностей Ахсы, эти беки передались хану и отдали ему Касан. Мир-Гияс остался на службе у хана; Веис-Лагыри отвез Насыр-мирзу к Султан-Ахмеду-мирзе; Насыр-мирзу поручили Мухаммед-Мазиду-тархану.

Хан, приблизившись к Ахсы, несколько раз начинал сражение, но ничего не мог сделать: беки и воины, находившиеся в Ахсы, хорошо сопротивлялись. В это время Султан-Махмуд-хан внезапно заболел; к тому же, начав войну, он ею тяготился. Поэтому он вернулся в свою область.

Абу-Бекр Дуглат Кашгари, который, ни перед кем не склоняя голову, уже несколько лет был правителем Кашгара и Хотана, также движимый стремлением к захвату страны, подошел близко к Узгенду, построил крепость и начал было разорять область. Ходжа-Казы и все беки были назначены выступить и прогнать кашгарца. Когда они подошли близко, кашгарец увидел, что он не соперник этим людям. Призвав Ходжу-Казы в посредники, он с помощью сотни уловок и хитростей спас свою жизнь.

Пока происходили эти большие события, беки и воины, оставшиеся после Омар-Шейха-мирзы, тесно сплотились и проявляли рвение. Мать мирзы, Султан-биким, Джехангир-мирза, женщины гарема и беки прибыли из Ахсы в Андижан и, исполняя обряд оплакивания, роздали бедным и нищим еду

и угощения. Освободившись от этих дел, они начали заниматься приведением в порядок, устройством и укреплением войска и страны. Должность правителя Андижана и звание ишик-аги получил Хасан-Якуб. В Ош был назначен Касим Каучин, в Ахсы и Маргинан были определены Узун-Хасан и Али-Дуст Тагай. Прочим бекам и воинам Омар-Шейха-мирзы были пожалованы и предоставлены области, земли, должности, чины или жалованье каждому по его положению.

Когда Султан-Ахмед-мирза возвращался обратно, то после двух или трех переходов его здоровье уклонилось от пути уравновешенности—его объяла жгучая лихорадка и, дойдя до Ак-Су, возле Ура-Теппа, он простился с сим бранным миром в середине месяца шаввала восьмьсот девяносто девятого года, со рока четырех лет.

Его рождение и происхождение. Он родился в восьмьсот пятьдесят пятом году; это был год, когда Султан-Абу-Саид-мирза овладел престолом. Старшим всех сыновей Султан-Абу-Саида-мирзы был он. Его мать была дочерью Урда-Буга-тархана, старшей сестрой Дервиш Мухаммеда-тархана и уважаемой женой мирзы.

Наружность и внешние качества. Он был человек высокого роста, с темнорусой бородой, краснолицый и тучный. Борода у него была на подбородке, на щеках бороды не было. Он был очень хороший собеседник, тюрбан наматывал, по обычаю того времени, на четыре оборота, опуская передний конец вперед, на брови.

Нрав и повадки. Султан-Ахмед-мирза был ханефит по исповеданию и человек чистой веры. Он не пропускал пятикратной молитвы и даже во время винопития не забывал о молитве. Он был предан его святейшеству ходже Убейд-Аллаху; его святейшество ходжа оказывал ему попечение и поддержку. Султан-Ахмед-мирза был человек очень вежливый, в особенности в обществе шейха; говорят, что на собраниях у

шейха он из приличия никогда не раздвигал колен. Однажды, в обществе его святейшества ходжи, он, вопреки обыкновению, сидел, раздвинув ноги. После того, как мирза встал, ходжа приказал осмотреть то место, на котором сидел мирза. Там лежала кость.

Султан-Ахмед-мирза ничего не читал, он был неграмотный. Хотя он вырос в городе, но был прост и бесхитростен и не обладал дарованиями. Он был справедливый человек и пребывал у ног святейшего ходжи. Большинство важных дел он решал согласно пути закона, исполнял и соблюдал обещание и слово, никогда не нарушая их. Он отличался храбростью, хотя ни разу не случилось, чтобы его руки дошли до настоящего дела; однако, говорят, что в некоторых битвах он проявлял признаки смелости. Стрелы он метал очень хорошо и большей частью попадал пернатой стрелой в утку, служившую мишенью. Пронсясь с одного конца ристалища до другого, он в большинстве случаев сбивал тыкву. Впоследствии, когда он стал тучным, то стрелял фазанов и перепелок и редко давал промах.

Он был любителем соколиной охоты и запускал много птиц; делал он это хорошо. После мирзы Улуг-бека не было второго такого государя-сокольничего.

Он был очень стыдлив. Говорят, что даже в своих покоях он закрывал ноги от приближенных и наперсников. Иногда, начав пить, он пил двадцать-тридцать дней подряд; иногда, воздерживаясь от чаши, не пил тоже по двадцать-тридцать дней. Усевшись пировать, он проводил иногда в собрании целые сутки. Пил он хорошо, а в те дни, когда не пил, употреблял много возбуждающих средств.

В его природе преобладала воздержанность; это был человек немногословный и мягкий; воля его была в руках беков.

Битвы Султана-Ахмеда-Мирзы. Он сражался в четырех битвах. Первую битву он вел в окрестностях Замина, у Акар-Тузи, против младшего брата шейха Джемалю Аргуна, Ни'мат Аргуна. Он победил.

Другой раз, сразившись с Омар-Шейхом-мирзой под Хавасом, он тоже победил. Еще один раз, в окрестностях Ташкента, на берегах реки Чир, у него была стычка с Султан-Махмуд-ханом. Сражением ее назвать нельзя; несколько могольских всадников подсаkali сзади к войску Султан-Ахмеда-мирзы и захватили обоз; множество воинов, без боя, без сражения, не глядя друг на друга, обратилось в бегство; большая часть их утонула в реке Чир.

Еще один раз Султан-Ахмед-мирза сражался с Хайдаром Кукельташем в окрестностях Яр-Яйлака; он победил.

Владениями Султан-Ахмеда-мирзы были Самарканд и Бухара, которые дал ему его отец. После убийства Шейха Джемала Абд-аль Каддусом он захватил Ташкент, Шахрухию и Сайрам. Некоторое время эти города были под его властью; потом он отдал Ташкент и Сайрам своему младшему брату Омар-Шейху-мирзе; Ходженд и Ура-Теппа тоже некоторое время принадлежали Султан-Ахмеду-мирзе.

Дети Султан-Ахмеда-мирзы. У него было два сына, которые умерли в младенчестве, и пять дочерей, из них четыре от Кутук-биким.

Старше всех была Рабиа-Султан-биким, которую называли Кара-Куз-биким.

Вторая его дочь была Салиха-Султан-биким, ее называли Ак-биким.

Третья его дочь – Айша-Султан-биким. Когда я приехал в Самарканд, пяти лет от роду, ее прочили за меня. Потом, во времена казачества, она приехала в Ходженд, там я взял ее в жены. Когда я вторично захватил Самарканд, у нее родилась единственная дочь, которая несколько дней спустя отправилась к милости аллаха. Еще до неурядиц в Ташкенте Айша-Султан-биким, по наущению своей старшей сестры, ушла от меня.

Четвертая дочь была Султаным-биким.

Самая младшая была Масума-Султан-биким. После прихода

в Хорасан я увидел ее, она мне понравилась, я посватался, привез ее в Кабул и взял в жены. От трудных родов она отправилась к милости аллаха. Родившейся дочери было дано имя ее матери.

Жены и наложницы Султан-Ахмеда-мирзы. Первой из них была Михр-Нигар-ханум, сосватанная для него Султан-Абу-Саидом-мирзой. Это была старшая дочь Юнус-хана и единоутробная сестра моей матери. Другая была из тарханов¹, ее звали Тархан-биким. Еще одна была Кутук-биким, молочная сестра этой Тархан-биким. Султан-Ахмед-мирза взял ее по любви, и она имела очень большую власть. Пила вино. При ее жизни Султан-Ахмед-мирза не ходил к другим женам. В конце концов он убил ее и избавился от срама.

Другая его жена была Хан-Заде-биким, из дома термезских вельмож. Когда я, пяти лет от роду, прибыл в Самарканд к Султан-Ахмеду-мирзе, она еще носила на лице покрывало. Мне приказали по народному обычаю открыть ей лицо.

Другая его жена была внучка Ахмед-Хаджи-бека, по имени Латыфа-биким.

Еще одна была Хабиба-Султан-биким, племянница Султан-Аргуна.

Эмиры Султан-Ахмеда-мирзы. Джанибек-Дулдай был младшим братом Султан-Мелика Кашгари. Султан-Абу-Саид-мирза поручил ему управление Самаркандом, а Султан-Ахмед-мирза назначил его своим ишикагой. Джанибек-Дулдай был человек удивительного нрава и поведения; о нем рассказывали много диковинок. Когда он был правителем Самарканда, от кочевых узбеков прибыл посол. Среди своего народа этот посол славился силой. Кочевники, говорят, называют сильного человека «бука». Джанибек сказал: «Ты «бука»? Если ты «бука», иди, поборемся». Как посол ни отговаривается, тот не отстает. Они борются и Джанибек его валит. Мужественный был человек!

---

¹ Тарханы – привилегированные лица пользовавшиеся налоговыми льготами.

Другой был Ахмед-Хаджи-бек, сын Султан-Мелика- Кашгари. Султан-Абу-Саид-мирза несколько раз поручал ему управление Гератом. После смерти его дяди Джани- бека он дал ему должность последнего и послал его в Самарканд. Это был человек даровитый и мужественный. Он принял поэтическое прозвище Вефай; был автором дивана¹. Стихи его недурны. Ему принадлежит такой стих:

Я пьян, мухтасиб², отстань от меня сегодня,
Взыщи с меня в тот день, когда найдешь меня трезвым.

Мир-Алишер Навои, когда он приехал из Герата в Самарканд, находился при Ахмед-Хаджи-беке. После того, как Султан-Хусейн-мирза стал государем, Алишер-бек приехал к нему и встретил великое благоволение. Ахмед-Хаджи-бек держал хороших коней и прекрасно ездил верхом. Большинство этих коней было собственного завода. Хотя он был человек мужественный, но его полководческое искусство было не таково, как мужество. Это был беззаботный человек, и его делами заправляли слуги и нукеры.

Когда Байсункар-мирза сразился с Султан-Али-мирзой в Бухаре и потерпел поражение, Ахмед-Хаджи-бек попал в плен. Его обвинили в пролитии крови Дервиш-Мухаммеда-тархана и позорно убили.

Другой эмир был Дервиш-Мухаммед-тархан, он был сын Урда-Бука-тархана, единоутробный брат матери Султан-Ахмеда-мирзы и Султан-Махмуда-мирзы. Он был выше и значительнее всех беков, что находились при мирзе Султан-Ахмеде. Это был хороший мусульманин, мягкий человек, вроде дервиша. Он постоянно переписывал Коран, много играл в шахматы; хорошо играл. Отлично знал науку охоты и прекрасно

---

¹ Диван – здесь – сборник стихотворений.

² Мухтасиб – официальный блюститель нравственности.

запускал соколов. В конце концов, во время распри между Байсункар-мирзой и Султан-Али-мирзой, он умер позорной смертью в годы величия.

Другой эмир был Абд-аль-Али-тархан, близкий свойственник Дервиш-Мухаммеда-тархана. Младшая сестра последнего была за ним замужем; это мать Баки-тархана.

Хотя Дервиш-Мухаммед-тархан, по чину и званию, был выше Абд-аль-Али-тархана, но этот фараон не замечал его. Несколько лет управление Бухарой было за ним; число его нукеров доходило до трех тысяч; нукеров он содержал хорошо и заботливо. Его подарки, посещения, диван¹, угощения и собрания были истинны, царские. Это был человек властный, жестокий, развратный и надменный.

Шейбани-хан, хотя не был его нукером, однако несколько раз, был при нем, а многие худые и знатные султаны-шейбаниды были у него нукерами. Причиной такого возвышения Шейбанихана и истребления стольких, древних династий был Абд-аль-Али-тархан.

Другой эмир был Сейид Юсуф Оглакчи. Его дед пришел от моголов, к его отцу благоволил мирза Улугбек. Мнения и распоряжения Сейида-Юсуфа были очень хороши, мужество ему тоже было свойственно. Он хорошо играл на кобузе.

Когда я в первый раз прибыл в Кабул, Сейид-Юсуф был при мне. Я оказывал ему большое внимание и, действительно, он стоил внимания! В тот год, когда мое войско впервые выступило в Хиндустан, я оставил Сейид-Юсуф-бека в Кабуле. В это время он умер.

Другой эмир был Дервиш-бек, из потомков Айгу-Тимурбека, которому оказывал покровительство Тимур-бек. Он был муридом² святейшего ходжи Убейд-Аллаха, был сведущим в

---

¹ Диван – в данном случае официальный прием.

² Мурид – ученик, послушник.

науке о музыке и сам тоже играл на инструментах. У него была способность к стихосложению. Когда Султан-Ахмед-мирза был разбит на реке Чир, Дервиш-бек погиб, утонув в реке.

Другой эмир был Мухаммед-Мазид-тархан, младший единородный брат Дервиш-Мухаммеда-тархана. Несколько лет он был правителем Туркестана; Шейбани-хан отнял Туркестан у него. Его мнения и распоряжения были хороши, но он был бесстыдник и развратник.

Когда я во второй и в третий раз взял Самарканд, он пришел ко мне, я ему оказывал большое внимание. Он погиб в битве при Куль-Малике.

Другой эмир был Бакы-тархан, сын Абд-аль-Али-тархана и двоюродный брат Султан-Ахмеда-мирзы. После его отца Бухару отдали ему; во времена Султан-Али-мирзы он очень возвысился. Число его нукеров доходило до пяти-шести тысяч. Он был не очень послушен и покорен Султан-Али-мирзе; сразившись с Шейбани-ханом у крепости Даббуси, он потерпел поражение; благодаря этой победе Шейбани-хан пошел дальше и взял Бухару.

У Бакы-тархана была большая склонность к соколиной охоте; говорят, у него было семьсот ловчих птиц. Таких свойств и качеств, о которых стоило бы говорить, у него не было. Он вырос в знатности и богатстве. Так как его отец сделал много добра Шейбани-хану, то Бакы-тархан отправился к нему. Этот неблагодарный и невеликодушный хан не оказал ему, в воздаяние за благо, никакого внимания и заботы, и Бакы-тархан в презрении, унижении и печали покинул сей мир в области Ахсы.

Другой эмир был Султан-Хусейн-Аргун. Некоторое время он был правителем Кара-Куля, поэтому известен под прозвищем Султан-Хусейн-Кара-Кули. Его мнения и распоряжения были очень хороши; у меня он также пробыл долго.

Другой эмир был Кул-Мухаммед-Бугдай. Он был из племени каучин. Он отличался мужеством.

Другой эмир был Абд-аль-Карим Ишрит. Он был уйгур. Был ишик-агой у Султан-Ахмеда-мирзы. Это был человек шедрый и мужественный.

После смерти Султан-Ахмеда-мирзы беки, сговорившись, послали через горы гонца к Султан-Махмуду-мирзе, призывая его. Сын старшего брата Султан-Абу-Саида-мирзы, Менучихра-Мирзы, Мелик-Мухаммед-мирза, жаждая власти, собрал вокруг себя несколько бродяг и бездельников, ушел из стана и пришел в Самарканд. Он не смог ничего сделать и стал причиной смерти – своей собственной и нескольких невинных царевичей.

Когда весть об этом дошла до Султан-Махмуда-мирзы, тот тоже, не задерживаясь, пришел в Самарканд и, без труда и усилий, воссел на престол.

Из-за некоторых дел Султан-Махмуда-мирзы, знатные и худородные, воины и подданные почувствовали к нему отвращение и неприязнь. Первое из них таково: упомянутого ранее Мелик-Мухаммеда-мирзу, который был сыном его дяди и его собственным зятем, и еще четырех мирз он отослал в Кок-Сарай; оставив двух из них в живых, он сделал мучеником Мелик-Мухаммеда-мирзу и еще одного мирзу. А ведь до некоторых из них царский сан и не касался и стремления к этому у них совсем не было; если Мелик-Мухаммед-мирза и был несколько виноват, то за другими не было никакой вины.

Другое обстоятельство – то, что хотя строй и порядок были при нем очень хорошо и он был сведущ в делах дивана¹ и знал науку счисления, однако, его естество было склонно к насилию и разврату. Придя в Самарканд, он тотчас же стал вводить новое устройство и порядок, повинности и налоги. Людям, подчиненным его святейшему ходже Убейд-Аллаху, из коих многие, бедняки и нищие, благодаря его защите были избавлены от насилий и притеснений в отношении повинностей и налогов, на-

¹ Диван – присутственное место, канцелярия.

чали чинить много притеснений и строгостей; а какое было основание причинять им такие затруднения?

Эти притеснения и строгости распространились даже на потомков самого ходжи.

Еще одно обстоятельство: как сам он был жесток и развратен, так и его беки, великие и малые, нукеры и слуги – все были жестоки и развратны. Жители Хисара, в особенности люди, подвластные Хусрау-шаху, постоянно занимались пьянством и блудом. Однажды кто-то из нукеров Хусрау-шаха силой уводит чью-то жену; муж той женщины приходит и приносит Хусрау-шаху жалобу. Тот отвечает: «она пробыла с тобой несколько лет; пусть же пробудет с ним несколько дней».

И еще одно – это то, что безбородые юноши – дети горожан, и торговцев, даже тюрок и военных, – не выходили из дому, боясь, что их заберут в «мальчишки». Жители Самарканда, которые двадцать-двадцать пять лет, во времена Султан-Ахмеда-мирзы, провели в довольстве и покое, так как обращение с ними, благодаря святейшему ходже, в большинстве случаев, соответствовало справедливости и закону, были до глубины души и сердца обижены и огорчены такой несправедливостью и развратом. Худородный и знатный, бедный и богатый раскрывали уста и воздевали руки, произнося проклятия и пожелания зла.

Берегись боли скрытых ран,
Ибо скрытая рана в конце концов становится явной;
Не расстраивай, пока можешь, и одного сердца,
Ибо один вздох расстраивает весь мир.

Во всяком случае, из-за своей злополучной жестокости и разврата Султан-Махмуд-мирза правил в Самарканде не больше пяти-шести месяцев.

СОБЫТИЯ ГОДА ДЕВЯТИСОТОГО.

Ко мне прибыл от Султан-Махмуда-мирзы посол, по имени Абд-Аль-Каддус-бек, и доставил подарки по случаю того, что Султан-Махмуд-мирза, с подобающими празднествами и обрядами, взял в жены для своего старшего сына, Султан-Масуда-мирзы, вторую дочь своего старшего брата Султан-Ахмеда-мирзы, по имени Ак-биким. Они сделали и прислали в подарок миндаль и фисташки из золота и серебра.

Прибывший посол был в родстве с Хасан-Якубом. Он пришел для того, чтобы обещаниями привлечь Хасан-Якуба на сторону мирзы. Хасан-Якуб дал неопределенный ответ и отпустил посла, но вел себя так, словно был на его стороне. Месяцев пять-шесть спустя настроение Хасан-Якуба укрепилось и он начал обижать бывших со мной людей. Он вел дело к тому, чтобы отослать меня и объявить государем Джехангир-мирзу. Отношения Хасан-Якуба с другими эмирами и воинами тоже были не хороши, и все были осведомлены о таких его замыслах. Ходжа-Казы, Касим-Каучин, Али-Дуст Тагай, Узун-Хасан и некоторые другие доброжелатели, собравшись у моей бабки Исан-Даулет-биким, сговорились о том, чтобы низложить Хасан-Якуба и успокоить смуту.

Среди женщин по уму и рассудительности мало найдется таких, как моя бабка Исан-Даулет-биким. Она была очень

умная и рассудительная женщина: большинство дел осуществляли, советуясь с ней.

Хасан-Якуб был в арке, моя мать и бабка Исан-Даулет-биким находились вне крепости, в наружном укреплении. С намерением низложить Хасан-Якуба, я отправился в арк. Хасан-Якуб уехал на охоту. Узнав о случившемся, он прямо оттуда направился в сторону Самарканда. Люди Хасан-Якуба и беки, которые находились с ним, были схвачены; среди задержанных беков были Мухаммед-Бакир-бек и Султан-Махмуд-Дулдай, отец Султан-Мухаммеда-Дулдая; был и еще кое-кто. Некоторым было разрешено отправиться в Самарканд. Звание ишикаги и должность правителя Андижана были утверждены за Касим Каучином.

Хасан-Якуб, который, направляясь к Самарканду, дошел до Канд-и-Бадама, через несколько дней двинулся в Ахсы, имея дурные намерения, и пришел в окрестности орчина¹ Коканда. Получив известие об этом, мы послали против него некоторых беков и йигитов. Беки передового отряда выслали вперед нескольких йигитов в дозор; Хасан-Якуб, узнав об этом, выступил ночью против йигитов, выделенных в дозор, окружил их и стал пускать стрелы. В темноте ночи одна из стрел его же людей попала Хасан-Якубу в нижний позвонок, и он стал пленником своих собственных деяний (т. е. умер).

Когда ты сделал дурное, не считай себя
в безопасности от беды,
Ибо возмездие—неизбежный закон природы.

В этом году я начал воздерживаться от сомнительных кушаний и тщательно выбирал даже нож, ложку и скатерть. Ночные молитвы я тоже пропускал редко.

---

¹ Орчин – округ.

В месяце раби втором на Султан-Махмуда-мирзу напала сильная болезнь, и через шесть дней он ушел из мира. Жил он сорок три года.

Его рождение и происхождение. Он родился в восемьсот пятьдесят седьмом году и был третьим сыном Султан-Абу-Саида-мирзы, единоутробным братом Султан-Ахмеда-мирзы.

Внешность и качества. Это был человек небольшого роста, с длинной редкой бородой, тучный и очень молчаливый.

Качества и повадки его были очень хороши. Он не пропускал молитвы, порядок и управление были при нем хороши. Он прекрасно знал науку счисления, ни один дирхем или динар не расходовали в стране без его ведома. Жалование нукерам никогда не задерживалось. Его судилища, собрания, подарки и угощения были превосходны, и все шло по правилам и по порядку. Ни воины, ни подданные никогда не преступали ни одного распоряжения и установления, которые ввел Султан-Махмуд-мирза.

Раньше Султан-Махмуд-мирза сильно увлекался птичьей охотой, потом много охотился за крупной дичью. Он был очень склонен к жестокости и разврату.

Жестокость и разврат Султан-Махмуда-мирзы принесли ему несчастье, и все его сыновья умерли молодыми.

Султан-Махмуд-мирза занимался стихосложением. Он составил диван, но его стихи были очень слабы и бесвкусны; чем сочинять такие стихи, лучше ничего не сочинять.

Султан-Махмуд-мирза был муж дурной веры, он не уважал ходжу Убейд-Аллаха. Это был человек трусливый, и стыда в нем было немного; его окружали шуты и бесстыдники; в диване и перед людьми они совершали безобразные и гнусные поступки. Он плохо говорил, и его речь сразу нельзя было понять.

Его битвы. Он сражался два раза, оба раза – с Султан-Хусейном-мирзой. Первый раз, под Астрабадом, он был побежден, второй раз, в окрестностях Андхуда, у местности, называемой Чекмен, он тоже был побежден. Два раза он ходил войной в Кафиристан, в южной части Бадахшана, поэтому в тугре¹ его указов писали: «Султан-Махмуд гази²».

Его владения. Султан-Абу-Саид-мирза отдал ему Астрабад. После гибели Султан-Абу-Саида в Иране он пришел в Хорасан; в то время правителем Хисара был Камбар-Али-бек. По приказанию Султан-Абу-Саида-мирзы он повел войска Хиндустана, чтобы присоединиться к мирзе и, направляясь в Ирак, достиг Хорасана. Он присоединился к Султан-Махмуду-мирзе. Услышав молву о приближении Султан-Хусейна-мирзы, жители Хорасана взбунтовались и выгнали Султан-Махмуда-мирзу из Хорасана. Он пришел в Самарканд к Султан-Ахмеду-мирзе. Спустя несколько месяцев Сейид Бедр, Хусрау-шах и некоторые другие йигиты под главенством Ахмеда Муштака увезли Султан-Махмуда-мирзу в Хисар к Камбар-Али-беку. С тех пор области к югу от Кахка и горы Кухтан-Термез, Чаганиан, Хисар, Хутгалан, Кундуз и Бадахшан, до гор Хиндукуша, были подвластны Султан-Махмуду-мирзе. После смерти его старшего брата, Султан-Ахмеда-мирзы, владения последнего тоже перешли во власть Султан-Махмуда-мирзы.

Его дети. У него было пятеро сыновей и одиннадцать дочерей. Старшим из всех сыновей был Султан-Масуд-мирза, его матерью была Хан-Заде-биким, дочь Мир-Бузурга Термези.

Другой был Байсункар-мирза, его матерью была Пашша-биким.

Другой был Султан-Али-мирза, его мать была Зухре-Бики-Ага; она была наложница.

¹ Тугра – монограмма государя.

² Гази – борец против неверных.

Другой был Султан-Хусейн-мирза; его матерью была Хан-Заде-биким, внучка Мир-Бузурга. При жизни мирзы Султан-Махмуда, тринадцати лет от роду, он отправился к милости господней.

Еще один сын был Султан-Веис-мирза; его матерью была Султан-Нигар-ханум, дочь Юнус-хана, младшая сестра моей матери. Обстоятельства жизни этих четырех мирз будут упоминаться в сей летописи при изложении событий соответствующего года.

Три дочери Султан-Махмуда-мирзы были единоутробные сестры Байсункара-мирзы. Другие пять дочерей были от Хан-Заде-биким, внучки Мир-Бузурга.

Младшая дочь была Зейнаб-Султан-биким. Когда я взял Кабул, то женился на ней по настоянию моей матери Кутлук Нигар-ханум. Особого толка из этого не вышло. Спустя два-три года она ушла из мира, заболев оспой.

Еще одна дочь была Махдума-Султан-биким, это единоутробная старшая сестра Султан-Али-мирзы. Теперь она находится в Бадахшане.

Еще две дочери были от наложницы. Одну из них звали Раджаб-Султан, другую – Мухибб-Султан.

Жены и наложницы Султан-Махмуда-мирзы. Старшей его женой была дочь Мир-Бузурга Термези, по имени Хан-Заде-биким; мирза очень ее любил. Она была матерью Султан-Масуда-мирзы. После ее смерти мирза очень горько ее оплакивал, потом он взял в жены внучку Мир-Бузурга, племянницу той Хан-Заде-биким. Она была матерью пяти его дочерей и одного сына.

Другая его жена была Пашша-биким, дочь Али-Шукур-бека, одного из туркменских беков, племени Кара-Койлук Бахарлу. Когда Узун-Хасан Ак-Койлук отнял у сыновей Джехан-шаха Азербайджан и Ирак, сыновья Али-Шукур-бека с четырьмя-пятью тысячами семейств туркмен Кара-Койлуков пришли слу-

жить Султан-Абу-Саиду-мирзе. После поражения Султан-Абу-Саида-мирзы они поселились в этих областях. Когда Султан-Махмуд-мирза прибыл из Самарканда в Хисар, они явились служить Султан-Махмуду-мирзе. Мирза взял Пашша-биким в это время.

Другая его жена была Султан-Нигар-ханум.

Наложниц и любовниц было у него много: наложницей, пользовавшейся почетом, была Зухре-Бики-Ага. Он взял ее в молодости, при жизни Султан-Абу-Саида-мирзы. Она была матерью одного сына и одной дочери.

Эмиры Султан-Махмуда-мирзы. Хусрау-шах. Он из туркменских кипчаков. В малолетстве был при беках-тарханах для близких услуг, а потом стал даже нукером Мазидбека Аргуна, который оказывал ему внимание. После иракской смуты Хусрау-шах присоединился к Султан-Махмуду-мирзе и в дороге оказывал ему подходящие услуги, вследствие чего Султан-Махмуд-мирза проявил к нему внимание. Впоследствии Хусрау-шах очень сильно возвысился. Уже во времена Султан-Махмуда-мирзы число его собственных нукеров достигло пяти-шести тысяч. Все области от Аму-Дарьи до гор Хиндукуша, кроме Бадахшана, были ему подвластны. Это было сплошное владение.

Угощения его были хороши, как и его щедрость, несмотря на его происхождение. Он был большой стяжатель, но так же, как приобрел, он и тратил хорошо.

После Султан-Махмуда-мирзы, при его сыновьях, Хусрау-шах очень сильно возвысился. Число его нукеров приближалось к двадцати тысячам. Хотя он соблюдал воздержание в пище и совершал молитвы, но был человек нечистый, развратный, тупой, без понятия, вероломный и неблагодарный. Ради быстротечной преходящей земной жизни он ослепил одного из сыновей своего благодетеля, который его воспитал, и убил другого. Перед богом он был ослушником, а для людей – ненавист-

ным, достойным того, чтобы его проклинали и поносили до самого судного дня. Ради скоротечной земной жизни он сделал столько дурных дел! Владея таким множеством благоустроенных областей и столь большим количеством хорошо снаряженных нукеров, он не сразился даже с курицей. Упоминание о нем в этой летописи еще последует.

Другой эмир был Мухаммед-Ильчи-Буга, из племени каучин. У ворот Балха и в битве при Хазараспе он дрался на кулачках, на спор, перед Султан-Абу-Саидом-мирзой. Это был храбрый человек. Он постоянно служил мирзе, и мирза поступал согласно его мнению. Когда Султан-Хусейн-мирза осаждал Кундуз, Мухаммед-Ильчи-Буга, ради соперничества с Хусрау-шахом, вышел с немногими людьми, невооруженный, без кольчуги и произвел ночное нападение. Правда, ему не удалось ничего сделать, да и что он мог сделать против такого большого войска? За ним бросились в погоню, он кинулся в реку и утонул.

Другой эмир был Айюб. Он служил при Султан-Абу-Саиде-мирзе в хорасанском отряде телохранителей. Это был мужественный человек. Он был воспитателем мирзы Байсункара. Эмир Айюб любил изысканность в пище и одежде, был шутник и болтун. Султан-Махмуд-мирза, обращаясь к нему, называл его «бесстыдник». Другой эмир был Вели, младший единокровный брат Хусрау-шаха. Он хорошо содержал своих нукеров. Виновником того, что глаза Султан-Масуда-мирзы ослепили иголкой, а Байсункар-мирзу убили, был он. Вели хулил всех, был злоязычен и сквернословил; это был самохвал и ничтожный, бестолковый человечешко. Кроме себя, он не хвалил ни одного человека ни за какое дело.

Когда я пришел из области Кундуз и, разлучив Хусрау-шаха с его нукерами и слугами в окрестностях Души, отпустил его, Вели тоже, опасаясь кочевников, пришел в Андераб и Сираб. Тамошние кочевники разбили и ограбили его и, надеясь на нас, пришли в Кабул. Вели ушел к Мухаммеду Шейбани, а тот при-

казал отрубить ему голову в городе Самарканде.

Другой эмир был Шейх-Абд-Аллах Барлас. За ним была одна из дочерей Шах-Султан-Мухаммеда, – тетка- Абу-Бекр-мирзы и Султана-Махмуд-хана. Он был человек мягкий и благородный, носил узкую одежду в складках.

Другой эмир был Махмуд Барлас, он из невендакских барласов. При Султан-Абу-Саиде-мирзе он тоже был беком. Когда Султан-Абу-Саиду-мирзе подчинились земли Ирака, он отдал Керман Махмуду Барласу. После того, как Мазид-Бек-Аргун и Кара-Куйлукские туркменские беки, присоединившись к Абу-Бекр-мирзе, пришли в Хисар, выступив против Султан-Махмуда-мирзы, и тот ушел в Самарканд к своему старшему брату, Махмуд Барлас не отдал Хисара и хорошо держался. Он был поэт и составил диван.

После смерти Султан-Махмуда-мирзы Хусрау-шах утаил это обстоятельство от народа и запустил руку в его казну. Но как останется такое событие скрытым? Весть тотчас же распространилась среди всего населения города. В этот день у жителей Самарканда был большой праздник. Воины и народ собирались напасть на Хусрау-шаха, но Ахмед-Хаджи-бек и беки-тарханы подавили волнения и удалили Хусрау-шаха в Хисар. Султан-Махмуд-мирза, при жизни, отдал Хисар своему старшему сыну, Султан-Масуду-мирзе, а Байсункар-мирзе отдал Бухару и отправил их туда. Во время этих событий не присутствовал ни один из них. После удаления Хусрау-шаха беки Самарканда и Хисара, сговорившись, послали в Бухару к Байсункар-мирзе человека, призвали его и посадили на престол Самарканда. Когда Байсункар-мирза стал государем, ему было восемнадцать лет. Тем временем Султан-Махмуд-хан, следуя словам Султан-Джунейда Барласа и некоторых самаркандских вельмож, повел войска, с намерением овладеть Самаркандом, и пришел в окрестности Канбая. Байсункар-мирза, со своей стороны, вышел из Самарканда с многочисленным, сильным и

хорошо снаряженным войском. В окрестностях Канбая они сразились. Хайдар Кукельташ, бывший главным столпом войска моголов, стоял во главе авангарда. Все его люди сошли с коней и принялись пускать стрелы. Много конных йигитов из Самарканда и Хисара, исполненных ревности, погнало коней вперед, и все моголы, которые были под началом Хайдар-бека и спешились, оказались под ногами коней. После-того, как Хайдар-бека взяли, моголы не могли сражаться, и их одолели. Множество моголов было истреблено. Байсункар-мирза велел обезглавить у себя на глазах столько людей, что из-за огромного количества трупов дорога оказалась забитой в трех местах.

В это самое время Ибрахим Сару, из племени Минг, который с малых лет состоял на службе у моего отца и впоследствии, достигнув степени бека, был удален за какую-то провинность, пришел в крепость Исфару и, прочитав хутбу¹ с именем Байсункар-мирзы, встал на путь послушания. В месяце шабана мои войска выступили, чтобы подавить восстание Ибрахима Сару. В конце этого месяца мы стали лагерем вокруг Исфары. В первый день, сейчас же по прибытии, йигиты, из озорства, захватили новую укрепленную стену, которую строили, вне крепости. В этот день Сейид-Касим-ишик-ага дрался лучше всех и, вырвавшись вперед, бился мечом. Султан- Ахмед Тенбель и Мухаммед-Дуст Тагай тоже бились мечом, но «долю богатыря» получил Сейид-Касим. «Богатырская доля» – древний обычай у моголов. На каждом пиршестве или трапезе всякий, кто вырвался из рядов и бился мечом, получает лучший кусок. Когда я отправился в Шахрухию и повидался с моим дядей Султан-Махмуд-ханом, «богатырскую долю» получил Сейид-Касим.

В первый день битвы в моего воспитателя, Худай- Берды, попала стрела из самострела, и он умер. Из-за-того, что воины

---

¹ Хутба – проповедь.

были недостаточно вооружены, некоторые йигиты погибли и многие были ранены. У Ибрахима Сару был один лучник, он очень хорошо стрелял; другого такого стрелка не было видано. Именно он ранил большинство людей. После занятия крепости он стал моим слугой.

Осада затянулась. Было приказано в двух-трех местах построить валы, прорыть подземные ходы и усердно заняться подготовкой осадных орудий. Осада продлилась сорок дней. В конце концов Ибрахим Сару, оказавшись бессильным, прибег к посредничеству Ходжи-маулана-и-казы и выразил покорность. В месяце шаввале он пришел, повесив меч и колчан себе на шею, сдал крепость и поступил ко мне в услужение.

Ходженд также долгое время был подчинен дивану Омар-Шейха-мирзы. Во время всеобщей смуты и в этом владении возникли беспорядки, и Ходженд теперь принадлежал Султан-Ахмеду-мирзе. Раз выпал такой удобный случай, то мы пошли также и на Ходженд. В крепости Ходженда находился отец Мир-могола, Абд-аль-Ваххаб Шигаул. Когда я пришел, он сразу, без замедления, сдал крепость.

В это время Султан-Махмуд-хан пришел в Шахрухию. Раньше, когда Султан-Ахмед-мирза явился в окрестности Андижана, хан, как уже упоминалось, тоже пришел туда и обложил Ахсы. Мне пришло на ум: раз между нами такая близость, то хан мне – как отец или старший брат. «Если я пойду и стану ему служить и если минувшие неудовольствия рассеются, это покажется хорошим слышащему и видящему и вблизи и вдали» – подумал я и явился к хану в сад, разбитый Хайдарбеком в окрестностях Шахрухии. Хан восседал в большой беседке посреди сада. Войдя в беседку, я трижды преклонил колени; хан тоже поднялся, кланяясь. Когда я поздоровался и отступил назад, преклонив колени, хан приказал мне сесть с собой рядом и проявил большое благоволение и ласку. Через день или два я направился в сторону Ахсы и Андижана через

перевал Кендырлик. Достигнув Ахсы, я совершил обряд поклонения могиле моего отца. Я вышел из Ахсы в час соборной молитвы и, пройдя дорогой на Бенд-и-Салар, вступил в Андижан между вечерней молитвой и молитвой перед сном. Эта дорога, то-есть дорога через Бенд-и-Салар, тянется девять йигачей.

Среди кочевников Андижанской области есть племя чогрек; это большое племя, в пять-шесть тысяч семей. Они живут в горах между Ферганой и Кашгаром, у них много коней и множество овец. В этих горах вместо быков разводят кутасов¹. Кутасов у них тоже много.

Так как их горы непроходимы и находятся на окраине, то чогреков трудно заставить сдавать скот. Поставив Касим-бека во главе войска, я послал его к чогрекам, чтобы он взял с них скот и раздал часть его войску. Касим-бек пошел и, захватив около двадцати тысяч овец и от тысячи до полутора тысяч лошадей, разделил их между воинами.

Возвратившись от чогреков, войско выступило на Ура-Теппа, который долгое время находился под властью Омар-Шейха-мирзы. В год смерти мирзы Ура-Теппа вышел из его рук. Теперь, от имени Байсункар-мирзы, там правил его младший брат Султан-Али-мирза.

Султан-Али-мирза, узнав о выступлении войска, сам ушел в Пальгар и в горную область Масча, а в Ура-Теппа оставил своего воспитателя шейха Зу-н-Нуна. Миновав Ходженд и дойдя до половины пути, я отправил Халифу к шейху Зу-н-Нуна в качестве посла.

Этот неразумный человечешко (Зу-н-Нун) не дал удовлетворительного ответа и, приказав задержать Халифу, велел его умертвить. Так как на то не было воли божией, то Халифа освободился и через два-три дня, после тысячи тысяч тягот и мучений, вернулся пеший и нагой.

---

¹ Кутас – горный бык.

Мы пришли в окрестности Ура-Теппа. Так как зима была близко, то люди уже сняли весь хлеб и траву. По этим причинам мы через несколько дней вернулись в Андижан.

После нашего ухода один из людей хана пошел на Ура-Теппа. Человек, сидевший в Ура-Теппа, не мог устоять, бросил город и ушел. Хан отдал Ура-Теппа Мухаммеду-Хусейну Гургану. С этого времени и до девятьсот восьмого года Ура-Теппа принадлежал Мухаммеду-Хусейну Гургану.

СОБЫТИЯ ГОДА ДЕВЯТЬСОТ ПЕРВОГО

Султан-Хусейн-мирза повел войска из Хорасана на Хисар и зимой подошел к Термезу. Султан-Масуд-мирза, собрав войско, тоже пришел к Термезу с другой стороны и стал лагерем. Хусрау-шах, сам укрепившись в Кундузе, послал своего младшего брата Вели к войску. Большую часть зимы противники провели на берегах реки: они не смогли переправиться. Султан-Хусейн-мирза был знающий дело и опытный государь: он пошел к Кундузу вверх по реке, берегом. Отвлекая внимание войска, стоявшего напротив, он отрядил пятьшесть сотен отборных йигитов под начальством Абд-аль-Латыф Бахши к келифской переправе. Пока неприятельское войско об этом проведало, Абд-аль-Латыф Бахши с назначенными людьми перешел Аму-Дарью у келифской переправы и укрепился на берегу. Когда весть об этом дошла до Султан-Масуда-мирзы, то хотя Вели, брат Хусрау-шаха, всячески настаивал на выступлении, однако Султан-Масуд-мирза не пошел против перешедших реку вследствие малодушия или из-за происков Бақы-Чаганиани, который был врагом Вели. Люди Султан-Масуда-мирзы в беспорядке отступили к Хисару.

Султан-Хусейн-мирза, перейдя реку, послал Бади- аз-Замана-мирзу, Ибрахим-Хусейна-мирзу, Мухаммеда Вели-бека и Зу-н-

Нуна Аргуна вперед, против Хусрау-шаха. Музаффар-мирзу и Мухаммеда Бурундука Барласа он двинул на Хутталан, а сам пошел на Хисар. Приблизившись, он узнал, что Султан-Масуд-мирза не нашел полезным, оставаться в Хисаре и ушел вверх по реке Кемруд, через Сире-Так, к своему младшему брату Бай-сункар-мирзе, в Самарканд.

Вели тоже потянулся в сторону Хутталана. Баки Чаганиани, Махмуд Барлас и Султан-Ахмед, отец Куч-бека, укрепили крепость Хисара. Хамза-султан и Мехди-султан, которые несколько лет назад покинули Шейбани-хана и находились на службе у Султан-Махмуда-мирзы, вместе со всеми своими воинами, а также Мухаммед Дуглат, сын Султан-Хусейна Дуглата и все моголы, которые жили в области Хисара, во время этих смут потянулись к Кара-Тегину.

Султан-Хусейн-мирза, получив об этом известие, послал Абу-ль-Мухсина-мирзу с несколькими йигитами вверх по долине Кемруда вслед Султан-Масуду-мирзе. Когда тот входил в ущелье, они настигли его, но не смогли ничего сделать. Мирза-бек Ференгибаз хорошо рубился там мечом.

Ибрахим-тархан, Якуб-и Айюб и некоторые другие были посланы с войском в Кара-Тегин против Хамзы-султана и моголов. В Кара-Тегине они настигли их и сразились. Передовой отряд Султан-Хусейна-мирзы был разбит; большинство его беков сбили с коней, но отпустили.

После своего ухода из Хисара, Хамза-султан, Мехди-султан, сын Мехди-султана Мамак-султан, Мухаммед Дуглат, который потом был известен под именем Мухаммеда Хисари, Султан-Хусейн Дуглат и нукеры, подчиненные этим султанам, а также моголы, жившие в области Хисара – нукеры Султан-Махмуда-мирзы, вспомнив о нас, в месяце рамазана явились в Андижан. В это время, по обычаю султанов-тимуридов, я восседал на ложе. Когда пришли Хамза-султан с Мехди-султаном и Мамак-султаном, я поднялся из уважения к этим султанам и, сойдя с

ложе, поздоровался с ними. Я усадил султанов по правую руку, на подушку.

Все моголы, подначальные Мухаммеду Хисари, тоже явились: все они пожелали мне служить.

Султан-Хусейн-мирза пришел и стал лагерем вокруг крепости Хисар. Днем и ночью он не знал отдыха и покоя; штурмуя крепость, устраивая подкопы, устанавливая пушки и меча камни. В четырех-пяти местах он прорыл подкоп: ход, вырытый у города, близ ворот, сильно выдвинулся вперед; люди в крепости тоже прорыли подкоп и обнаружили тот ход. Осужденные пустили на врагов дым; те заткнули отверстие, и дым снова вернулся к людям в крепости. Те чуть не умерли и бегом выбежали из подкопа. В конце концов они стали носить воду, кувшин за кувшином, и, выливая ее, выгнали осаждающих из подкопа.

В другой раз отряд проворных йигитов, выйдя, обратил в бегство воинов, находившихся у подкопа.

Как то на северной стороне, где стоял мирза, установили пушки и, меча огромные камни, пробили брешь в одной башне. Ко времени молитвы перед сном башня упала. Некоторые йигиты, проявляя поспешность, просили разрешения на битву, говоря: «Уже пора». Мирза не дал разрешения. А к рассвету люди в крепости целиком отстроили башню, так что утром боя вести не пришлось.

За два или два с половиной месяца, кроме осадных работ, рытья подкопов, возведения насыпей и метания камней, ничего не было. Хороших сражений Султан-Хусейн-мирза не вел.

Когда Бади-аз-Заман-мирза с тем отрядом, который был послан против Хусрау-шаха, встал в трех-четырёх йигачах ниже Кундуза, Хусрау-шах построил бывших с ним людей в боевой порядок и вышел из Кундуза. Сделав одну ночевку, он пошел на войско противника. Такое множество эмиров и столько полководцев и беков (Бади-аз-Замана-мирзы), хотя людей у них было если не в два, то уже наверное в полтора раза больше, чем

у Хусрау-шаха, соблюдая осторожность, не вышли из-за рва. У Хусрау-шаха было тысячи четыре-пять знатных и простых, малых и великих нукеров. Хусрау-шах, который ради брэнной и скоротечной земной жизни и ради своих неверных, непостоянных нукеров избрал для себя столько дурных и позорных поступков и сделал своим обычаем жестокость и несправедливость; который захватил столько обширных областей и содержал столь многих нукеров и слуг – ведь под конец жизни число его нукеров и приспешников достигало двадцати-тридцати тысяч человек, а владения и уделы его были больше владений самого государя и царевичей, – за всю свою жизнь совершил только один этот подвиг. И при всем том Хусрау-шах и его приверженцы прославились военным искусством и прослыли смельчаками, а те, что не вышли из рва, прослыли трусами и сделались притчей из-за малодушия.

Бади-аз-Заман-мирза, уйдя оттуда, в несколько переходов дошел до Алгу-Тага, возле Талькана, и остановился. Хусрау-шах находился в крепости Кундуз. Своего младшего брата Вели он послал с отрядом отборных йигитов в Ишкамыш и Фулуль, к подножью гор, чтобы извне тревожить и беспокоить врагов. Мухибб Али-Курчи тоже привел отряд добрых йигитов и на берегу реки Хутталана столкнулся с людьми Бади-аз-Замана-мирзы. Он напал на них, некоторых сбил с коней, отрубил несколько голов и ушел. В другой раз Сидим-Али Дарбан, его младший брат Кулибек и Бахлуль-и Айюб с отрядом отборных йигитов пришли, соперничая с ним, к подножью горы Анбар-Кух, в окрестностях Ходжа-Джангаля, и схватились с войском хорасанцев, когда те выступали из лагеря. Многих из них свалили; Сидим-Али, Куль-и-Баба и часть их лучших йигитов побивали с коней.

Когда весть об этом дошла до Султан-Хусейна-мирзы, войско которого к тому же терпело некоторые неудобства из-за хисарских весенних дождей, он заложил основы мира. Из крепости

явился Махмуд Барлас, извне пришли Ходжа-Пир-Букаул и все, какие были при знатных вельможах, музыканты и певцы. Султан-Хусейн-мирза взял старшую дочь Султан-Махмуда-мирзы от Хан-Заде-биким для Хайдар-мирзы, своего сына от Пайенде-Султан-биким.

После этого Султац-Хусенн-мирза поднялся из-под Хисара и направился в Кундуз. Придя в Кундуз, он также произвел кое-какие осадные работы и вознамерился начать осаду. В конце концов Бади-аз-Заман-мирза выступил посредником; осажденные и осаждающие обменяли пленных йигитов и разошлись.

Причиной столь большого возвышения Хусрау-шаха и совершения им стольких дел, превышающих его меру, стало то, что Султан-Хусейн-мирза два раза приходил и, не сумев его взять, возвращался.

Когда Султан-Хусейн-мирза пришел в Балх, то, ради дел Мавераннахра, отдал Балх Бади-аз-Заману-мирзе, а его владение – Астрабад отдал Музаффар-Хусейну-мирзе. Поручая им Балх и Астрабад, он заставил обоих преклонить колени в одном и том же собрании. Бади-аз-Заман-мирза из-за этого разобиделся; причиной стольких лет вражды между братьями и смуты было именно это обстоятельство.

В месяце рамазане того же года было восстание тарханов в Самарканде. Изъяснение этого таково: Байсункар-мирза не водился, не общался и не дружил с самаркандскими беками и воинами в такой мере, как с хисарскими беками и воинами. Шейх-Абд-Аллах Барлас был верховным, полномочным беком; его сыновья были такими близкими придворными Байсункар-мирзы, что их сравнивали с любящими и возлюбленными. Беки-тарханы и некоторые самаркандские беки по этим причинам обиделись. Дервиш-Мухаммед-тархан, придя из Бухары, приказал привезти Султан-Али-мирзу из Карши, объявил его государем, и они явились в Баг-и Нау. Байсункар-мирза был в Баг-и Нау. Сделав Байсункар-мирзу пленником, его разлучили

с нукерами и слугами и отвели в арк. Обоих царевичей посадили в одном месте. Вечером, во время второй молитвы, Байсункар-мирзу решили перевести в Кок-Сарай. Байсункар-мирза, под предлогом омовения, вошел в одну постройку в северо-восточной части Бустан-Сарая. У дверей ее встали тарханы. С мирзой вошли Мухаммед-Кули Каучин и Хасан Шарбатчи. Говоря вкратце, в задней части того дома, куда Байсункар-мирза вошел для омовения, была дверь, заложенная кирпичом, которая вела со двора наружу. Он тотчас же свалил загородку, вышел, пролез через водопроводное отверстие в стене, примыкающей к арке, соскочил со стенки водопровода и пошел в Ходжа-Кафшир, в дом Ходжаги-ходжи.

Люди, ожидавшие его у дверей постройки, заглянули внутрь спустя некоторое время и обнаружили, что мирза бежал. На следующий день тарханы, собравшись, направились к дверям Ходжаги-ходжи. Ходжа заявил: «его нет» и не выдал Байсункар-мирзу. Тарханы со своей стороны не посмели взять его силой – достоинство ходжи слишком высоко, чтобы можно было применить силу.

Через день-два Ходжа-Абу-ль-Макарим, Ахмед-Хаджи-бек, еще несколько беков, вельмож и воинов и все жители города поднялись скопом, привели мирзу из дома ходжи и осадили Султан-Али-мирзу и тарханов в арке. Арк не могли удержать даже и один день; Мухаммед Мазид-тархан вышел через ворота Чар-Раха и ушел в Бухару. Султан-Али-мирза и Дервиш-Мухаммед-тархан попали в плен. Байсункар-мирза находился в доме Ахмед-Хаджи-бека, когда туда привели Дервиш-Мухаммед-тархана. Мирза сказал несколько слов, Дервиш-Мухаммед-тархан не смог дать подходящего ответа: не такие он делал дела, чтобы мог дать ответ! Мирза определил ему смерть; Дервиш-Мухаммед-тархан, по слабости, ухватился за столб, думая: не оставят ли тут, раз ухватился за столб? Его отвели на расправу. Султан-Али-мирзу Байсункар-мирза приказал вывести в Кок-Сарай и ослепить иглой.

Одна из высоких построек, воздвигнутых Тимур-беком, – Кок-Сарай, который находился в Самаркандском арке. Удивительная у этого здания особенность: всякий из сыновей Тимур-бека, который поднимал голову и садился на престол, восседал всегда там; кто складывал голову, притязая на престол, складывал ее тоже там, так что это даже стало намеком: «такого-то царевича вывели в Кок-Сарай», т. е. убили.

Султан-Али-мирзу вывели в Кок-Сарай и ослепили иглой. По воле палача или помимо его желания, глаза Султан-Али-мирзы не потерпели от иглы вреда. Не показав этого, он тотчас же ушел в дом Ходжи-Яхьи и через два-три дня бежал в Бухару к тарханам.

Через несколько дней Ходжа-Яхья тоже ушел в Бухару.

Байсункар-мирза повел войско к Бухаре против Султан-Али-мирзы. Когда он приблизился к Бухаре, Султан-Али-мирза и беки-тарханы, построив войско, выступили. Произошла небольшая стычка. Победа, осталась на стороне Султан-Али-мирзы, Байсункар-мирза потерпел поражение, Ахмед-Хаджи-бек и еще некоторые хорошие йигиты попали в плен. Большинство их убили. Ахмед-Хаджи-бека бесславно умертвили по обвинению в убийстве Дервиш-Мухаммеда-тархана. Султан-Али-мирза шел за Байсункар-мирзой по пятам до Самарканда.

Весть об этом в месяце шаввале пришла к нам в Андижан. Мы тоже, с мыслью о Самарканде, четвертого числа того месяца повели войско в поход.

Султан-Хусейн-мирза отступил из-под Хисара и Кундуза, Султан-Масуд-мирза и Хусрау-шах стали спокойны. Султан-Масуд-мирза, тоже жажда овладеть Самаркандом, подошел к Шахрисябзу. Хусрау-шах прислал к мирзе своего младшего брата Вели. Три-четыре месяца мы осаждали Самарканд с трех сторон. Ходжа-Яхья, прибыв от Султан-Али-мирзы, завел речь о союзе и согласии. Договорившись о свидании, я ушел с моим войском на два-три шери ниже, в сторону Сугуда. С одного бе-

рега Султан-Али-мирза, с четырьмя или пятью человеками, с другого берега – я и четыре-пять человек выехали на середину Кухека. Прямо на конях мы поздоровались и взаимно осведомились о здоровье, потом они уехали на ту сторону, а я вернулся на свою сторону.

Там я видел муллу Беннаи и Мухаммеда Салиха, которые были на службе у Ходжи-Яхьи. Мухаммеда Салиха я видел только в этот раз, а мулла Беннаи впоследствии долго был у меня на службе.

После свидания с Султан-Али-мирзой, так как подошла зима, а жители Самарканда не терпели особых лишений, мы вернулись – я в Андижан, а Султан-Али-мирза в Бухару.

Султан-Масуд-мирза питал великую склонность к дочери Шейх-Абд-Аллаха Барласа; взяв ее, он оставил помышления о захвате владений и вернулся в Хисар. Только это и было целью его прихода.

Из окрестностей Шираза и Канбая Мехди-султан бежал в Самарканд; Хамза-султан, с моего разрешения, ушел в Самарканд из Замина.

СОБЫТИЯ ГОДА ДЕВЯТЬСОТ ВТОРОГО.

Этой зимой дела Байсункар-мирзы были, в общем, на подъеме. Так как Абд-аль-Карим-Ишрит, со стороны Султан-Али-мирзы, пришел в Куфин и окрестные места, то Мехди-султан, во главе передового отряда Байсункар-мирзы, пришел и встал перед ним. Абд-аль-Карим-Ишрит и Мехди-султан оказались как раз лицом к лицу. Мехди-султан кольнул коня Абд-аль-Карима своим черкесским мечом, конь тотчас же упал. Когда Абд-аль-Карим вставал, Мехди-султан отхватил ему кисть руки. Захватив его, он основательно разбил этот передовой отряд. Султаны (Мехди и Хамза), видя, что дела в Самарканде и при дворе мирз неустойчивы, весной ушли к Шейбани-хану.

После этого люди Самарканда, собравшись с силами, выступили, и повели войско против Султан-Али-мирзы. Байсункар-мирза пришел к Сер-и-Пулю, Султан-Али-мирза к Ходжа-и-Кардзану. В это время, по наущению ходжи Мунира из Оша, Ходжа-Абу-ль Макарим с андижанскими беками – Вейсом-Лагыри и Мухаммедом Баки, а также Касим-Дулдай и часть приближенных Байсункар-мирзы спешно двинулись к Бухаре. Когда они приблизились, бухарцы проведали об этом; ничего не получилось, и они воротились.

При свидании с Султан-Али-мирзой было решено, что летом они придут из Бухары, я – из Андижана, и мы будем осаждать Самарканд. В назначенное время, в месяце рамазане, я выступил из Андижана. Достигнув окрестностей Яр-Яйлака, мы узнали, что мирзы стоят лицом к лицу, и отрядили вперед Тулун-Ходжумогола с двумя или тремя сотнями лихих йигитов. Когда они приблизились, Байсункар-мирза проведал о нас и отступил.

Эти йигиты в ту ночь, зайдя сбоку во время преследования, перестреляли и захватили множество людей и доставили большую добычу.

Через два дня мы подошли к крепости Шираза. Шираз был в руках Касима-Дулдая. Его даруга¹ не мог удержать крепости и сдал ее; крепость Шираз была поручена Ибрахиму Сару. На следующее утро, совершив там молитву праздника разговения, мы направились к Самарканду и стали лагерем в куруке² Абьяр. В этот день Касим-Дулдай, Веис-Лагыри, Хасан-Набире, Султан-Мухаммед Сафиль и Султан-Мухаммед Веис явились с тремя-четырьмя сотнями человек и поступили ко мне на службу. Они говорили: «Когда Байсункар-мирза выступил и воротился, мы отделились от него и пришли, как рабы государя». Позднее стало известно, что они нарочно отделились от Байсункар-мирзы и пришли, чтобы оборонять Шираз; но поскольку дела Шираза оказались таковы, как сказано, они поневоле пришли ко мне.

Когда мы остановились в Кара-Булаке, привели нескольких пойманных моголов, которые своевольничали в окрестных деревушках. Касим-бек, наказания ради, приказал разрубить двоих или троих на куски. Через четыре-пять лет, во времена казачества, когда мы направлялись из Масчи к хану, Касим-бек, боясь моголов, отделился от нас и ушел в Хисар.

---

¹ *Даруга* – градоначальник, воевода.

² *Курук* – заповедник.

Выступив из Кара-Булака, мы перешли реку и остановились напротив Яма. В этот день несколько придворных беков схватились у хиябана¹ с людьми Байсункар-мирзы. Ахмеду Тенбелю воткнули в горло копье, но он не упал.

Ходжаги-Мулла-Садру, старшему брату Ходжи-Калана, попала в шею стрела, и он тотчас же отправился к милости господу.

Это был очень хороший человек. Мой отец тоже оказывал ему покровительство и сделал его хранителем печати.

У него было стремление к науке, он превосходно знал арабский язык, слог у него был тоже хороший. Воспитывать ловчих птиц и вызывать дождь он тоже умел.

Когда мы стояли в окрестностях Яма, много народу с базара и не с базара вышло из города и торговало в обозе. Однажды, во время второй молитвы, вдруг поднялось всеобщее смятение и всех мусульман ограбили. Порядок в войске достигал такой степени, что вышел приказ никому не держать чужих вещей и все отдать обратно. На утро, еще не пробили первой стражи, как у воинов не осталось даже конца нитки или обломка иголки, – все вернули владельцам.

Выйдя из Яма, мы остановились к востоку от Самарканда, в Хан-Юрты (от Самарканда это будет в трех курухах²). На этой стоянке мы провели сорок-пятьдесят дней. Пока мы были в этом юрте, смелые йигиты из осаждающих и осажденных несколько раз хорошо рубились на хиябане. Однажды на хиябане рубился Ибрахим Бегчик и ему порезали лицо. После этого Ибрахима Бегчика стали называть Ибрахим-чапук³. В другой раз, тоже на хиябане, возле Пуль-и Мугака, Абу-ль Касим Кухбур действовал палицей. Еще как-то раз, около жолоба, на хиябане, началась схватка; Мир-Шах-Каучин бился палицей. Его так

---

¹ *Хиябан* – широкая дорога, обсаженная деревьями.

² *Курук* – мера расстояния, около 2 км.

³ *Чапук* – порезанный.

ударил, что почти до половины разрубили ему шею. Все же главная жила оказалась не разрезанной.

Когда мы были в Хан-Юрты, враги, находившиеся в крепости, ради обмана, прислали человека, говоря: «Подойдите вечером со стороны Гар-и Ашикана – мы сдадим вам крепость».

С мыслью об этом, я вечером сел на коня и подъехал к Пуль-и Мугаку. К назначенному месту был послан отряд молодцов, конных и пеших. Осажденные увели четыре или пять человек наших пехотинцев, пока прочие спохватились. Очень храбрые были воины. Одного из них звали Хаджи, он служил мне с детства, имя другого было Махмуд Кундур-Сангак. Их всех убили.

Когда мы были в этом юрте, из Самарканда приходило столько горожан и торговцев, что стан превратился в город. Все, что ищут в городах, можно было найти в стане.

В то время все крепости, горы и равнины, кроме одного Самарканда, были нам подвластны. В одной крепости, у подошвы Шавдарских гор, называемой Уркет, укрепились какие-то люди. Поневоле мы снялись с этого юрта и пошли на Уркет. Они не могли стоять, сделали посредником Ходжу-казы и покорились. Мы простили им их проступки и вернулись к осаде Самарканда.

В этом году раздоры между Султан-Хусейном-мирзой и Бади-аз-Заманом-мирзой привели к войне. Подробности этого таковы. За год до того Султан-Хусейн-мирза отдал Балх и Астрабад Бади-аз-Заману-мирзе и Музаффар-мирзе и заставил их преклонить колени, как уже было упомянуто. С тех пор весь год взад и вперед ездило множество послов. В конце концов Алишер-бек тоже прибыл послом к Бади-аз-Заману-мирзе, но сколько он ни старался, Бади-аз-Заман-мирза не согласился отдать Астрабад младшему брату. Он говорил: «Когда мирза справлял обрезание моего сына Мухаммед-Мумина-мирзы, он подарил ему Астрабад».

Однажды между Алишер-беком и мирзой произошел разговор, который указывает на остроту ума мирзы и чувствитель-

ность сердца Алишер-бека. Алишер-бек сказал мирзе наедине много тайных слов и еще сказал: «Забудьте эти слова». Мирза тотчас же спросил: «Какие слова?» Алишер-бек, сильно этим тронутый, долго плакал.

В конце концов переговоры между отцом и сыном привели к тому, что отец и сын повели войска к Балху и Астрабаду. Снизу к луговине Пуль-и Чераг, у подножья Гарзувана, пришел Султан-Хусейн-мирза, сверху – Бади-аз-Заман-мирза. В среду, в первый день месяца рамазана, Абу-ль-Мухсин-мирза с несколькими беками Султан-Хусейна-мирзы и отрядом конницы выдвинулся вперед. Не успев вступить в бой, Бади-аз-Заман был побежден; множество его отборных йигитов попало в плен. Султан-Хусейн-мирза приказал снести им всем головы. Так было не только тогда: всякий раз, как Султан-Хусейн-мирза побеждал сына, который шел с враждебными намерениями, он приказывал отрубить головы всем нукерам, попавшим в плен. Что поделаешь? Право было на его стороне. Эти мирзы, его сыновья, столь неумеренно предавались разврату и наслаждениям, что когда такой опытный и сделавший так много дел государь, как их отец, подошел на полдня пути, и до начала столь благословенного и священного месяца, как рамазан, оставалось времени всего одна ночь, у них только и было дела, что весело пить вино и развлекаться, украшая собраний, не стыдясь отца и не боясь бога. Установлено, что такой человек всегда будет терпеть поражение, и над людьми, которые так жили, всякий одержит победу.

В те несколько лет, когда власть правителя Астрабада принадлежала Бади-аз-Заману-мирзе, его приближенные, челядинцы и йигиты были очень богаты и нарядны. У него было множество золотого и серебряного оружия и утвари, а шелковым одеждам и породистым коням его не было числа.

Все это он тогда потерял. Убегая, он попал на горную дорогу и наткнулся на кручи и обрывы; сам он с большим трудом спустился в обрыв, многие его люди погибли в этой пропасти.

Султан-Хусейн-мирза, победив своего сына, пришел в Балх. Бади-аз-Заман-мирза оставил в Балхе шейха Али Тагая. Тот не мог ничего поделаться и, покорившись, сдал Балх. Султан-Хусейн-мирза отдал Балх Ибрахим-Хусейну-мирзе и оставил с ним Мухаммед-Вали-бека и Шах-Хусейна Чухре, а сам вернулся в Хорасан.

После своего поражения Бади-аз-Заман-мирза, ограбленный и обобранный, отправился со своей пехотой и конницей в Кундуз, к Хусрау-шаху. Хусрау-шах оказал ему хорошие услуги: он помог мирзе и тем, кто с ним был, таким множеством коней, верблюдов, шатров и палаток и всякого военного снаряжения, что видевшие это говорили, будто между прежним снаряжением и этим снаряжением различие только в золотой и серебряной посуде.

Между Султан-Масудом-мирзой и Хусрау-шахом, вследствие несправедливости одного и возвышения другого, были раздоры и обиды. Хусрау-шах присоединил к Бади-аз-Заману-мирзе Вели и Баки и послал их в Хисар, против Султан-Масуда-мирзы. Они не могли даже приблизиться к крепости; в окрестностях и на подступах к Хисару, с той и с другой стороны, разили два схватывались на мечях. Однажды возле северного соколиного двора под Хисаром Мухибб-Али Курчи, отделившись от своих людей, хорошо рубился мечом. Когда он упал с коня и его хотели взять, с той стороны снова напали и выручили его.

Через несколько дней они заключили волчий мир¹ и воротились.

Еще несколько дней спустя Бади-аз-Заман-мирза потянулся по горным дорогам в Кандахар и Замин-Давер, к Зу-н-Нуну Аргуну и его сыну Шах-Шуджа Аргуну. Несмотря на свою скупость и скаредность, Зу-н-Нун хорошо услужил ему: в одно подношение он подарил мирзе сорок тысяч овец.

---

¹ То-есть "худой" мир, мир поневоле.

К диковинным обстоятельствам принадлежит то, что в ту среду, когда Султан-Хусейн-мирза разбил Бади-аз-Заман-мирзу, Музаффар-Хусейн-мирза в тот же день разбил под Астрабадом Мухаммед-Мумина-мирзу. Еще удивительнее, что человека, который сбил с коня и привел Мухаммед-Мумина-мирзу, звали Чаршамбе (среда);

СОБЫТИЯ ГОДА ДЕВЯТЬСОТ ТРЕТЬЕГО

Мы остановились за Баг-и Мейданом, на луговине Кульбе. Жители Самарканда – воины и горожане – толпой вышли к Пуль-и Мухаммед Чапу. Так как наши люди не были готовы, то пока йигиты снаряжались, Султан-Кули и Баба-Кули сбили с коней и увели в крепость. Через несколько дней мы выступили и остановились на краю Кульбе, за Кухеком. В тот день Сейид-Юсуф-бека прогнали из Самарканда; на этой стоянке он явился и поступил ко мне на службу. Самаркандцы сочли наш переход с той стоянки на эту за отступление. Толпа воинов и горожан прошла до моста мирзы; от ворот Шейх-Заде они дошли до моста Мухаммед Чап. Мы приказали всем йигитам снаряжаться, сесть на коней и напасть на врагов с двух сторон – от моста Мирзы и от моста Мухаммед-Чап. Бог помог: враг был разбит, много славных беков и добрых йигитов свалили с коней и привели. Среди них был Нур-Мухаммед Мискин-и Хафиз-Дулдай; сбив его с коня, ему отрубили указательный палец и захватили его. Еще – Хасан Набуре сбил с коня и привел своего младшего брата Мухаммед-Касима Набуре.

Таких йигитов, известных горожанам и воинам, было еще много. Из городской черни привели Диване-ткача и Каль-Ко-

шука; это были зачинщики и коноводы в уличных драках и бесчинствах. Было приказано их пытаться и убить в отместку за пехотинцев, павших у Гар-и Ашикана.

Для самаркандцев это было полное поражение; с этих пор всякие вылазки из города прекратились; дело дошло до того, что наши люди подходили к самому краю крепостного рва и приводили рабов и невольниц.

Солнце перешло в созвездие Весов, наступили холода. Я созвал всех беков, которые входили в совет, и посовещался с ними. Договорились так: жители города настолько обессилели, что, с божьей помощью, мы их и сегодня можем взять, и завтра можем взять; чем терпеть вне крепости страдания на холоде, лучше отойти от крепости и зимовать в каком-нибудь укреплении. Если даже придется уйти, то уйти при таких обстоятельствах будет спокойнее.

Сочтя удобным зимовать в крепости Ходжа-Дидар, мы снялись с лагеря и остановились на луговине перед Ходжа-Дида-ром. Вступив в крепость, мы отвели места для домов и шалашей, поставили там мастеров и надсмотрщиков и вернулись в стан. Несколько дней, пока не были готовы зимние помещения, мы простояли на луговине.

Байсункар-мирза непрерывно посылал в Туркестан к Шейбани-хану людей, призывая Шейбани-хана на помощь.

Когда были готовы зимние дома, мы вошли в крепость. В то же утро Шейбани-хан, быстрым ходом пришедший из Туркестана, остановился напротив нашего лагеря. Войско наше было не близко; иные ушли, зимовки ради, в Рабат-и Ходжа, другие в Кабуд, некоторые – в Шираз. Все же мы построили воинов, бывших на месте, и выступили. Шейбани-хан не мог устоять и потянулся к Самарканду. Он ушел в окрестности города.

Поскольку вышло не так, как хотел Байсункар-мирза, то он принял Шейбани-хана нехорошо. Несколько дней спустя Шейбани-хан, не сумев ничего сделать, отчаявшись, ушел обратно в Туркестан.

Байсункар-мирза семь месяцев выдерживал осаду. У него была одна надежда – на Шейбани-хана, теперь он потерял надежду. С двумя-тремя сотнями голодных сородичей Байсункар-мирза отправился в Кундуз, к Хусрау-шаху.

Когда они были в окрестностях Термеза и переправлялись через Аму, Сейид-Хусейн Акбар, который был родичем Султан-Масуда-мирзы и пользовался у него почетом (он был правителем Термеза), узнал об этом и выступил против Байсункар-мирзы. Мирза успел перейти реку, Мирим-тархан там утонул. Сейид-Хусейн Акбар захватил пожитки и имущество отставших домочадцев Байсункар-мирзы. Слуга Байсункар-мирзы, по имени Тахир-Мухаммед, тоже попал в плен к Сейиду-Хусейну.

Хусрау-шах хорошо обошелся с Байсункар-мирзой.

Как только Байсункар-мирза вышел из Самарканда, к нам тотчас же пришла об этом весть. Мы вышли из Ходжа-Дидара и направились к Самарканду. По дороге вельможи, беки и воины, один за другим, выходили нам навстречу. В конце месяца первого раби я остановился в арке, в Бустан-Сарае. По милости всевышнего господя область и город Самарканд стали нам доступны и подвластны.

В обитаемой части земли мало городов таких приятных, как Самарканд. Он находится в пятом климате.

Самарканд – главный город страны, всю страну называют Мавераннахр. Так как ни один враг не захватил Самарканд силой и победой, то его называют «город, хранимый аллахом». Самарканд стал мусульманским во времена повелителя правоверных Османа; из сподвижников пророка там умер Кусам-ибн-Аббас, его могила находится за воротами Аханин; теперь она известна под названием «могила шаха».

Самарканд построен Искандером. Народы моголов и тюрок говорят «Симизкенд». Тимур-бек сделал Самарканд столицей; до Тимур-бека ни один государь, столь великий, как Тимур-бек,

не делал Самарканд столицей. Я приказал пройти сверху по внутренней стене крепости – вышло десять тысяч шестьсот шагов.

Все жители Самарканда – люди чистой веры, соблюдающие закон и благочестивые. Со времени святейшего посланника божьего ни из какой страны не вышло столько имамов Ислама, сколько их вышло из Мавераннахра.

К востоку от Самарканда – Фергана и Кашгар, к западу – Бухара и Хорезм, к северу – Ташкент и Шах-рухия, которые называются Шаш и Бинакет, к югу – Балх и Термез. Река Кухек течет с севера в двух курухах от Самарканда. Между этой рекой и Самаркандом – холм, который называется Кухек; так как река течет под этим холмом, то ее и называют река Кухек.

От реки Кухек отвели большой канал, это даже скорее маленькая речка; ее называют Даргам. Она течет в одном шери южнее Самарканда. Сады и пригороды Самарканда, а также некоторые туманы, орошаются этой рекой.

До самой Бухары и Кара-Куля, то есть тридцать-сорок йигачей, земля орошается и возделывается благодаря водам Кухека. В такой большой реке совсем не остается воды сверх орошения и поливки, и все же она не обеспечивает нужд земледелия; летом по три-четыре месяца воды для Бухары даже не хватает.

Виноград, дыни, яблоки, гранаты, да и вообще все плоды там хороши, но два сорта самаркандских плодов особенно славятся: самаркандские яблоки и самаркандский виноград «сахиби».

Зима в Самарканде весьма холодная, снег, выпадает, но не такой сильный, как в Кабуле. Летом погода хороша, но не такова, как в Кабуле.

В Самарканде и его пригородах много строений и садов времен Тимур-бека и Улуг-бека-мирзы. В Самаркандском арке Тимур-бек воздвиг огромное здание, в четыре яруса, оно называется Кок-Сараем. Это очень высокое здание. Еще, близ ворот Аханин, внутри крепости, он построил соборную мечеть,

каменную. Там большей частью работали каменотесы, приведенные из Хиндустана. На переднем своде мечети стих Корана: «И вот воздвигает Ибрахим основы», и так далее, до конца, написан такими большими буквами, что его можно прочесть за курух. Это тоже очень высокое здание.

К востоку от Самарканда Тимур-бек разбил два сада: один, который подальше, – сад Баг-и Булды, другой, поближе, – сад Дилькуша. От сада Дилькуша до ворот Фирюза он провел хиябан и по обе стороны велел посадить тополя. В саду Дилькуша он тоже построил большое здание; на этом здании изобразили поход Тимур-бека в Хиндустан.

Другой сад Тимур-бек разбил у подножья холма Кухек, над ручьем Кан-и Гиль, который называют также Аб-и Рахмат. Этот сад именуется Накш-и Джехан. Когда я его увидел, сад был разорен; кроме названия от него ничего не осталось.

Еще есть, к югу от Самарканда, сад Баг-и Чинар; он недалеко от крепости. В нижней части Самарканда разбиты сады Баг-и Шамаль и Баг-и Бихишт.

Внук Тимур-бека, сын Джехангир-мирзы, Мухаммед-Султан-мирза построил в укрепленном месте, за самаркандской стеной, медресе. В этом медресе находится могила дочери Тимур-бека и могилы, тех из его сыновей, которые царствовали в Самарканде.

Из построек Улуг-бека-мирзы внутри крепости находятся медресе и ханака¹. Купол ханаки – очень высокий, во всем мире немного таких высоких куполов.

Еще, поблизости от медресе и ханаки, он построил хорошую баню; она называется «баней мирзы». Полы в ней выложены камнями всех цветов. Неизвестно, есть ли в Хорасане и Самарканде другая такая баня.

---

¹ *Ханака* – обитель дервишей.

К югу от медресе Улуг-бек мирза построил мечеть; ее называют «резною мечетью» (Масджид-и Мукатта). Резною называется она потому, что ее украсили исламскими и китайскими узорами из вырезанных кусочков дерева. Все ее стены и потолок такого рода. Между кыблой¹ мечети и кыблой медресе – большое расхождение. Вероятно, направление кыблы мечети определяли по звездам.

Другая высокая постройка Улуг-бека-мирзы – обсерватория у подножья холма Кухек, то-есть здание, где пишутся звездные таблицы. В нем три яруса. Улуг-бек-мирза написал в этой обсерватории «Гургановы таблицы», которые теперь употребляют во всем мире. Другие таблицы употребляют редко. Раньше пользовались «Ильхановыми таблицами», которые составил Ходжа Насир-и Туси во времена Хулагу-хана в Мераге; Хулагу-хана называют также Ильханом.

Кажется, в мире было построено не больше семи или восьми обсерваторий. Из них одну обсерваторию построил халиф Мамун; в ней написали «Мамуновы таблицы». Битлимус тоже построил обсерваторию: другую обсерваторию построили в Хиндустане, во времена раджи Бикрамаджита Хинду, в Уджжайне и Дхаре, что в стране Мальва, которая называется Манду. Этими таблицами пользуются теперь индусы в Хиндустане. Со времени постройки обсерватории прошло тысяча пятьсот семьдесят четыре года. В сравнении с предыдущими таблицами таблицы Бикрамаджита менее совершенны.

У подножья холма Кухек, на западной стороне, Улуг-бек разбил сад, известный под названием Баг-и Мейдан. Посреди этого сада воздвигнуто высокое здание в два яруса, называемое Чиль-Сутун. Все его столбы – каменные. По четырем углам этого здания пристроили четыре башенки в виде минаретов; ходы, ведущие наверх, находятся в этих четырех башнях.

---

¹ *Кыбла* – направление в сторону Мекки, куда обращаются лицом мусульмане во время молитвы.

В других местах – всюду каменные столбы; некоторые из них сделаны витыми или коническими. В верхнем ярусе по четырем сторонам – айваны. На каменных столбах – посередине – беседка с четырьмя дверями; фундамент этого здания весь выложен камнем.

За этой постройкой, у подножья холма, Улуг-бек-мирза разбил еще маленький сад. Там он построил большой айван, в айване поставили огромный каменный престол. Длина его, примерно, четырнадцать-пятнадцать кари, ширина – семь-восемь, высота – один кари. Такой огромный камень привезли из очень отдаленных мест. Посередине его – трещина, говорят, что эта трещина появилась уже после того, как камень привезли.

В этом садике тоже есть беседка; все стены, до сводов, в ней из фарфора, ее называют Чини-хана¹. За фарфором посылали человека в Китай.

Внутри самаркандской крепости есть еще одна древняя постройка, которую называют Масджид-и Лаклака – «Мечеть эхо». Если топнуть ногой под ее куполом, то повсюду из-под свода раздастся эхо. Это удивительное дело, и никто не знает, чем тут тайна.

Во времена Султан-Ахмеда-мирзы беки, великие и малые, также разбивали множество садов и садиков. Немного есть среди них садов с таким приятным воздухом и обширным видом, как сад Дервиш-Мухаммеда-тархана. Он разбил сад ниже сада Баг-и Мейдан, на возвышенности над луговиной Кульбе; вся луговина лежит под ногами. В саду разбили, по плану, ступенчатые площадки и посадили прекрасные вязы, кипарисы и белые тополя. Это превосходное место; недостаток его в том, что там нет большого ручья.

Самарканд – удивительно благоустроенный город. У этого города есть одна особенность, которая редко встречается в дру-

---

¹ Чини – фарфор.

гих городах; для каждого промысла существует отдельный базар, и они не смешиваются друг с другом. Это прекрасный обычай. Есть там хорошие пекарни и харчевни.

Лучшая бумага в мире выходит из Самарканда. Вся вода для бумажных мельниц приходит из Кан-и Гиля. Кай-и Гиль находится на берегах Сиях-Аба; Сиях-Аб называют также Аб-и Рахмат. Еще один известный самаркандский товар – малиновый бархат. Его вывозят во все земли и страны.

Вокруг Самарканда есть прекрасные равнины. Одна известная равнина – Кан-и Гиль; она лежит к востоку от Самарканда, с легким уклоном к северу, и тянется один шери. Кара-Су, которую называют также Аб-и Рахмат, протекает посреди Кан-и Гиля; воды там будет на семь-восемь мельниц.

Берега этого ручья – сплошь болотистые. Некоторые говорят, что настоящее название этой долины Кан-и Абгир, но в летописях всюду пишут Кан-и Гиль. Это прекрасная равнина. Все самаркандские султаны объявляют ее заповедником; каждый год они выезжают на эту равнину и месяц или два там живут.

Выше этой равнины, к юго-востоку, находится другая равнина, называемая Хан-Юрты. Она лежит в одном йигаче точнее Самарканда. Аб-и Рахмат протекает сначала посреди этой равнины, а затем течет по Кан-и Гилю. У Хан-Юрты он образует такую широкую излучину, что в ней хватит места, чтобы стать лагерем; при выходе из долины он очень узок. Заметив преимущества этого места, мы простояли там некоторое время, когда осаждали Самарканд.

Другая равнина – Будана-Куруги; она лежит между садом Дилькуша и Самаркандом; еще одна – Куль-и Магак, около двух шери к западу и с легким уклоном на север от города; это тоже прекрасная равнина. На краю ее находится большой пруд; потому ее и называют равниной Куль-и Магак. Во время осады Самарканда, когда я стоял в Хан-Юрты, на этой равнине стоял Султан-Али-мирза.

Еще одна равнина – Кульбе. Это равнина поменьше. К северу от нее – селение Кульбе и река Кухек, к югу – сад Баги-Мейдан и сад Дервиш-Мухаммеда тархана, к востоку – холм Кухек.

В Самаркандской области есть хорошие туманы¹ и округа. Большой округ, подстать Самарканду, – Бухарский. Бухара от Самарканда в двадцати пяти йигачах пути на запад. От Бухары тоже зависит несколько округов. Это прекрасный город. Плоды его изобильны и превосходны, дыни очень хороши. Нигде в Мавераннахре не бывает так много дынь и таких отличных, как в Бухаре, хотя в области Ферганы, в Ахсы, сорт дынь, называемый «мир тимури», слаще и нежнее бухарских. Бухарские также знамениты; таких слив, как бухарские, нет нигде. Их очищают от кожи, сушат и вывозят, в качестве благословенного подарка, из одной области в другую. Эти сливы – прекрасное послабляющее лекарство.

В Бухаре много домашних кур и гусей. В Мавераннахре нет вин крепче, чем бухарские вина. В Самарканде, когда я первый раз пил вино, я пил бухарские вина.

Еще один округ, зависящий от Самарканда – Кеш; он лежит к югу от Самарканда, в девяти йигачах пути. Между Самаркандом и Кешем находятся горы, называемые Итмак-Дабаны; весь камень для построек привозят с этих гор.

Так как Тимур-бек был родом из Кеша, то он приложил много трудов и усилий, чтобы сделать Кеш своим главным городом и столицей. Он воздвиг в Кеше высокие здания. В диване он построил для себя большую галлерею, а справа и слева от нее еще две галлереи, поменьше, чтобы надсмотрщикам и бекам дивана сидеть там и вести диван. Для жалобщиков он сделал с каждой стороны помещения маленькие галлерейки. В мире указывают немного таких высоких построек; говорят, она выше дворца Кисры.

---

¹ *Туман* – единица административного деления.

Еще Тимур-бек устроил в Кеше медресе и кладбище. Могилы Джехангир-мирзы и еще некоторых его детей находятся там.

Так как возможностей стать главным городом у Кеша было меньше, чем у Самарканда, то, в конце концов, Тимур-бек избрал своей столицей именно Самарканд.

Еще один округ – Карши, который называют также Несеф и Нехшеб. Это монгольское название. «Карши» на монгольском языке означает кладбище. Вероятно, такое название появилось после владычества Чингиз-хана.

Карши – маловодное место. Весна там прекрасная; хлеба и дыни хороши.

Карши лежит к югу от Самарканда, с легким уклоном к западу, в восемнадцати йигачах пути. Там водится птичка, вроде багри-кара, которую называют «кыль-куйрук». Так как в округе Карши ее беспредельно много, то ее в тех местах называют «каршинской птичкой».

Еще один округ – Хузар, и еще один – Кермине. Он находится между Бухарой и Самаркандом.

Другой округ – Кара-Куль; он лежит ниже всех остальных и многоводен. Находится в семи йигачах к северо-западу от Бухары.

В области Самарканда есть хорошие туманы. К ним принадлежит Сугудский туман и туманы, примыкающие к Сугуду. Начало их в Яр-Яйлаке, конец – в Бухаре. Нет ни одного йигача пути, где бы не было селения или возделанной земли. Они настолько знамениты, что слова Тимур-бека: «У меня есть сад, который тянется тридцать йигачей», вероятно, сказаны об этих туманах.

Очень хороший туман Шавдарский. Он примыкает к предместьям Самарканда. С одной стороны от него – горы, возвышающиеся между Самаркандом и Шахрисябзом: большинство селений лежит у подножья этих гор. С другой стороны – река

Кухек. Это очень хороший туман, с превосходным воздухом, полный приятности; воды там много и блага земные дешевы. Путешественники, видавшие Египет и Сирию, не могут указать такого здорового места.

Хотя в Самаркандской области есть еще и другие туманы, но они не так хороши, как упомянутые. Можно удовольствоваться сказанным.

Тимур-бек поручил управление Самаркандом Джехангир-мирзе, а после смерти Джехангир-мирзы—его старшему сыну Мухаммед-Султану-ибн Джехангир. Шахрух-мирза отдал всю область Мавераннахра своему старшему сыну Улуг-беку-мирзе; после Улуг-бека ее получил его сын Абд-аль-Латыф-мирза. Ради благ сей скоротечной и преходящей жизни он сделал мучеником (т. е. умертвил) такого ученого и старого человека, как его отец. Год смерти Улуг-бека-мирзы правильно указан в таком тарихе¹;

Улуг-бек – море знаний и разума,
Который был поддержкой земной жизни и веры,
Из-за Аббаса вкусил мед мученичества
И стали тарихом его смерти слова: «Аббас убил».

Однако он сам, Абд-аль-Латыф, властвовал не более пяти-шести месяцев. Хорошо известен такой стих:

Отцеубийце не приличествует царская власть.
Если будет он государем, то не больше, как на шесть
месяцев.

Тарих его смерти тоже хорош:

---

¹ *Тарих*—в данном случае стиховорение, заключающее в себе ту или иную дату, находимую по числовому букв арабского алфавита.

В числе его рабов – Феридун Зердушт;
Баба-Хасан убил его, в вечер пятницы, стрелой;
Напиши же его тарих – «Баба-Хасан убил».

После Абд-аль-Латыфа-мирзы на престол воссел Абд-Аллах-мирза, внук Шахрух-мирзы, сын Ибрахим- Султана-мирзы, который был зятем Улуг-бека-мирзы. Он царствовал около полутора или двух лет, после чего власть взял Султан-Абу-Саид-мирза. Еще при жизни Султан-Абу-Саид-мирза отдал Самарканд своему старшему сыну, Султан-Ахмеду-мирзе.

После Султан-Абу-Саида-мирзы царствовал Султан-Ахмед-мирза. По смерти Султан-Ахмеда-мирзы на престол Самарканда воссел Султан-Махмуд-мирза; после Султан-Махмуда-мирзы государем сделали Байсункар-мирзу. Во время тарханов Байсункар-мирзу схватили и на день или на два посадили на престол его младшего брата Султан-Али-мирзу; потом Байсункар-мирза снова взял власть, как было уже упомянуто в этой летописи; от Байсункар-мирзы взял власть я; другие подробности последующих событий станут известны из дальнейшего.

Воссев на престол Самарканда, я оказал самаркандским бекам такую же милость и внимание, какую им оказывали прежде. К бекам, которые были с нами, я также проявил внимание и заботу, соответствующую их положению.

Султан-Ахмеду Тенбелю, находившемуся в рядах придворных беков, я также оказывал большое внимание, наряду с великими беками.

Когда, после семимесячной осады, мы с большими трудами взяли Самарканд и впервые вступили туда, воинам попала в руки кое-какая добыча. Кроме одного Самарканда, все прочие области подчинились мне или Султан-Али-мирзе; эти покорившиеся области не подобало грабить; да и как можно было что-нибудь добыть из областей, подвергшихся такому опустошению и разорению?

Добытое воинами пришло к концу; при взятии Самарканда город был до того разорен, что нужны были пособия и сруды на семена. Каким же образом мог человек получить оттуда что-нибудь?

По этим причинам воины терпели большие лишения, а мы ничего не смогли им доставить. Стосковавшись к тому же по своим домам, они начали убегать, по-одному, по-двое. Первый, кто сбежал, был Хан-Кули, сын Баян-Кули, за ним – Ибрагим-Бегчик. Моголы сбежали все до одного; потом Султан-Ахмед Тенбель тоже убежал.

Чтобы успокоить эту смуту, мы послали в Андижан и Ахсы Ходжу-казы, так как Узун-Хасан проявлял к Ходже большую преданность и уважение. Ходжа, с согласия Узун-Хасана, должен был подвергнуть некоторых беглецов наказанию, а некоторых отослать к нам. Но возбудителем этих смут и подстрекателем беглецов ко злу был сам этот неблагодарный Узун-Хасан; все они после ухода Султан-Ахмеда Тенбеля, откровенно стали мне враждебны.

Хотя за те несколько лет, что мы усердно водили войска с намерением взять Самарканд, от Султан, Махмуд-хана и не было ожидаемой помощи и поддержки, однако после взятия Самарканда он зарился на Андижан. В то время, когда большинство воинов и все моголы бежали в Андижан и Ахсы, Узун-Хасан и Тенбель пожелали получить эти области для Джехангир-мирзы. По многим причинам было невозможно отдать их ему. Во-первых, хотя эти области и не были обещаны хану, но он требовал их для себя, и чтобы передать их Джехангир-мирзе, надо было быть с ханом в полном согласии. Во-вторых, как раз тогда, когда люди убежали в эти области, Узун-Хасан и Тенбель требовали их силой. Если бы об этом говорили раньше, то, в общем, это было бы возможно, но кто же станет терпеть их произвол?

Моголы и войска Андижана, а также некоторые беки и придворные ушли в Андижан. Со мной в Самарканде осталось

беков и йигитов, знатных и простых, около тысячи человек. Так как то, чего требовали Узун-Хасан и Тенбель, не оказалось возможным, они созвали всех бежавших и опасавшихся и присоединили их к себе. А опасующиеся сами со страху просили у бога такого случая. Поведя войска из Ахсы и Андижана, Узун-Хасан и Тенбель явно и открыто проявили вражду и злобу.

Некто, по имени Тулун-ходжа, был один из самых храбрых, выдающихся и удалых йигитов. Мой отец, Омар-Шейх-мирза, проявил к нему внимание и все время оказывал ему благосклонность.

Я тоже проявил о нем заботу и сделал его беком. Удивительно смелый и удалой был йигит! Он стоил такой благосклонности. Так как Тулун-ходжа был наш человек и пользовался среди моголов уважением и доверием, то, когда моголы начали разбегаться из Самарканда, мы послали Тулун-ходжу, чтобы он уговорил людей и рассеял их опасения, и люди не теряли бы голову от страха. Однако смутьяны и неблагодарные так повлияли на этих людей, что посулы, угрозы, увещания и устрашения не приносили пользы.

Семья Тулун-ходжи находилась в Ики-Су-Арасы (это Ики-Су-Арасы называют Рабатеки-и-Урчини). Узун-Хасан и Султан-Ахмед Тенбель послали против Тулун-ходжи отряд всадников. Они захватили Тулун-ходжу врасплох, привели его в свой лагерь и убили.

Узун-Хасан и Тенбель, приведя с собой Джехангира, пришли и осадили Андижан. Когда войско выступило в поход, то в Андижане я оставил Али-Дуст Тагая, а в Ахсы – Узун-Хасана. Позднее прибыл в Андижан Ходжа-казы. В числе воинов, ушедших из Самарканда в Андижан, было много лихих йигитов. Ходжа-казы, при защите крепости, из приязни ко мне роздал воинам, находившимся в крепости, и семьям тех, которые были с нами, восемнадцать тысяч овец.

Во время осады от моих родительниц, а также от Ходжи-

казы, непрерывно приходили письма такого содержания: «Нас держат в жестокой осаде, если вы не придете на наш призыв, то дело кончится плохо. Самарканд был взят силами Андижана; если Андижан будет в ваших руках, то, с помощью божией, можно будет овладеть также и Самаркандом».

Письма такого содержания приходили одно за другим. В это время я поправлялся после болезни. В дни выздоровления я не обращал на себя должного внимания и снова захворал. На этот раз я заболел очень тяжело, так что у меня на четыре дня отнялся язык, и мне лили в рот воду с кусочка ваты.

Оставшиеся со мной великие и малые беки и йигиты перестали надеяться, что я выживу, и каждый стал думать только о себе. В это время одного нукера, который пришел послом от Узун-Хасана и передал всякие бестолковые слова, беки, совершив ошибку, показали мне и отпустили. Спустя четыре-пять дней мое состояние немного улучшилось, но в языке осталась косность. Еще через несколько дней я пришел в свое обычное состояние. Так как от моих родительниц, т. е. от моей матери и матери моей матери, Исан-Даулет-биким, а также от моего учителя и пира Ходжи-маулана-и-казы, приходили подобного рода письма, и они меня так усердно призывали, то какой же человек с сердцем остался бы на месте? В месяце раджабе, в субботу, мы вышли из Самарканда, направляясь в Андижан. На этот раз я процарствовал в городе Самарканде сто дней. Когда я дошел до Ходженда, тоже была суббота. В этот день один человек доставил из Андижана известие, что семью днями раньше, в ту субботу, когда мы выступили из Самарканда, Али-Дуст Татал сдал противникам крепость Андижана.

Подробности этого таковы: нукер Узун-Хасана, которого мне показали во время моей болезни и потом отпустили, пришел в Андижан в то время, когда неприятель осаждал крепость, и оказал андижанцам: «У падишаха отнялся язык; ему льют в рот воду с кусочка ваты». Такого рода сообщение он клятвенно под-

твердил перед Али-Дустом. Али-Дуст находился у ворот Хакана. От таких слов он лишился твердости и, призвав врагов, заключил с ними договор и сдал крепость. В припасах и бойцах в крепости не было никакого недостатка. Словом, всему причиной была трусость этого лицемерного, неблагодарного, ничтожного человека.

После взятия Андижана враги, услышав о моем прибытии в Ходженд, бесславно повесили Ходжу-маулана-и-казы на воротах арка и сделали его мучеником.

Настоящее имя Ходжи-маулана-и-казы – Абд-Аллах, но он не был известен под этим именем. Со стороны отца его род восходит к шейху Бурхан-ад-Дину Кылычу, по матери он потомок султана Илека Мазы; в Фергане члены этого рода были духовными наставниками, шейх-аль-исламами и казиями. Маулана-и-казы был муридом его святейшества Ходжи-Убейд-Аллаха и пользовался его попечением. У меня нет никакого сомнения в том, что Ходжа-и-казы был святой: какое обстоятельство лучше доказывает его святость чем то, что от всех, кто умышлял против него, вскоре не оставалось ни следа, ни признака.

Ходжа-маулана-и-казы был удивительный человек: страха в нем совершенно не было; другого такого смелого человека я не видывал. Это качество тоже доказывает святость. У всякого человека, какой бы он ни был богатырь, все же бывает небольшое волнение и опасение. Ходжа никогда не испытывал волнения или опасения.

После гибели Ходжи всех людей, связанных с ним, как, например, нукеров, учеников, родичей, и челядинцев, схватили и ограбили.

Ради Андижана мы выпустили из рук Самарканд, а Андижан тоже ушел у нас из рук. Вышло так, как говорится: «Дурака отсюда выгнали, а туда не попал». Мне пришлось очень тяжело и трудно: с тех пор, как я стал государем, я еще ни разу не расставался таким образом с нукерами и страной. Сколько себя помню, я еще не знал такого горя и страдания.

Когда мы прибыли в Ходженд, то враги Халифы, не желая видеть его у моих дверей, так повлияли на Мухаммед-Хусейна-мирзу и еще кое на кого, что Халифа был отпущен. Мы послали Касим-бека в Ташкент, к хану, прося его выступить к Андижану.

Когда хан повел войска и, пройдя долиной Ахенге-рана, стал лагерем у подножья перевала Кендырлык, я вышел из Ходженда и повидал хана, моего дядю. Перейдя перевал Кендырлык, войска остановились возле Ахсы. Со своей стороны, наши противники, собрав наличные войска, пришли в Ахсы. В это время крепость Пап укрепили, рассчитывая на мою помощь. Однако, вследствие несколько вялого движения хана, мятежники взяли крепость Пап приступом.

Хотя прочие качества хана были хороши, но как военачальник он был весьма недаровит. Дело дошло до того, что сделай они еще один переход, – область, вероятнее всего, досталась бы им даже без боя. В такую-то минуту хан преклонил ухо к лживым речам противников и, начав разговоры о мире, отрядил послами ходжу Абу-аль-Макарима и старшего брата Ахмеда Тенбея, – бека Тильбе, который был в это время ишик-агой хана. Эти люди, чтобы спасти себя, наговорили множество правдивых и лживых слов и приняли для хана и для посредников взятки и подарки. С тем хан и возвратился назад.

Семьи большинства беков и йигитов, что остались со мной, находились в Андижане. Отчаявшись взять Андижан, семьсот-восемьсот человек из больших и малых беков и йигитов окончательно отделились от меня. В числе отделившихся беков были Али-Дервиш-бек, Али-Мазид Каучин, Мухаммед Бакыр-бек, Шейх-Абд-Аллах ишик-ага и Марим Лагыри. Тех, которые остались со мной и избрали для себя тяготы и пребывание на чужбине, было, вероятно, больше двухсот, но меньше трехсот – и знатных и простых. Из беков среди них были: Касим Каучин-бек, Веис-Лагыри-бек, Ибрахим Сару-и-Минглык-бек, Ширим Тагай, Сиди-Кара-бек: из придворных – Мир-шах Каучин, Сейид

Касим ишик-ага Джалаир, Касим-Аджаб, Мухаммед-Дуст, Али-Дуст Тагай, Мухаммед-Али Мубашшир, Худа-Берды Тугчи Могол, Ярик Таган, Султан-Кули, сын Баба-Кули, Пир-Веис, Шейх-Веис, Яр-Али-Билаль, Касим-Мир Ахур, Хайдар-и-Рикабдар. Мне пришлось очень тяжело и я, невольно, много плакал.

После чего я прибыл в Ходженд; ко мне, в Ходженд, прислали мою мать и бабуку, вместе с семьями некоторых из тех, что остались со мною. Рамазан этого года мы провели в Ходженде.

Послав к Султан-Махмуд-хану человека с просьбой о помощи, мы двинулись на Самарканд. Назначив в поход на Самарканд своего сына, Султан-Мухаммеда-Ханике, и Ахмед-бека с четырьмя или пятью тысячами войска, хан тоже выступил и дошел до Ура-Тепе; повидавшись там с ханом, я направился к Самарканду через Яр-Яйлак. Султан-Мухаммед-Ханике и Ахмед-бек, по другой дороге, пришли в Яр-Яйлак раньше меня, я пришел через Бурке-Яйлак в Санг-Зар. Эта крепость служит местопребыванием Яр-Яйлакского даруги. Султан-Мухаммед-Султан и Ахмед-бек, узнав, что пришел Шейбани-хан и совершил набег на Шираз и окрестные места, повернули назад. Мне тоже, поневоле, пришлось повернуть назад, и я пришел в Ходженд.

Когда есть стремление к власти и желание владеть землями, то, если дело раз или два не выйдет, нельзя сидеть на месте и смотреть. Мечтая о походе на Андижан, я направился в Ташкент, к хану, чтобы просить его о помощи. Я уже семь или восемь лет не видел Шах-биким и моих родных и близких. Воспользовавшись случаем, я повидался также и с ними. Несколько дней спустя в подкрепление мне были назначены Сейид-Мухаммед-мирза Дуглат, Айюб-Бегчик и Джан-Хасан Барин с семью-восемью сотнями воинов. Получив эту помощь, я выступил в путь и, не задерживаясь в Ходженде, быстрым

ходом двинулся вперед, оставив Канд-и-Бадам на левой руке. Ночью мы внезапным нападением, приставив к стенам лестницы, захватили крепость Насух; Насух находится в десяти йигачах пути от Ходженда и в трех йигачах от Канд-и-Бадама.

В это время поспели дыни. В Насухе есть один сорт дынь, который называется «исмаил-шахи»; кожа у них желтая, похожа на шагрень; этих дынь там очень много. Семена у них – как яблочные зерна, мякоть толщиной в четыре пальца. Это удивительно сладкие дыни, подобных им в тех местах нет.

На следующее утро могольские беки доложили мне: «Людей у нас мало, что из того, что мы взяли одну эту крепость?»

Это действительно было верно. Не сочтя полезным стоять там или укреплять Насух, мы отступили и снова пришли в Ходженд.

В этом году Хусрау-шах с Байсункар-мирзой повели войско и хитростью и обманом взяли Чаганиан. Потом Хусрау-шах послал к Султан-Масуду-мирзе посла с предложением: «Выступайте в Самарканд! Если Самарканд удастся взять, то один мирза будет сидеть в Самарканде, другой – в Хисаре».

Беки, придворные и воины Султан-Масуда-мирзы были на него обижены по следующей причине: когда Шейх- Абд-Аллах Барлас пришел от Байсункар-мирзы к Султан-Масуду-мирзе, которому он приходился тестем, то встретил у него очень большое внимание. Хотя область Хисара была маленькой и незначительной областью.

Султан-Масуд-мирза назначил Абд-Аллаху Барласу содержание в тысячу туманов деньгами и отдал ему в полное владение область Хутталан. В области Хутталан находилось немало беков и придворных Султан-Масуда-мирзы. Абд-Аллах Барлас распорядился ими всеми и вместе со своими сыновьями, забрал при дворе полную власть. Обиженные один за другим начали убегать к Байсункар-мирзе. Словами, полными лжи, Хусрау-шах и Байсункар-мирза обманули бдительность Султан-Ма-

суда-мирзы и, быстрым ходом выступив из Чаганиана, в час, когда били зорю, окружили и взяли крепость Хисар. Султан-Масуд-мирза находился вне крепости, в под городе, в построенном его отцом дворце под названием Даулет-Сарай. Не имея возможности проникнуть в крепость, он бежал с Шейх-Абд-Аллахом Барласом к Хутталану.

В дороге Султан-Масуд-мирза отделился от Шейх- Абд-Аллаха Барласа и, переправившись у Уваджа, ушел к Султан-Хусейну-мирзе.

Как только область Хисар была взята, Хусрау-шах посадил в Хисара Байсункар-мирзу, а Хутталан отдал Вели. Спустя несколько дней Хусрау-шах выступил, намереваясь осадить Балх. Он послал вперед, в окрестности Балха, одного из своих знатных нукеров по имени Назар-Бахадур с тремя-четырьмя тысячами человек. Три или четыре дня спустя Хусрау-шах привел Байсункар-мирзу, и они осадили Балх. В Балхе был Ибрахим-Хусейн-мирза; там было также очень много беков Султан-Хусейна-мирзы. Хусрау-шах дал своему младшему брату Вели большое войско и послал его осуждать Шапурган и опустошать и грабить его окрестности. Вели выступил, но не смог даже окружить город; он послал бывших с ним воинов грабить племена, жившие в степи Зердак. Они совершили набег и привели больше ста тысяч овец и около трех тысяч верблюдов. После этого Вели разграбил и опустошил область Сан-и-Чарик, увел часть населения, укрепившегося в горах, и присоединился к своему старшему брату близ Балха.

Во время осады Балха Хусрау-шах однажды послал упомянутого нукера, по имени Назар-Бахадур, завалить арыки города. Один из осажденных, Тенгри-Берды Саманчи, который был любимым беком Султан-Хусейна-мирзы, выехал, во главе семидесяти-восьмидесяти йигитов, встретился лицом к лицу с Назар-Бахадуром, свалил его, отрезал ему голову и увез ее в крепость. Он вел себя очень мужественно и сделал замечательное дело.

В том же году Султан-Хусейн-мирза повел войско, чтобы разбить Зу-н-Нуна Аргуна и сына Зу-н-Нуна Шах-Шуджу, который был нукером Бади-аз-Замана-мирзы, отдал за мирзу свою дочь и устраивал мятежи и смуты.

Султан-Хусейн-мирза пришел и стал лагерем в Бусте. В его войско ниоткуда не поступали припасы. Воины уже начали изнемогать от голода, когда даруга Буста сдал крепость. Поддержав себя запасами, находившимися в Бусте, Султан-Хусейн-мирза возвратился в Хорасан.

Так как столь великий государь, как Султан-Хусейн-мирза, с таким обильным, великолепным снаряжением несколько раз водил войско на Кундуз, Хисар и Кандахар, но не мог их взять и возвращался обратно, то его сыновья и беки сильно осмелели и устраивали восстания и мятежи. Тем летом Султан-Хусейн-мирза, вынужденный подавить бунт своего сына, Мухаммед-Хусейна-мирзы, который овладел Астрабадом и встал на путь зла, послал вперед беков под начальством Мухаммед-Вали-бека и большое войско. Сам он стоял в Уланг-Нишине, когда Бади-аз-Заман-мирза и Шах-бек, сын Зу-н-Нун-бека, поведя войско, неожиданно появились перед мирзой. По счастливой случайности Султан-Масуд-мирза, который, отдав Хисар, направлялся к Султан-Хусейну-мирзе, подоспел в этот день. Войско, направившееся в Астрабад, тоже возвратилось в этот день и присоединилось к мирзе. Оказавшись лицом к лицу, противники все же не смогли сразиться. Бади-аз-Заман-мирза убежал вместе с Шах-беком.

Султан-Хусейн-мирза хорошо принял Султан-Масуда-мирзу и, заставив его преклонить колени, как зятя, оказывал ему милость и благосклонность. Однако, Султан-Масуд-мирза, по наущению Бакы-Чаганиани, младшего брата Хусрау-шаха, который пришел раньше и состоял на службе у Султан-Хусейна-мирзы, не остался в Хорасане; под каким-то предлогом он без разрешения ушел от Султан-Хусейна-мирзы к Хусрау-шаху. Хусрау-шах вызвал Байсункар, мирзу из Хисара.

В это время сын Улуг-бека-мирзы, Миран-шах-мирза, который восстал против своего отца, пришел к хезарейцам, и у хезарейцев совершил безобразия и не мог оставаться у них, тоже шел к Хусрау-шаху. Некоторые недалёковидные люди предлагали убить всех троих царевичей и прочесть хутбу от имени Хусрау-шаха. Этот неблагородный, ничтожный человек, ради благ быстротечной земной жизни, которая некому не была и не будет верна, схватил Султан-Масуда-мирзу, которого он с детства воспитывал и растил, будучи его дядькой, и, воткнув ему в глаза иглу, ослепил его. Некоторые молочные братья, сверстники и старые слуги Султан-Масуда-мирзы пришли в Кеш, намереваясь отвести его к Султан-Али-мирзе, в Самарканд. Но эти люди тоже замыслили злое против Султан-Масуда-мирзы; он убежал из Кеша к Султан-Хусейну-мирзе, перейдя реку у Чарджуйской переправы. Да будет сто тысяч раз проклят до судного дня тот, кто совершил столь гнусный поступок, или тот, кто задумал такое деяние. Всякий, кто услышит о подобных делах, пусть клянет Хусрау-шаха; если человек услышит о таких поступках и не проклянет его, то он сам заслуживает проклятия!

После этого скверного дела Хусрау-шах, сделав Байсункар-мирзу государем, отпустил его в Хисар; Миран-шах-мирзе он дал в помощь Сейида Камиля и послал его в сторону Бамияна.

СОБЫТИЯ ГОДА ДЕВЯТЬСОТ ЧЕТВЕРТОГО

Мы несколько раз ходили иа Самарканд и Андижан, но никакого дела не получилось, и мы снова вернулись в Ходженд. Ходженд – незначительное место; человек с сотней или двумя нукеров проживет там с трудом. Как же может муж с притязаниями сидеть там спокойно?

Мухаммед-Хусейн-Гурган Дуглат находился в Ура-Теппа; намереваясь итти на Самарканд, я послал к нему людей и вступил с ним, в переговоры. Мы просили его временно, на зиму, отдать мне Пешагир – одно из селений Яр-Яйлакского тумана, которое входило во владения святейшего ходжи, но во время смут стало собственностью Мухаммед-Хусейна Дуглата. Мы намеревались остановиться там и кружить по Самаркандской области, сколько сможем.

Мухаммед-Хусейн-мирза согласился, и я выступил из Ходженда и направился в Пешагир. Дойдя до Замина, я заболел горячкой; несмотря на болезнь, я выступил из Замина и, спешно пройдя горной дорогой, подошел к Рабат-и-Ходжа с тем, чтобы приставить к стенам лестницы и внезапно захватить крепость Рабат-и-Ходжа, местопребывание даруги шаударского тумана. Пришло утро; жители узнали о нашем приходе; мы снова от-

ступили и, нигде не останавливаясь, пришли в Пешагир. Несмотря на лихорадку и испытываемые от нее сильные страдания, я проделал путь в тринадцать-четырнадцать йигачей.

Несколько дней спустя мы назначили Ибрахима-Сару, Веиса-Лагыри и Ширим-Тагая, с дворцовыми беками и йигитами, в передовой отряд, чтобы они отправились и либо словом, либо силой захватили крепости Яр-Яйлака. В то время Яр-Яйлак был под началом Сейид-Юсуф-бека. Когда я ушел из Самарканда, Сейид-Юсуф остался там; Султан-Али-мирза тоже оказывал ему внимание. Сейид-Юсуф послал распоряжаться и властвовать в крепостях Яр-Яйлака своего младшего брата и сына. Наши беки и йигиты всю зиму воевали; некоторые крепости они взяли миром, другие захватили силой, сразившись, иные отняли хитростью и обманом и стали там хозяевами. В тех областях из-за моголов и кочевников нет ни одной деревни, в которой не было бы укрепления. В это время наши враги заподозрили и Сейид-Юсуф-бека, и его брата, и сына, и отправили их в Хорасан.

Вся зима прошла в таких схватках и стычках. По весне для заключения мира к нам прислали Ходжу-Яхью, а сам Султан-Али-мирза, по настоянию войска, пришел в окрестности Ши-раза и Кабуда. Нашего войска было больше двухсот и меньше трехсот человек. Со всех сторон – сильные враги. Когда я кружил у Андижана, звезды не оказали мне никакой поддержки, когда я протянул руку к Самарканду, не свершилось никакого дела. По необходимости приходилось заключить нечто вроде мира и возвращаться в Ходженд.

Ходженд – ничтожное место. Там с трудом может проводить дни один бек. Почти полтора года мы находились там с семьей и домашними. Тамошние мусульмане в это время тоже, насколько было возможно, несли расходы и оказывали услуги, без упущений. С каким же лицом я опять пойду в Ходженд, да и что станет человек делать, придя в Ходженд!

Где место, куда пойти, где приют, чтобы там остаться? Наконец, после всех этих колебаний и сомнений, мы пошли на левобережье к югу от Ура-Теппа. Несколько дней мы провели в тех местах смятенные, недоумевающие о своих делах и не зная, идти или оставаться. В это время ходжа Абу-ль-Макарим, который, как и мы, покинул родину и скитался, пришел меня повидать. Когда я осведомился у него, идти нам или стоять, что делать, чего не делать, он был взволнован и тронут нашим положением и ушел, прочитав фатиху; меня это тоже очень взволновало, я растрогался.

В тот же день, в час второй молитвы, на краю долины появился какой-то всадник. Это оказался один из нукеров Али-Дуста Тагая, по имени Юлчук. Али-Дуст Тагай прислал его с таким сообщением: «Хотя я совершил великие проступки, однако, имею надежду, что если, оказав милость и простив мой грех, вы направитесь к нам, то я передам вам Маргинанам и проявлю такую покорность и готовность служить, что моя вина исчезнет, позор мой будет забыт».

Я был в таком смятении и растерянности, что как только пришла эта весть, несколько не задумываясь и не задерживаясь, быстрым ходом направился в Маргинан, в тот самый час, когда солнце начало садиться. Между тем местом, где мы находились, и Маргинаном было, примерно, двадцать четыре-двадцать пять йигачей.

Всю ночь, пока не взошла заря, и весь день до полуденной молитвы мы шли, нигде не останавливаясь. К часу полуденной молитвы мы стали лагерем в одном из селений Ходженда, называемом Тенгаб. Дав коням остынуть и накормив их, мы, во время полуденной зари, вышли из Тенгаба. Пройдя всю ночь до утра и весь день до заката солнца и еще одну ночь, мы перед рассветом были в одном йигаче от Маргинана. Веис-бек и еще кое-кто, почувствовав сомнение, доложили мне: «Али-Дуст – человек, совершивший всякие дурные дела. Между нами ни

разу не ходили люди, не было ни переговоров, ни условия или соглашения. На что же мы рассчитываем, идя вперед?»

Действительно, для их сомнений были основания. Остановившись на некоторое время, мы держали совет. В конце концов утвердились на том, что хотя для сомнения и есть основания, но думать следовало раньше. Трое суток, не отдыхая и не останавливаясь, мы шли вперед и проделали путь в двадцать четыре-двадцать пять йигачей, так что ни у коней не осталось силы, ни у людей. Как же мы можем вернуться отсюда, а если бы и вернулись, то в какую сторону пойдём? Раз уж мы столько прошли, надо идти дальше. Ничего не произойдет без божьей воли.

Сговорившись на этом и уповав на аллаха, мы двинулись. Было время перед утренней молитвой. Мы подъехали к воротам крепости Маргинана. Али-Дуст Тагай, стоя за воротами и не отпирая их, попросил о договоре. Когда заключили условие и договор, он отпер ворота и, стоя в воротах, выразил мне почтение. Повидавшись с Али-Дустом, я расположился внутри крепости, в одном подходящем дворе. Со мной было людей, знатных и простых, – двести сорок человек.

Узун-Хасан и Султан-Ахмед Тенбель учинили над жителями этой области много жестокостей и вели дурной образ жизни; все население области желало моего прихода.

Спустя два-три дня после прибытия в Маргинан, я отдал под начальство Касим-бека более сотни воинов из числа пешагирцев, моих новых нукеров и нукеров Али-Дуста и послал его к горцам, живущим к югу от Андижана: ашпарцам, турукшарцам, чогрекам и вообще в те места, чтобы Касим-бек уговорами или силой привел ко мне этих людей. Ибрахим-Сару, Веис-Лагыри, Сиди-Кара и с ними около сотни воинов были посланы в сторону Ахсы, чтобы перейти реку Ходженда и любым способом привлечь на мою сторону жителей тамошних крепостей и горцев.

Через несколько дней Узун-Хасан и Султан-Ахмед Тенбель взяв с собой Джахангир-мирзу, собрали наличных воинов и моголов, призвали в войска жителей Андижана и Ахсы, которые должны были идти на войну, и стали лагерем в деревне Себан, в одном щери к востоку от Маргинана, намереваясь осаждать Маргинан. День или два спустя, построившись и вооружившись, они подошли к предместьям Маргинана.

Хотя под начальством Касим-бека, Ибрахима-Сару и Веиса-Лагыри были посланы люди в двух направлениях, и со мной оставались считанные бойцы, но наличные йигиты построились, вышли и не пустили врагов дальше предместий. В этот день Халиль Чухре Дестарпеч хорошо повоевал, его руки дошли до дела. Враги не могли ничего сделать; еще дважды они пытались, но так и не подошли близко к крепости.

Когда Касим-бек отправился в горы к югу от Андижана, ашпарцы, турукшарцы, чогреки и все кочевые и оседлые жители гор и равнин в тех местах покорились нам. Воины также стали убегать к нам по одному, по-двое. Отрядам под начальством Ибрахима-Сару и Веиса-Лагыри, которые переправились через реку на Ахсыйский берег, сдалась крепость Пап и еще одна-две крепости. Узун-Хасан и Тенбель были люди жестокие, развратные, подобные нечестивцам, и все жители области очень из-за них страдали. Еще один из знатных людей Ахсы—Хасан-Дихче со своими людьми подговорил шайку ахсыйских бродяг и бездельников, поднял чернь, разбил людей, находившихся во внешних укреплениях Ахсы и загнал их в арк. Потом он призвал тех людей, что были под начальством Ибрахима-Сару, Вейса-Лагыри и Сиди-Кара, и ввел их во внешние укрепления Ахсы.

Султан-Махмуд-хан назначил нам в помощь Бенде-Али, сына Хайдара-Кукельташа, который в это время бежал к нему от Шейбани-хана, а также воинов тумана Нарын с их беками. Когда весть об этом достигла Узун-Хасана, он, потеряв муже-

ство, послал в крепость Ахсы на помощь своих любимых нукеров и отборных йигитов. На заре они подошли к берегу реки. Наши воины и воины моголов, узнав об этом, переправили через реку отряд людей на расседланных конях.

Люди Узун-Хасана, пришедшие на помощь, второпях не подтянули лодки вверх и остались у самого места переправы. Они не смогли пройти к крепости, и лодки ввернулись вниз по реке. Наши и могольские воины, расседлав лошадей, стали со всех сторон входить в воду. Люди в лодках совершенно не могли драться. Карлугач-Бахши, могол, подозвал одного из сыновей беков, схватил его за руку и зарубил. Что пользы? Дело ушло дальше того! Этот поступок стал причиной смерти большинства находившихся в лодке. В одну минуту тех, кто был на реке, вытащили на берег и всех истребили. Из уважаемых вельмож Узун-Хасана там были: Карлугач-Бахши, Халиль-Диване, Казы-Гулям. Из них Казы-Гулям, под тем предлогом, что он — раб, был освобожден. Еще из уважаемых йигитов там был Сейид-Али, который теперь при мне и пользуется уважением, а также Хайдар-Кули и Кулик-Кашгари. Из семидесяти-восьмидесяти добрых йигитов, кроме пяти-шести перечисленных, не спасся никто.

Услышав вести об этом, враги не могли больше оставаться в окрестностях Маргинана и в беспорядке удалились в сторону Андижана. В Андижане они оставили Насыр-бека, мужа старшей сестры Узун-Хасана. Если Насыр-бек и не был вторым после Узун-Хасана, то третьим он безусловно был. Это был опытный человек, мужеством он тоже обладал.

Узнав все обстоятельства и удостоверившись в неосновательности дела этих людей, он запер крепость Андижана и послал ко мне человека. Когда те люди достигли Андижана и узнали, что крепость заперта, они не могли найти единства в словах и впали в расстройство. Узун-Хасан потянулся в Ахсы, к своей семье, Султан-Ахмед Тенбель ушел в свою область, в Ош. Не-

которые придворные и йигиты Джехангир-мирзы бежали вместе с ним от Узун-Хасана и присоединились к Ахмеду Тенбелю, который еще не дошел до Оша.

Весть о том, что крепость Андижана заперта, дошла до меня. Не задерживаясь, я выступил из Маргинана на восходе солнца; когда вернулась ночь, я прибыл в Андижан. Повидавшись с Насыр-беком и его сыновьями – Дуст-беком, Марьям-беком – и осведомившись об их здоровье, я обнадежил и возвеличил их милостью и заботой. Отцовские владения, которые уже почти два года как ушли у меня из рук, милостью божией снова стали мне дарованы и покорны в месяце зу-ль-када девятьсот четвертого года.

Султан-Ахмед Тенбель с Джехангир-мирзой двигался к Ошу; едва они вошли туда, как в Оше чернь тоже подняла бунт. Людей Тенбеля поколотили и выгнали из Оша и, сохранив для нас крепость, послали к нам человека. Джехангир и Тенбель со считанными людьми ушли в полном смятении и вошли в Узгенд.

Узун-Хасан, которому не удалось войти в Андижан, ушел в сторону Ахсы. Пришло известие, что он будто бы проник в арк Ахсы. Так как главарем и зачинщиком смуты был именно он, то сейчас же по получении этого известия мы двинулись к Ахсы, задержавшись в Андижане не больше чем на четыре-пять дней. Когда мы достигли Ахсы, то Узун-Хасан, не будучи в состоянии ничего сделать, попросил пощады и сдал крепость. Пробыв в Ахсы несколько дней, я привел в порядок и направил дела в Ахсы, Касане и во всей той стороне, после чего отпустил могольских беков, которые пришли раньше меня. Забрав с собой Узун-Хасана с семьей и домочадцами, я пришел в Андижан. В Ахсы был временно оставлен Касим-Аджаб-бек, который входил в круг придворных и достиг при мне степени бека.

Так как с Узун-Хасаном был заключен договор, то его жизни и имуществу не причинили вреда или ущерба, и ему было дано

разрешение отправиться через Каратегин в Хисар. Он ушел в Хисар со считанными людьми. Остальные его нукеры все отделились от него и остались. Это были те самые люди, которые во время смут схватили и ограбили моих домочадцев, а также Ходжу-казы и его близких. В согласии с некоторыми беками мы решили так: эти люди учинили ябеду и склоку, схватили и отобрали близких нам мусульман. Были ли они настолько верны своим бекам, чтобы быть верными нам? Если мы их схватим, что тут плохого, особенно когда они у нас на глазах разъезжают на наших лошадях, носят нашу одежду и едят наших овец? Кто может это стерпеть? Если же мы их пожалеем и не велим их схватить и обобрать, то следует отдать приказ, чтобы все ныне опознанное имущество тех, кто был с нами во времена казачества и терпел тяготы, снова перешло в руки владельцев. Если они спасутся такой ценой, то должны быть благодарны.

Действительно, это казалось разумным, и был отдан приказ: те, кто был с нами, пусть берут опознанные вещи. Хотя это было разумно и правильно, но мы немного поспешили. Когда рядом стоит такой зловредный человек как Джехангир-мирза, пугать так людей нет никакого смысла. При завоевании стран и управлении государством некоторые действия внешне кажутся разумными и правильными, но внутреннюю суть всякого дела необходимо и обязательно сообразить сто тысяч раз. Сколько смут и волнений поднялось из-за одного этого необдуманного приказа! В конце концов причиной нашего вторичного ухода из Андижана было именно то, что мы, не подумав, отдали такой приказ.

Вследствие этого моголы открыли к себе путь тревоге и беспокорности и, выступив из Рабатеки-и-Урчини, который называют также Ики-Су-Арасы, в сторону Узгенда, послали человека к Тенбелю. При моей матери было около тысячи пятисот или двух тысяч человек моголов. Еще из Хисара пришли Мехди-султан, Хамза-султан и Мухаммед-Дуглат и с ними столько же

моголов. Раздоры и склоки всегда исходят от моголов; до того времени они уже пять раз поднимали против меня мятеж. Не то, чтобы они бунтовали только против меня, по причине всяких несогласий; такие же поступки они неоднократно совершали и со своими ханами.

Весть об уходе моголов доставил мне Султан-Кули- Чунак, отца которого, Худай-Берды Букака, я отличал вниманием среди моголов. Отец его перед тем умер, а сам он был у моголов. Он хорошо поступил: отделился от своего народа и племени и доставил мне такую весть. Хотя он тогда поступил хорошо, но потом совершил такие мерзости, что будь за ним и сто подобных услуг, мерзости их превзойдут. Об этом еще будет упомянуто. Последующие его мерзости были следствием могольского его происхождения.

Как только пришли такие вести, я собрал беков и устроил совет. Беки доложили: «Эта весть важное ли дело? Какая нужда государю выступать? Пусть идет Касим-бек во главе всех беков и войска».

Остановились на этом. Они считали дело легким. Но такое мнение было ошибочным.

В тот же день Касим-бек повел беков и войско. Еще до начала битвы подошел сам Тенбель и присоединился к моголам. Утром, спозаранку, как только наши перешли реку Айламыш у переправы, называемой Ясы-Киджит, противники оказались лицом к лицу. Наши хорошо рубились. Сам Касим-бек, столкнувшись с Султан-Мухаммед-Аргуном, два или три раза ударил его мечом, не давая ему поднять голову. Многие йигиты хорошо рубились, но в конце концов они потерпели поражение. Касим-бек, Али-Дуст Тагай, Ибрахим-Сару, Веис- Лагыри, Сиди-Кара и еще трое-четверо беков и придворных вышли из битвы благополучно; большинство прочих беков и придворных попало в плен. В числе попавших в плен беков и придворных были Али-Дервиш-бек, Мирим-Лагыри, Тука-бек, Тагай-бек, Мухаммед-

Дуст, Али-Дуст, Мир-Шах Каучин и Мирим-Диван. В этой битве особенно хорошо бились два йигита: с нашей стороны – один из братьев Ибрахима-Сару, по имени Самад, с их стороны – хисарский могол по имени Шах-Сувар. Они встречаются лицом к лицу; Шах-Сувар так сильно рубит, что меч пробивает шлем Самада и глубоко вонзается ему в голову; несмотря на такую рану, Самад так бьет, что сносит Шах-Сувару мечом с головы кусок кости величиной в ладонь. На Шах-Суваре не было шлема; ему перевязали голову, он поправился; перевязать голову Самаду было некому; через три-четыре дня он умер от этой раны.

В те дни, когда я как будто избавился от скитаний и бедствий и снова завоевал родную страну, это было удивительно несвоевременное поражение. Камбар-Али-могол, который был моей главной опорой, после взятия Андижана ушел в свою страну.

При таких обстоятельствах Тенбель, приведя Джехангира, стал лагерем в одном шери от Андижана, на луговине перед холмом Айш. Один-два раза, построив свои войска у Чиль-Духтерана, он подходил к подножью холма Айш. Наши йигиты тоже строились и выходили за сады и предместья. Тенбель не мог двинуться вперед и даже отступил за холм. Когда он отошел в те места, то убил из числа пленных беков Мирима-Лагыри и Тука.

Около месяца простоял Тенбель в этом округе, но не мог ничего сделать и отступил к Ошу. Ош я отдал Ибрахиму-Сару, его люди были там. Они укрепили Ош.

СОБЫТИЯ ГОДА ДЕВЯТЬСОТ ПЯТОГО.

К войскам, находившимся в области, конным и пешим, спешно послали гонцов и надсмотрщиков; отправив к Камбару-Али и ко всем воинам, которые ушли в свои земли, усердных вербовщиков, я назначил, для доставки щитов, лопат, секир и прочего военного снаряжения и припасой, деятельных передовых. Я согнал из всей области конных и пеших, которые должны были идти на войну, и приказал созвать воинов и нукеров, что разъехались кто куда, по всяким делам. Уповаю на бога, восемнадцатого числа месяца мухаррема я выступил в сад Хафиз-бека. Пробыв несколько дней в этом саду и завершив подготовку остального снаряжения и припасов, мы направились в сторону Оша, навстречу противникам, построив в должном порядке правое крыло, левое крыло, центр, авангард, пехоту и конницу.

Когда мы подошли близко к Ошу, получилось известие, что враги не смогли устоять в окрестностях и увели войска в Рабат-и Серхенг, что к северу от Оша. В этот вечер мы стали лагерем в селении Латкенд. На утро, когда мы построились и двинулись за Ош, пришло известие, что враги будто бы ушли в сторону Андижана. Мы тоже направились к Узгенду, отделив и послав вперед отряд всадников для набега на окрестности Узгенда.

Когда врага, которые шли к Андижану, ночью вошли в ров и подставили лестницы к внутренней стене, те, что были в крепости, заметили их. Враги ничего не могли сделать и отступили. Наши передовые тоже выступили и отправились пограбить окрестности Узгенда, но им в руки не попало почти ничего, и они вернулись.

В крепости Маду, одном из укреплений Оша, которое славится своей неприступностью, Тенбель оставил своего младшего брата Халиля и с ним двести или двести пятьдесят человек. Халиль запер эту крепость. Повернув назад, мы начали бой и пошли на крепость Маду приступом. Маду очень хорошо укреплена. С северной стороны, где сая, она очень высокая; если с сая пустить стрелу, то она может долететь до вала. Впуск воды – с той стороны. От крепости вниз провели к воде как бы улицу, построив по обеим сторонам ее стену. Со всех сторон холма–ров; так как он недалеко от сая, то из сая подняли в крепость камни величиной с большой-большой котел. Таких больших камней, какие бросали в крепости Маду, не бросали ни из какой другой крепости, подвергавшейся осаде. Абд-аль-Каддус-Кухбур, старший брат Китте-бека, вышел к подножью вала; со стены в него бросили такой камень, что Абд-аль-Каддус, нигде не зацепившись, перелетел кувырком прямо вниз и скатился с такого высокого места к подножью крепостной насыпи. Однако он нисколько не пострадал и тотчас же, сев на коня, уехал. В огражденном ложе водопровода Яр-Али-Билалю ударили камнем по голове; потом ему перевязали голову. Много людей убили камнями.

Битва началась утром; еще до полудня было захвачено ложе водопровода; сражение продолжалось до ночи. Так как ложе водопровода было захвачено, то враги не могли держаться и к утру вышли, прося пощады. Семьдесят, восемьдесят или сто человек, во главе с Халилем, братом Тенбеля, были закованы в цепи и отосланы в Андижан, чтобы их там тщательно стерегли.

И с нашей стороны некоторые беки, придворные и добрые воины тоже попали в плен. Эта битва оказалась удачной.

Захватив Маду, мы стали лагерем в одной из ошских деревень, называемой Унчутуба. Со своей стороны Ахмед Тенбель, отступив от Андижана, стал лагерем в одной деревне орчина Рабат-и-Серхенг, именуемой Аб-и-Хан. Между обоими войсками было расстояние в один йигач.

В это время Камбар-Али, по причине нездоровья, ушел в Ош. Месяц или сорок дней мы простояли на месте; боев не было, но наши передовые и их передовые каждый день перестреливались.

В это время лагерь и окрестности тщательно охранялись по ночам; копали рвы, а там, где рвов не было, устраивали заграждения. Все наличные бойцы, в полном снаряжении, выходили на край рва. Несмотря на такую осторожность, каждые три-четыре дня в лагере к ночи поднимался шум и раздавались боевые клики. Однажды навстречу передовым отправился Сиди-бек Тагай; люди врага оказались сильнее; внезапно, во время боя, они захватили Сиди-бек Тагая.

В этом году Хусрау-шах, намереваясь повести войско на Балх, вызвал Байсункар-мирзу в Кундуз и выступил к Балху. Дойдя до Аубаджа, Хусрау-шах, этот злополучный и неблагодарный человек, жажда власти (а как может достаться власть таким низким, неспособным людям, без роду и племени, без умения, без расчета и соображения, без храбрости, совести и справедливости?), схватил Байсункар-мирзу и его беков и накинул на шею Байсункар-мирзе веревку. Было десятое мухаррема, когда он сделал мучеником такого даровитого царевича, полного достоинств, украшенного личными заслугами и высоким происхождением. Из его беков и придворных Хусрау-шах также убил некоторых.

Р о ж д е н и е и п р о и с х о ж д е н и е Б а й с у н к а р м и р з ы. Он родился в восемьсот восемьдесят втором году в

области Хисара. Был вторым сыном Султан-Махмуда-мирзы, младше Султан-Масуда-мирзы и старше Султан-Али-мирзы, Султан-Хусейна-мирзы и Султан-Веиса-мирзы, который известен под именем Хан-мирзы. Матерью его была Пашша-биким.

Его внешность и качества. Он был большеглазый, полнолицый, среднего роста, красивый йигит с лицом туркмена.

С в о й с т в а н р а в а и о б ы ч а и. Это был справедливый, добрый, даровитый и достойный царевич. Наставником его был Сейид-Махмуд, шиит¹, поэтому Байсункар-мирза тоже был заражен ересью. Позднее говорили, что в Самарканде он отказался от этих дурных убеждений и стал чист верой.

Он был охоч до вина; когда не пил, то совершал положенные молитвы. Его щедрость и подарки были умеренны, он очень хорошо писал насталиком², в рисовании его рука также была неплоха. Стихи он тоже сочинял хорошо, употреблял тахаллус «Адили». Стихов у него было недостаточно, чтобы составить диван. Ему принадлежит такой стих:

Как тень, от бессилья влачусь я с места на место;
Если бы не держался я за стену, то упал бы с ног.

В Самарканде газели Байсункар-мирзы так распространены, что мало домов, где бы не было его стихов.

Е г о б и т в ы. Он сражался в двух битвах. Один раз – с Султан-Махмуд-ханом. Когда он в первый раз воссел на престол, Султан-Махмуд-хан, по наущению и подстрекательству Джунейда Барласа и еще кое-кого, повел войска с намерением захватить Самарканд. Он перевалил через Ак-Кутель и пришел в окрестности Рабат-и Сугуда и Канбая. Байсункар-мирза вышел из Самарканды, сразился у Канбая и крепко разбил врага. Трех

¹ *Шииты* – мусульманская секта.

² *Насталик* – род почерка.

или четырьмя тысячам моголов он приказал отрубить головы. Хайдар-Кукельташ, который вел и разрешал все дела у хана, погиб в этой битве.

Другой раз Байсункар-мирза, сразившись под Бухарой с Султан-Али-мирзой, был побежден.

Его владения. Отец, Султан-Махмуд-мирза, дал ему Бухару. После смерти его отца, беки последнего собрались и, стоворившись, сделали Байсункар-мирзу государем в Самарканде. Бухара также до известного времени входила в его диван; после мятежа тарханов она вышла из-под его власти.

Когда я взял Самарканд, Байсункар-мирза потянулся к Хусрау-шаху. Хусрау-шах дал ему Хисар.

После него не осталось детей. Когда он пришел к Хусрау-шаху, то взял за себя дочь своего дяди Султан-Халиля-мирзы. Другой жены или наложницы у него не было.

Байсункар-мирза не властвовал так независимо, чтобы самому возвысить кого-нибудь и сделать значительным беком. Его беками были беки его отца и дяди.

После гибели Байсункар-мирзы Султан-Ахмед-Караул, отец Куч-бека, со своими старшими и младшими братьями, женами и домочадцами, вышел из области

Кара-Тегина и явился, рассчитывая на нас. Камбар-Али, который находился в Оше, встав после болезни, тоже пришел. Сочтя прибытие в такое время Ахмед-Караула с его людьми помощью с неба и хорошим предзнаменованием, мы в то же утро построили войска и пошли на врага. Враг не мог удержаться в Аб-и-Хане и ушел со стоянки; в руки воинам попало кое-что: палатки, ковры, обоз. Придя в Аб-и-Хан, мы расположились в стане врага.

В тот же вечер Тенбель, приведя Джехангира, обошел нас справа и вступил в селение Хубан, что было от нас в трех йига-чах в сторону Андижана. Утром мы также построили правое крыло, левое крыло, центр и авангард, надели кольчуги, воору-

жились, выстроили ряды, поставив вперед пехотинцев со щитами и двинулись на врага. На правом крыле у нас стоял Али-Дуст Тагай со своими нукерами; на левом крыле—Ибрахим - Сару, Веис-Лагыри, Сиди-Кара, Мухаммед-Али-Мубашшир, Кучук-бек, старший брат Ходжи-Калан-бека и еще кое-кто из придворных. Ахмеда-Караула и братьев Куч-бека поставили на левом крыле. Касим-бек стоял в центре, подле меня; в авангарде были Камбар-Али и еще кое-кто из придворных. Мы дошли до селения, называемого Сака, что находится в одном шери юго-восточнее Хубана. Когда люди врага в боевом порядке вышли из селения Хубан, мы пошли быстрее. Пехотинцы со щитами, которые, из осторожности и осмотрительности были поставлены вперед, в самое время встречи отстали; по милости божией в них не оказалось никакой надобности: еще до встречи люди нашего левого крыла схватились с их правым крылом. Кичик-бек, старший брат Ходжи-Калана, хорошо там рубился; Мухаммед-Али-Мубашшир тоже хорошо рубился. Тут враг, не имея сил устоять, бежал. На правом крыле и в авангарде дело тоже не дошло до большого боя. Привели многих йигитов; мы приказали отрубить им головы. Наши беки, Касым-бек и Али-Дуст, особенно Али-Дуст, придерживаясь благоразумия и правил военного искусства, не сочли полезным посылать погоню далеко вперед, поэтому многие враги не попали в плен. Мы остановились в самом селении Хубан.

Это была первая битва, в которой я сражался. Великий господь, по своей милости и благодати, сделал тот день днем победы и торжества. Мы сочли это хорошим предзнаменованием.

На следующее утро мать моей матери, моя бабушка Шах-Султан-биким, прибыла из Андижана, имея намерение, если бы Джехангир попал в плен, ходатайствовать за него.

Так как приближалась зима, то в степи не оставалось хлеба и корма. Мы не сочли полезным идти на Узгенд и возвратились в Андижан. Через несколько дней, собрав совет, мы пришли к

такому решению: от того, что мы будем зимовать в Андижане, люди врага не потеряют никакого вреда или ущерба и, возможно, даже станут сильнее от краж и набегов. Зимовать следует в таком месте, где наши люди не ослабеют от отсутствия съестных припасов, а люди врага будут слабы, словно в осаде.

С такой целью мы выступили из Андижана, имея намерение зимовать в округе Рабатеки-и-Урчини (этот Рабатеки-и-Урчини также называют Ики-Су-Арасы), возле Армияна и Нушаба. Придя в окрестности упомянутых селений, мы расположились на зимовку. Эти края – прекрасное место для охоты. В густой чаще возле реки Айламыш водится много маралов и кабанов; мелкие заросли изобилуют фазанами и зайцами. На холмах масса лисиц, они разных цветов и бегают быстрее, чем лисицы из других мест.

Пока мы были на этой зимовке, я каждые два-три дня выезжал на охоту. Поджигая большой лес, мы охотились на бугу-маралов и разъезжали, устраивая облавы в мелких зарослях и пуская соколов на фазанов. Фазанов там без конца; пока мы были на зимовке в этих местах, фазанье мясо было у нас в изобилии.

Во время пребывания на этой зимовке Худай-Берды-Тугчи, которого я недавно, проявив благосклонность, сделал беком, два-три раза нападал на казаков Тенбеля, разбивал их, резал головы и привозил к нам. На окрестности Андижана и Оша наши молодцы-казаки тоже неутомимо, с отвагой, нападали, угоняли табуны врага и очень его ослабляли. Если бы мы провели всю зиму на этой зимовке, то наши противники, всего вероятнее, еще до лета были бы побеждены без боя.

В то самое время, когда мы ослабляли и обессиливали врага, Камбар-Али попросил позволения уйти в свою область. Как я его ни удерживал, высказывая все эти соображения, он только больше упрямылся. Удивительно легкомысленный и распущенный был человек! Необходимость заставила: разрешение уйти

в его область было ему дано. Раньше его владением был Ходженд. На этот раз, когда я взял Андижан, то отдал ему еще Исфару и Канд-и-Бадам. Среди наших беков у Камбара-Али были самые большие владения. Ни у кого не было столько земли и нукеров как у него.

Мы пробыли на этой зимовке сорок или пятьдесят дней. Так же, как и Камбар-Али, некоторым воинам было дано разрешение уйти. Мы сами тоже вернулись в Андижан.

В то время, когда мы были на зимовке и в Андижане, люди Тенбеля беспрестанно ездили к хану в Ташкент и обратно. Ахмед-бек, который был дядькой сына хана, Султан-Мухаммеда-султана, и весьма любимым беком хана, приходился Тенбелю родным дядей; Бек Тильбе, ишик-ага хана, был единоутробным старшим братом Тенбеля. Ездя то туда, то назад, они склонили хана послать Тенбелю подкрепление. До того, как было отправлено подкрепление, бек Тильбе, который с тех пор, как родился, был в Моголистане, вырос среди моголов, ни разу не вступал в Ферганскую область, не оказывал услуг государям этой области, не оказывал услуги ханам, – оставил своих домоладцев, жен и семью в Ташкенте, а сам присоединился к своему младшему брату Тенбелю.

В это время произошел удивительный случай. Касим-Аджаб, который был временно оставлен в крепости Ахсы, погнался за горсточкой разбойников; преследуя их, он перешел реку Ходженда у Бихрата, наткнулся на большой отряд людей Тенбеля и попал в плен.

Когда Тенбель получил известие, что наши воины разбрелись и, сговорившись с ханом, пришел его старший брат, бек Тильбе, Тенбель убедился и уверился, что придет подкрепление. Он вышел из Узгенда и пришел в Ики-Су-Арасы. В это время из Касана пришла верная весть о том, что хан назначил в помощь Тенбелю своего сына Мухаммеда-Ханике, известного под прозвищем Султаным, и Ахмед-бека и дал им пять-шесть тысяч

воинов. Пройдя через Арчикент, они осадили Касан. Не ожидая наших людей, которые были далеко, я, без промедления, в жестокую зимнюю стужу, уповая на бога, вышел с наличными войсками из Андижана, через Бенд-и Салар, на Султаным и Ахмед-бека. Вечером мы нигде не останавливались; прибавив еще ночь ходу, мы на утро сделали привал у Ахсы. Ночью был очень крепкий мороз, так что некоторые отморозили руки и ноги, а у многих распухли уши и стали как яблоко. Не задерживаясь в Ахсы, мы оставили там вместо Касим-Аджаба Ярек-Тагая, тоже временно, и прошли дальше на Касан. Когда мы подошли на один шери к Касану, пришло известие, что Ахмед-бек, услышав об этом, поспешно, в беспорядке, отступил вместе с Султаным. Тенбель, узнав о нашем наступлении, быстрым ходом вышел на помощь своему старшему брату.

Было время между двумя молитвами, когда туча войск Тенбеля появилась со стороны Нукенда. Смущенный и смятенный столь легкомысленным уходом своего брата и нашим быстрым приходом, Тенбель остановился. Мы подумали: сам господь привел его таким образом! Он пришел, когда шея его коня окоченела. Если мы пойдем и схватимся, то, с божьей помощью, ни один враг не уйдет.

Веис-Лагыри и еще кое-кто сказали: «Сейчас вечер, а сразиться и завтра не поздно. Утром, где бы он ни был, мы встретимся».

Говоря так, они не сочли полезным тотчас же начать схватку. Враг, который шел нам прямо в руки, несколько не пострадав, ушел от нас. Есть поговорка: «Кто не хватает того, что идет в руки, до старости будет каяться».

Дело следует делать во-время:
Дело, сделанное не во-время, плохо.

Воспользовавшись отсрочкой до утра, враги шли всю ночь, нигде не останавливаясь, и вступили в крепость Архиян.

На заре мы пошли на врагов, но не нашли их. Двинувшись вслед за ними, мы не сочли полезным подвергать крепость Архиян упорной осаде и остановились в одном шери от нее, в селении Наманган. На этой стоянке мы пробыли тридцать-сорок дней; Тенбель стоял в крепости Архиян. Группы людей с той и с другой стороны выезжали, встречались на половине дороги, метали друг в друга стрелы и возвращались обратно. Однажды ночью враги подъехали к лагерю, выпустили несколько стрел и ускакали. Мы выкопали вокруг лагеря ров, устроили заграждения и приняли все меры предосторожности; враги не смогли причинить нам никакого вреда.

Когда мы были на этой стоянке. Камбар-Али, обидевшись, два или три раза хотел уйти в свою область. Один раз он даже сел на коня и тронулся; послав за ним нескольких беков, мы с трудом вернули его назад.

В это время Сейид-Юсуф Мачеми послал человека к Султан-Ахмеду Тенбелю и изъявил ему покорность. У подошвы Андижанских гор есть два укрепления, называемые Уйгур и Мачем. Сейид-Юсуф Мачеми был старостой Мачема. Впоследствии он стал известен при дворе, значение его превысило звание старосты и он притязал на звание бека, хотя никто не назначал его беком. Это был удивительно подлый и неустойчивый человечишко; с тех пор как я в последний раз взял Андижан и до сего времени он, наверное, раза два или три покорялся мне и восставал на Тенбеля и затем, тоже два или три раза, покорялся Тенбелю и восставал на меня. Последний его мятеж был именно в тот раз. С ним вместе ушло много оседлых и кочевых родов. Думая помешать ему соединиться с Тенбелем, мы выехали, чтобы стать между ними, и, сделав одну ночевку, пришли в окрестности Бишхарана. В крепость Бишхарана вступил человек Тенбеля. Наши беки, посланные вперед, – Али-Дер-

виш-бек и Куч-бек со своими старшими и младшими братьями, отправились к воротам Бишхарана и отлично там дрались. Куч-бек и его братья хорошо держались. Большинство их участвовало в бою.

Мы остановились на возвышенности, в одном шери от Бишхарана. Тенбель, приведя Джехангира, стал тылом к крепости Бишхаран. Дня через три-четыре враждебные нам беки: Али-Дуст и Камбар-Али-и Саллах, со своими приверженцами и приспешниками, начали разговоры о мире. Ни я, ни мои доброжелатели решительно ничего не знали и не ведали об этом соглашении, и мы совершенно не были на это согласны. Но эти два человека были великими беками, и если бы мы, не послушав их слов, не заключили мира, то у них были и другие возможности. Необходимость заставила. Был заключен мир такого рода: области на Ахсыйской стороне реки Ходженда будут принадлежать Джехангиру, а области на Андижанской стороне будут принадлежать мне. Узгенд, когда оттуда уведут их семьи, они тоже припишут к нашему дивану. Когда наши владения будут определены, мы с Джехангир-мирзой совместно пойдём на Самарканд. Как только столичный город Самарканд будет завоеван и покорен, я отдам Андижан Джехангир-мирзе.

Так мы и договорились. На утро, в конце месяца реджеба, пришли ко мне служить Джехангир-мирза и Тенбель. Согласно принятому решению были заключены договоры и условия. Дав Джехангир-мирзе позволение отправиться в Ахсы, я сам возвратился в Андижан. По приходе в Андижан я освободил от оков младшего брата Тенбеля – Халиля и людей, которые были в цепях, одел их в драгоценные халаты и отпустил. Тенбель и Джехангир-мирза тоже освободили находившихся в плену беков и придворных: Тагай-бека, Мухаммед-Дуста, Мир-Шах Каучина, Сиди-бека, Касим-Аджаба, Мир-Веиса, Мирим-Дивана и их подначальных; их освободили от оков и прислали ко мне.

После возвращения в Андижан повадки Али-Дуста стали совсем иными. Он начал дурно обращаться с людьми, которые были при мне в дни скитаний и испытаний, во время казачества. Сначала он отослал Халифу; потом, без вины, без причины схватил, обобрал и услал Веиса-Лагыри и Ибрахима-Сару, разлучив их с их семьями. С Касим-Аджабом он тоже ссорился. С Касим-беком у него также были столкновения.

Али-Дуст ссылался на то, что якобы Халифа и Ибрахим – приверженцы Ходжи-казы и будут мне мстить. Сын его – Али-Мухаммед-Дуст – держал себя по-царски. Попойки, угощения, приемы, утварь – все он завел такое, как у султанов. Отец и сын в своем поведении опирались на Тенбеля, а у меня не осталось столько власти и силы, чтобы запретить им эти неприличные поступки: при покровительстве и поддержке такого врага, как Тенбель, они делали все, чего желало их сердце. Положение было удивительно щекотливое: я не мог ничего сказать и претерпел за это время много унижений от этих двоих – отца и сына.

Дочь Султан-Ахмеда-мирзы, Айше-Султан-биким, которую просватали за меня при жизни ее отца и дяди, приехала в Ходженд. В месяце шабана я взял ее в жены.

В этом году возникла вражда между Султан-Али-мирзой и Мухаммед-Мазидом-тарханом. Причина ее была в том, что тарханы приобрели очень большую власть и значение. Бухарою полностью завладел Баки и никому не давал ни одного данга¹ с бухарских земель. Мухаммед-Мазид-тархан был столь же полновластным хозяином в Самарканде. Он захватил все округа для своих сыновей, приверженцев и приспешников; кроме небольшого содержания из доходов города, которое они назначили, до Султан-Али-мирзы никакими путями не доходило ни фельса². Султан-Али-мирза был взрослый юноша, – сколько

---

¹ Данг – мелкая монета.

² Фельс – тоже.

еще мог бы он терпеть от них такое обращение? Вместе с несколькими придворными он встал на путь умысла против Мухаммеда-Мазида-тархана. Мухаммед-Мазид-тархан, догадавшись об этом, вышел из города со своими нукерами, слугами, приверженцами и приспешниками. Среди беков, которые ушли с ним, были: Султан-Хусейн-Аргун, Пир-Ахмед, Ходжа-Хусейн, младший брат Узун-Хасана, Кара-Барлас, Салих-Мухаммед и еще несколько беков и воинов.

В это время Султан-Махмуд-хан дал в помощь Хан-мирзе Мухаммед-Хусейна-Дуглата, Ахмед-бека и еще многих могольских беков и назначил его в поход на Самарканд. Хафиз-бек-Дулдай и его сын Тахир-бек были дядьками Хан-мирзы; Хасан-Набире, Хинду-бек и некоторые йигиты, по причине родства с Хафиз-беком и Тахир-беком, бежали от Султан-Али-мирзы и ушли к Мирза-хану. Мухаммед-Мазид-тархан послал людей, призывая Хан-мирзу и могольское войско, и пришел в окрестности Шавдара; повидавшись с Хан-мирзой, он встретился с могольскими беками. У могольских беков не вышло хорошей встречи с людьми Мухаммед-Мазид-бека; напротив, они даже намеревались задержать Мухаммед-Мазид-тархана. Его беки, узнав об этом, под каким-то предлогом отделились от могольского войска. После их ухода войско моголов тоже должно было уйти. Когда они отступили и стали лагерем в Яр-Яйлаке, Султан-Али-мирза с небольшим отрядом быстро вышел из Самарканда и пошел на Мирза-хана и войско моголов. Те даже не смогли сразиться и в беспорядке бежали. Это было единственное сколько-нибудь хорошее дело Султан-Али-мирзы, в последнее время его жизни.

Люди Мухаммед-Мазида-тархана, потеряв надежду на мирзу, послали за мной Мир-Могола, сына Абд-аль-Ваххаба, который раньше, находился при мне; во время осады Андижана он проявил отменную преданность, усердно оказывая помощь Ходже-казы. Мы тоже были в плохом положении и, заключив поэтому

мир, твердо решились идти на Самарканд. Мы тотчас же послали Мир-Могола в Ахсы, к Джехангир-мирзе, чтобы назначить место встречи, и собрались в поход.

В месяце зу-ль-ка'да войска выступили к Самарканду. Сделав две ночевки, мы пришли в Куба и стали лагерем. Во время второй молитвы получили известие, что младший брат Султан-Ахмеда Тенбея, Халиль, пришел и внезапно захватил крепость Ош. Подробности этого таковы. При заключении мира с Тенбелем, пленники, во главе с младшим братом Тенбея, Халилем, были, как уже упомянуто, освобождены. Тенбель послал Халиля в Узгенд, чтобы вывести находившихся там родичей и домочадцев. Под этим предлогом Халиль пошел и вступил в Узгенд. Говоря «Уйду сегодня! Уйду завтра!» – он хитрил и не уходил. Когда мы повели войско на Самарканд, Халиль воспользовался случаем и, так как город был пуст, пришел к Ошу ночью и неожиданно захватил крепость. Получив весть об этом, мы по многим причинам не сочли полезным стоять на месте или сражаться с этими людьми и направились прямо к Самарканду. Во-первых, наши холостые воины разъехались в разные стороны, чтобы пополнить боевое снаряжение, а семейные отправились по домам. Рассчитывая на мир, мы не опасались и не предполагали такого коварства и предательства со стороны тех людей.

Еще одно: наши большие беки, вроде Али-Дуста и Камбара-Али, как уже было упомянуто, несколько раз совершали такие поступки, что к ним не осталось доверия. К тому же все самаркандские беки, во главе с Мухаммед-Мазидом-тарханом, прислали за мной Мир-Могола, призывая меня к себе. Пока существует столица, подобная Самарканду, что может заставить человека губить время ради такого места, как Андижан?

Из Куба мы пришли в Маргинан. Маргинан был отдан Султан-Ахмед-беку, отцу Куч-бека. Из-за различных задержек и помех, он не мог мне сопутствовать и остался в Маргинане.

Его сын, Куч-бек, и несколько его братьев присоединились ко мне. Двинувшись дорогой на Исфару, мы пришли в селение Махен, зависящее от Исфары, и стали лагерем. По счастливой случайности Касим-бек и Али-Дуст со своими людьми, Сейид-Касим и еще кое-кто, со множеством йигитов, были в этот вечер в Махене. Они все как будто сошлись на заранее назначенное место сбора.

Выступив оттуда, мы миновали степь Хасбан и, перейдя мост Чупан, пришли в Ура-Теппа.

Камбар-Али, рассчитывая на помощь Тенбея, пришел из своей области, Ходженда, в Ахсы, чтобы переговорить с ним о делах войска. Как только он явился, Тенбель схватил его, заковал и пошел на его владения. Есть тюркская поговорка: «Не доверяй другу, – он набьет твою шкуру соломой».

Когда Камбар-Али вели по дороге, ему удалось бежать, и пешком, после сотни затруднений, он пришел в Ура-Теппа.

Когда мы были в Ура-Теппа, пришло известие, что Шейбанихан разбил Баки-тархана у крепости Даббуси и пошел на Бухару, из Ура-Теппа, через Бурке-Яйлак, мы пришли в Санг-Зар. Даруга Санг-Зара сдал крепость. Так как Камбар-Али пришел после того, как его схватили и обобрали, то мы оставили его в Санг-Заре и пошли дальше. Когда мы стали лагерем в Хан-Юрты, самаркандские беки, во главе с Мухаммед-Мазидом тарханом, пришли и выразили мне почтение. Я посоветовался с ними о том, каким образом овладеть Самаркандом. Они сказали: «Ходжа-Яхья тоже благожелатель государя; если Ходжа за это, Самарканд будет легко доступен, без боя и сражения».

По этой причине мы несколько раз посылали к Ходжа-Яхье людей и вели с ним переговоры. Ходжа-Яхья не говорил определенно, что введет нас в Самарканд, но не сказал слов, лишаящих надежды. Выйдя из Хан-Юрты, мы пришли на берег Даргама; с берега Даргама к Ходжа-Яхье был послан Ходжа-Мухаммед-Али-Китабдар. Он вернулся с таким сообщением:

«Пусть идут, мы сдадим город». Выступив к ночи, мы направились к городу. Султан-Махмуд-Дулдай, отец Султан-Мухаммеда-Дулдая, бежал из ставки и предупредил врагов о нашем сговоре. Так как они узнали о задуманном плане, он стал несуществимым. Мы отступили и остановились на берегах Даргама. Ибрахима-Сару из племени минг, бека, которому я покровительствовал, Али-Дуст велел охватить и выгнать. Когда я пришел в Яр-Яйлак, он явился, вместе со старшим сыном Сейид-Юсуф-бека, Мухаммед-Юсуфом, и поступил ко мне в услужение. Старые наши слуги из беков и придворных, противники Али-Дуста, из которых тот иных прогнал, других обобрал, а некоторых велел схватить, один за другим пришли ко мне. Али-Дуст был теперь слаб. Имея за спиной Тенбея, он причинил мне и моим доброжелателям страдания и мучения, и я тоже был дурно расположен к этому человеку. Со стыда, а также из страха, он не хотел со мной оставаться и попросил позволения уйти. Я, со своей стороны, счел это за благо и дал позволение.

Али-Дуст и Мухаммед-Дуст, получив это позволение, ушли к Тенбелю. Став приближенными Тенбея, отец с сыном проявили много вражды и зла. Через год или два у Али-Дуста на руке выскочил чирей, и он умер. Мухаммед-Дуст перешел к кочевым узбекам и в общем жил недурно; от них он тоже бежал, проявив неблагодарность, в андижанские предгорья, где устраивал мятежи и смуты. В конце концов он попал в руки кочевников и его ослепили. Таков смысл поговорки¹. «Соль выела ему глаза»¹.

Дав этим двум позволение уйти, я послал Гури Барласа с несколькими йигитами к Бухаре за вестями. Пришло известие, что Шейбанихан, взяв Бухару, направился к Самарканду. Не

---

¹ Намек на неблагодарность Мухаммед-Дуста.

считая полезным пребывание в тех местах, мы выступили в Кеш. Семьи большинства самаркандских беков тоже находились в Кеше.

Неделю-две спустя после прибытия в Кеш, пришло известие, что Султан-Али-мирза отдал Шейбани-хану Самарканд. Подробности этого таковы: мать Султан-Али-мирзы, Зухра-Бики-Ага, по неразумию и глупости, тайно послала к Шейбани-хану человека с письмом такого содержания: «Если Шейбани-хан возьмет ее в жены, то ее сын отдаст Шейбани-хану Самарканд. После того, как Шейбани-хан завоюет владения его отца, он отдаст их Султан-Али-мирзе».

Этот план был известен Абу-Юсуфу-Аргуну; вернее сказать, этот предатель и указал ей такой план.

СОБЫТИЯ ГОДА ДЕВЯТЬСОТ ШЕСТОГО

Шейбани-хан, явившись по условию с этой женщиной, стал лагерем в Баг-и-Мейдане. В полдень Султан-Али-мирза, не известив никого из своих больших и малых беков и йигитов и ни с кем не посоветовавшись, вышел из ворот Чар-Раха с несколькими знатными и малыми приближенными, и пришел в Баг-и-Мейдан к Шейбани-хану. Шейбани-хан принял его не очень хорошо; поздоровавшись с ним, он посадил его ниже себя.

Ходжа-Яхья, узнав об уходе мирзы, встревожился. Не сумев найти никакого средства, он тоже вышел из города; Шейбани-хан поздоровался с ним, даже не вставая, и сказал несколько слов, полных жалоб. Когда Ходжа-Яхья поднимался с места, Шейбани-хан, выражая ему уважение, встал.

Джан-Али, сын Ходжи-Али-бая, был в Рабат-и Ходжа. Услышав о выходе мирзы, он тоже пришел к Шейбани-хану.

Эта несчастная женщина, по недостатку ума, страстно желая иметь мужа, погубила род своего сына. Шейбани-хан не оказывал ей крупницы внимания и замечал ее меньше, чем какую-нибудь наложницу или любовницу.

Султан-Али-мирза, полный смятения, безмерно раскаивался в своем поступке. Некоторые его близкие, поняв, как обстоит

дело, задумали убежать с мирзой; Султан-Али-мирза не согласился; так как пришел его час, он не спасся.

Он жил у Тимур-султана; спустя четыре или пять дней его убили на луговине Кульбе. Ради скоротечной, обманчивой жизни Султан-Али-мирза ушел из мира с дурной славой; послушавшись слов женщины, он сам вывел себя из круга достойных. Нельзя больше писать о делах такого человека, нельзя больше слушать о столь гнусных поступках!

После убийства Султан-Али-мирзы, Шейбани-хан послал вслед ему Джан-Али. Так как Шейбани-хан опасался Ходжа-Яхьи, то он сделал вид, что отпустил Ходжу и двух его сыновей – Ходжа-Мухаммеда-Закарию и Ходжа-Баки – в Хорасан. Следом за ними он послал несколько воинов, которые убили его святейшее ходжу и двух его молодцов-сыновей в окрестностях Ходжа-Кардзана. Слова Шейбани-хана были таковы: «Дело с Ходжей произошло не по моей вине: это сделали Камбар-бий и Купак-бий». Тем хуже! Есть поговорка: «Его извинение хуже, чем преступление». Если беки начинают делать такие дела по своей воле, без ведома хана и государя, то каково после этого значение его ханской и царской власти?

Когда Шейбани-хан взял Самарканд, мы направились из Кеша в сторону Хисара. Самаркандские беки, во главе с Мухаммед-Мазидом-тарханом, двинулись с нами вместе с женами, семьями и родичами. Когда мы остановились на луговине Чильту, в Чаганиане, самаркандские беки, во главе с Мухаммед-Мазидом-тарханом, отделившись от нас, ушли и стали нукерами Хусрау-шаха. Мы тоже лишились своей столицы и страны: куда идти, где стоять – неизвестно!

Несмотря на то, что Хусрау-шах причинил нашему дому столько бед, мы, не находя другой возможности, поневоле прошли через его владения. Мы предполагали двинуться через Каратегин и Алай и направиться к моему дяде, младшему хану, то-есть Алача-хану, но это нам не удалось. Тогда мы решили

подняться вверх по долине Кемруда и перейти перевал Сер-и Так. Когда мы пришли в окрестности Невендака, один из нукеров Хусрау-шаха поднес нам девять голов коней и девять штук ткани. На стоянке, в устье Кемруда, Шир-Али-Чухра бежал к Вели, брату Хусрау-шаха. На следующее утро Куч-бек, отделившись, ушел в Хисар.

Вступив в долину Кемруда, мы двинулись вверх. В теснинах и пропастях, на крутых отвесных перевалах осталось много коней и верблюдов. Сделав три-четыре ночевки, мы достигли перевала Сер-и Так. Вот это перевал, да еще какой перевал! Такого высокого и узкого перевала не было видано; по таким теснинам и обрывам никогда не было хожено. С большими трудностями и тяготами мы миновали опасные теснины и бездны; после сотен горестей и страданий мы прошли высокие, крутые перевалы и достигли окрестностей Фана. Среди гор Фана лежит большое озеро. Это красивое озеро, окружностью примерно в один шери. Оно не лишено своеобразия.

Получилось сообщение, что Ибрахим-тархан запер крепость Шираз и засел там. В крепостях Яр-Яйлака находились Камбар-Али и Абу-ль-Касим-Кухбур, которые раньше были в Ходжа-Дидаре. Когда Шейбани-хан взял Самарканд, они не могли оставаться в Ходжа-Дидаре; придя в Яр-Яйлак, они заняли и укрепили нижние крепости.

Оставив Фан на правой руке, мы пошли в сторону Кештута. Правитель Фана славился своей тароватостью, щедростью, услужливостью и добротой. Когда Султан-Хусейн-мирза шел походом на Хисар, Султан-Масуд-мирза направлялся по этой же дороге в Самарканд, к своему младшему брату, Байсункар-мирзе. Правитель Фана подарил ему семьдесят или восемьдесят коней; другие его услуги были такого же рода. Мне же он прислал старую разбитую лошадь, а сам даже не пришел. Приближаясь к нам, люди, славящиеся щедростью, становятся скупыми; великодушие забывается. Хусрау-шах тоже был славен

и знаменит своей щедростью; о всевозможных услугах, которые он оказал Бади-аз-Заману-мирзе, уже было упомянуто, к Баки-тархану и другим бекам он тоже проявил великую доброту и тароватость. Нам случилось пройти через его владения два раза; он не проявил к нам даже той доброты, которую проявил к последнему из наших нукеров. Он обращал на нас меньше внимания, чем даже на наших нукеров.

О сердце, кто видал хорошее от сынов сего мира?

От того, в ком нет добра, не ожидай ничего хорошего.

Пройдя Фан, мы, предполагая, что в крепости Кештута сидит враг, спешно двинулись на Кештут. Однако, крепость Кештут была разрушена и там никого не оказалось. Пройдя мимо и придя на берег реки Кухека, мы остановились. Затем мы переправились через Кухек по мосту, напротив Яри; беки, под начальством Касим-бека, были посланы внезапно захватить крепость Рабат-и Ходжа. Миновав Яри и перевалив через горы Шункар-Хана, мы пришли в Яр-Яйлак.

Когда беки, посланные в Рабат-и Ходжа, приставили к стенам лестницы, жители проведали об этом и вынудили их отступить; не сумев взять крепость, они вернулись.

Камбар-Али был в Санг-Заре; он пошел и повидал меня. Абуль-Касим Кухбур и Ибрахим-тархан изъявили преданность и покорность и прислали отборных людей для службы мне.

Мы пришли в крепость Исфидук – одно из селений Яр-Яйлака; в то время Шейбани-хан находился в окрестностях Ходжа-Дидара; с ним было три-четыре тысячи воинов; из местных воинов собралось еще такое же количество людей. Шейбани-хан дал должность даруги Самарканда Джан-Вафа-мирзе; с пятью-шестью сотнями людей он находился в самаркандской крепости. Хамза-Султан и Мехди-Султан, со своими приверженцами и приспешниками, сидели неподалеку от Самарканда,

в Будана-Куруги. Наших воинов, хороших и плохих, было двести сорок человек. Поговорив с беками и воинами, мы приняли такое решение: Шейбани-хан взял Самарканд недавно, так что сердца жителей еще не привержены к нему. Если мы можем теперь что-нибудь сделать, то надо действовать! Если мы приставим лестницы и внезапно захватим самаркандскую крепость, а жители Самарканда будут за нас, – что ему делать? Если они не окажут поддержки нам, то и за Шейбани-хана не должны драться. А когда возьмем Самарканд, будет так, как захочет бог.

Остановившись на этом, мы, после полуденной молитвы, выступили из Яр-Яйлака и, присоединив ночь к вечеру, в полночь пришли к Хан-Юрты. В эту ночь, думая, что жители города все узнали, мы не приближались к крепости и даже отступили из Хан-Юрты. Было уже утро, когда мы перешли реку Кухек, ниже Рабат-и Ходжа, и снова вернулись в Яр-Яйлак.

Однажды, в крепости Исфидук, где находилось несколько придворных: Дуст-Насыр, Нойон-Кукельташ, Хан-Кули, Карим-Дад, Шейх-Дервиш, Хусрау-Кукельташ, Мирим-Насыр, шел разговор о разных предметах.

Я молвил: «А ну-ка, скажите, когда мы, с помощью божьей, возьмем Самарканд?»

Некоторые ответили: «летом возьмем!» (а в то время была поздняя осень), другие: «через месяц!», кое-кто: «через сорок дней!» или «через двадцать дней!» Нойон-Кукельташ сказал: «в четырнадцать дней возьмем». Бог помог: ровно через четырнадцать дней мы действительно взяли Самарканд.

В это время я видел удивительный сон: мне приснилось, будто ко мне пришел его святейшество ходжа Убейд-Аллах. Я вышел ему навстречу, Ходжа вошел и сел. Перед Ходжей поставили дастархан, быть может, слишком простой. По этой причине в сердце его святейшества кое-что запало. Мулла-Баба посмотрел в мою сторону и сделал мне знак; я тоже знаками ответил: «Это не моя вина. Тот, кто ставил дастархан, допустил оплошность».

Ходжа понял и извинение было принято. Он встал, я вышел его проводить. В сенях того дома он взял меня за правую или левую руку и так приподнял, что ноги мои отделились от земли. Ходжа сказал по-тюркски: «Шейх дал благой совет». Через несколько дней я взял Самарканд.

День или два спустя мы перешли из крепости Исфидук в крепость Васменд. Мы уже раз ходили в окрестности Самарканда, но этим только обнаружили себя и вернулись. Теперь же, уповав на Аллаха, после полуденной молитвы, мы вышли из Васменда к Самарканду с целью овладеть им. Ходжа-Абу-ль-Макарим тоже сопутствовал нам. В полночь мы достигли Пульи и Магака, на хиябане. Оттуда мы отрядили семьдесят-восемьдесят отборных йигитов, приказав им приставить лестницы к стенам крепости напротив Гар-и Ашикана, подняться, войти, двинуться на людей, что стоят у ворот Фирюза, захватить ворота и послать к нам человека.

Эти йигиты приставили лестницы напротив Гар-и Ашикана и поднялись по ним. Никто не узнал об этом. Оттуда они пошли к воротам Фирюза. У ворот стоял Фазыль-тархан (он не из упоминавшихся тарханов, а из туркестанских купцов-тарханов. Оказав в Туркестане услугу Шейбани-хану, он пользовался его покровительством). Зарубив насмерть Фазыль-тархана с несколькими нукерами, они сбили топорами замок с ворот и открыли их. Как раз в это время подоспел я и вошел в ворота Фирюза. Абу-ль-Касим-Кухбур сам не пришел, а прислал своего младшего брата Ахмеда-Касима и тридцать-сорок нукеров, а людей Ибрахим-тархана не было. Когда мы вошли в город и расположились в хана-ке, туда явился его младший брат, по имени Ахмед-тархан, с несколькими нукерами.

Жители города еще спали. Лавочники, выглянув из лавок, догадались в чем дело и возносили за нас молитвы. Через некоторое время обитатели города все узнали. Горожан охватила необыкновенная радость и возбуждение. Они били врагов на

улицах камнями и палками, как бешеных собак; около четырех-сот или пятисот человек было убито таким образом.

Городской даруга, Джан-Вафа, находился в доме Ходжа-Яхьи. Он бежал из города и ушел к Шейбани-хану.

Войдя в ворота, я направился прямо в медресе и ханаку; по приходе туда, я уселся под портиком; едва рассвело, как со всех сторон послышались громкие крики, поднялся шум. Некоторые вельможи и купцы, получив известие, с радостью и восторгом приходили повидаться, приносили, что было под рукой, и творили за меня молитвы.

Когда наступило утро, пришла весть, что у ворот Аханин враги укрепили пространство между двумя воротами и сражаются. Я сейчас же сел на коня и отправился к воротам Аханин. Со мной было десять-пятнадцать или двадцать человек; люди изголодались, им в руки попал новый город, и каждый искал сокровищ в каком-нибудь углу.

Когда я подоспел, врагов уже отогнали от ворот Аханин; Шейбани-хан, узнав об этом, поспешно пришел после восхода солнца к воротам Аханин с сотней или полутора сотнями людей. Тут представился удобный случай его схватить, но со мной, как упомянуто, было очень мало людей. Шейбани-хан увидел, что ничего нельзя сделать и быстро отступил. После этого я возвратился назад и расположился в арке, в Бустан-сарае. Знать, вельможи и большие люди города пришли, повидаться и принесли поздравления.

Почти сто сорок лет столичный город Самарканд, принадлежал нашему дому. Неизвестно откуда чужак и враг пришел и завладел им. Бог снова отдал нам владение, вышедшее у нас из рук; опустошенная и разграбленная область опять подчинилась нашей власти.

Султан-Хусейн-мирза таким же образом, внезапно, захватил Герат. Однако всякому, знающему дело, ясно, и справедливому человеку очевидно, что между этими делами большая разница.

Во-первых, Султан-Хусейн был государь, выдавший много битв, имевший немалый опыт и старый годами. Во-вторых, его противником был Ядгар-Мухаммед-Насир-мирза, неопытный юноша семнадцати-восемнадцати лет. В-третьих, среди его врагов жил человек, знавший их дела и обстоятельства, Мир Али-Мир-Ахур; он поделал к мирзе людей и неожиданно повел его войско на врагов. В-четвертых, его враг находился не в крепости, он был в саду Баг-и-Заган; когда Султан-Хусейн-мирза захватил Герат, Ядгар-Мухаммед-мирза и его приближенные до того увлеклись винопийством, что у дверей Ядгар-Мухаммеда-мирзы находилось в ту ночь всего три человека, тоже пьяные. В-пятых, Султан-Хусейн-мирза напал врасплох и сразу взял город.

Мне же, когда я брал Самарканд, было девятнадцать лет; я видел немного и опыта не имел. Во-вторых, моим противником был такой опытный, видевший много битв и старый годами человек как Шейбани-хан; в-третьих, к нам не явился из Самарканды никто. Жители города были расположены ко мне, но никто не мог и подумать об этом из страха перед Шейбани-ханом. В-четвертых, мой противник находился в крепости, и крепость была взята и врага обратили в бегство; в-пятых, я уже раз подступал к Самарканду с намерением захватить город и позволил врагам это узнать; когда я пришел во второй раз, господь помог мне, и Самарканд был взят.

Цель этих слов не в том, чтобы бросить в кого-нибудь камень; дело происходило именно так, как сказано; все это написано не ради того, чтобы возвеличить самого себя. Истина – в том, что здесь изложено.

По поводу этой победы стихотворцы сочиняли тарихи; один стих остался у меня в памяти.

«Скажи мне снова, о разум, каков его тарих?»
«Знай – это слова: «победа Бабура-Бахадура».

После завоевания Самарканды крепости Шавдара, Сугуда и ближайших туманов начали одна за другою мне покоряться. Из некоторых крепостей даруги со страха уходили, бросая их; из других крепостей жители выгоняли врага и передавали крепости нам; иногда же начальников крепостей хватали и крепости запирали.

В это время родичи и домочадцы Шейбани-хана и его нукеров пришли из Туркестана; Шейбани-хан находился в окрестностях Ходжа-Дидара и Али-Абада. Увидя, что крепости столь легко сдаются, а люди так охотно возвращаются ко мне, Шейбани-хан ушел с того места, где находился, в сторону Бухары. Божьей милостью, через три-четыре месяца, большинство крепостей Сугуда и Мианкаля вернулись к нам.

Бакы-тархан, воспользовавшись случаем, также явился и вступил в крепость Карши. Хузар и Карши тоже вышли из-под власти Шейбани-хана. Кара-Куль взял, придя из Мерва, человек Абу-ль-Мухсина-мирзы.

Наши дела сильно пошли вверх. После моего ухода из Андижана моя мать, родичи и домочадцы с сотней затруднений и бед пришли в Ура-Теппа. Послав человека, я приказал доставить их в Самарканд. В эти дни у дочери Султан-Ахмеда-мирзы Айше-Султан-биким (это была первая женщина, с которой я заключил брачный договор) родилась девочка; это был мой первый ребенок. Ее называли Фахр-ан-Ниса. Мне в это время было девятнадцать лет. Через месяц или сорок дней девочка ушла к милости аллаха.

После завоевания Самарканды от меня непрерывно, один за другим, ездили туда и назад, к окрестным ханам, султанам, эмирам и пограничным владетелям за помощью и поддержкой гонимых и нарочных. Некоторые из них, несмотря на свой большой опыт, легкомысленно отказали мне; иные, которые совершили по отношению к нашей семье много неприличных и дурных поступков, от страха пренебрегли ответом, а другие прислали помощь, но это была помощь несущественная.

Когда я в этот раз вторично взял Самарканд, Алишер-бек был жив. Ко мне, однажды, даже пришло от него письмо; я тоже послал ему письмо и написал на обороте сочиненным мною тюркский стих; раньше чем успел притти ответ, начались неурядицы и беспорядки.

Захватив Самарканд, Шейбани-хан сделал муллу Беннаи своим приближенным; он находился при Шейбани-хане. Вскоре после взятия Самарканда мулла Беннаи пришел в Самарканд. Касим-бек, не доверяя ему, отослал его в Шахрисябз. Через несколько дней, так как он был способный человек и не совершил какого-либо проступка, мы приказали доставить его в Самарканд. Он постоянно говорил касыды¹ и газели²; сложив один эмаль³ в ладу «нава», он посвятил его мне и исполнил передо мной.

В это же время мулла Беннаи сочинил и прочитал такое рубаи:

Ни зерна нет у меня, чтобы им питаться,
Ни одежды, чтобы ею одеваться.
Тот, у кого нет ни пищи, ни одежды,
Как может усердствовать в науке и искусстве?

В те времена я сочинял по одному или по два стиха, но не заканчивал газелей. Сочинив тюркское рубаи, я послал его мулле Беннаи:

Все будет так, как хочет твое сердце.
О награде и жалованьи будет отдан приказ.
То, что ты сказал о зерне и одежде, мне понятно.
Твой стан наполнит одежду, а зерно наполнит твой дом.

¹ *Касыда* – похвальная ода.

² *Газель* – короткое лирическое стихотворение.

³ *Амаль* – разновидность музыкального произведения.

Мулла Беннаи, сделав рифму последнего полустипа этого рубаи редифом, сочинил и произнес новое рубаи с другой рифмой:

Мой мирза, который будет царем суши и моря,
Станет главою в мире, благодаря своим достоинствам!
За одно слово без смысла было столько милостей,
Что же будет, если я скажу слово со смыслом?

В это время в Самарканд из Шахрисябза прибыл Ходжа-Абуль-Баракат-и Фираки. Он сказал: «Надо было сказать рубаи с той же рифмой». Вот рубаи, которое сочинил Ходжа Абуль-Баракат:

О несправедливости, которую совершил мир, будет
спрошено.
Султан великодушия попросит за нее извинения.
Пролилась моя чаша, о кравчий, хотя не была полна.
В этот круг она должна наполниться до краев.

В эту зиму наши дела были очень удачны, Шейбани-хану же не везло. Между тем, очень некстати случились одно-два обстоятельства. Люди, пришедшие из Мерва и занявшие Кара-Куль, не могли там удержаться, и Кара-Куль снова перешел к врагу. В крепости Даббуси находился младший брат Ибрахима-тархана, по имени Ахмед-тархан. Шейбани-хан, придя, осадил ее. Прежде чем мы могли собрать войско, подготовиться и снарядиться, Шейбани-хан взял крепость приступом и подверг всех жителей избиению.

Когда я взял Самарканд, со мной было двести сорок человек испытанных бойцов. За пять-шесть месяцев их стало столько, что мы дали у Сер-и Пуля бой такому воину, как Шейбани-хан. Об этом будет упомянуто дальше. Из окрестных и соседних правителей пришли мне на помощь от хана – Айюб-бекчик,

Кашка-Махмуд и баринцы – четыреста-пятьсот человек; от Джехангир-мирзы явился на подмогу младший брат Ахмеда Тенбея, Халиль, и с ним сто или двести человек. От такого опытного государя как Султан-Хусейн-мирза – никто ведь не знал дел и повадок Шейбани-хана лучше мирзы – не явился на помощь ни один человек; от Бади-аз-Замана-мирзы тоже никто не пришел, и Хусрау-шах, из опасения, не прислал никого. Он причинил нашему дому много зла, как уже было рассказано. Его страх перед нами был очень велик.

В месяце шаввале я выступил в поход с целью дать бой Шейбани-хану, и вышел в сад Баг-и Нау. В Баг-и Нау мы простояли пять-шесть дней, чтобы собрать войско и подготовить для него снаряжение. Выступив из Баг-и Нау, мы пошли, переход за переходом. Миновав Сер-и Пуль, мы остановились. Вокруг лагеря мы из осторожности сплошь построили заграждения и вырыли ров. Шейбани-хан, придя с другой стороны, остановился в окрестностях Ходжа-Кардзана. До них был примерно один йигач.

На этой стоянке мы провели четыре-пять дней. Наши люди и люди неприятеля днем подъезжали с той и с другой стороны и перестреливались.

Однажды люди врага подъехали во множестве. Произошел жестокий бой. Ни на чьей стороне не было перевеса. Один наш знаменосец, слишком неосторожно отступая, попал в ров. Некоторые говорили, что это было знамя Сиди-Кара-бека. Сиди-Кара, хотя и был ловок в словах, но с мечом был слаб.

В это время Шейбани-хан однажды ночью совершил нападение. Окружность лагеря была основательно укреплена сучьями и рвом. Шейбани-хан, подойдя, не мог ничего сделать. Стоя за рвом, его бойцы закричали, пустили горсть стрел и вернулись.

Я проявил в боевом деле усердие и рвение. Камбар-Али тоже был усерден. Баки-тархан с тысячью или двумя вооруженных

людей стоял в Кеше; через два-дня он присоединился к нам. Сейид-Мухаммед-мирза Дуглат, который тоже пришел мне на помощь от хана, моего дяди, с сотней или полутора сотнями человек, стоял в Дейюле, в четырех йигачах пути. На утро он присоединился к нам.

В это время мы проявили поспешность и дали бой.

Легкомысленный быстро хватается рукой за меч,
Потом кусает зубами руку раскаяния.

Причиной моего рвения было то обстоятельство, что в день битвы я увидел хорошее предзнаменование. Однако это ничего не значит; мы поспешили без всякого основания.

Утром, с намерением сражаться, мы облачились в кольчуги, надели на коней латы, построили правый фланг, левый фланг, центр и авангард и выступили. На правом фланге стояли Ибрахим-Сару, Ибрахим-Джани, Абу-ль-Касим-Кухбур и еще некоторые беки; на левом фланге – Мухаммед-Мазид-тархан, Ибрахим-тархан и самаркандские беки, а также Султан-Хусейн-Аргун, Кара-Барлас, Пир-Ахмед-Ходжа-Хусейн. В центре находились Касим-бек и еще некоторые близкие придворные; в авангарде – Камбар-Али-и Саллах, Бенде-Али, Ходжа-Али, Мир-Шах Каучин, Сейид-Касим-ишик-ага, Халдар, младший брат Бенде-Али и Куч-Хайдар, сын Касим-бека. Все наличные храбрые йигиты и придворные были записаны в авангард.

Когда мы построились и выступили, с другой стороны появились враги тоже в боевом строю. На правом их фланге стояли: Махмуд-Султан, Джанибек-Тимур-Султан, на левом фланге – Хамза-Султан, Мехди-Султан и еще некоторые султаны.

Когда ряды сблизались, враг начал заходить краем правого фланга нам в тыл; тут я повернул воинов к ним фронтом, и наш авангард, куда были записаны все йигиты, выдавшие битвы и

рубившиеся мечом, оказался на правой руке. Впереди нас не осталось ни одного-человека. Хотя мы разбили и оттеснили людей, вышедших вперед, прижали их к центру, и дело дошло до того, что некоторые старые вельможи Шейбани-хана говорили ему: «надо уходить», он стоял твердо.

Правый фланг врага, потеснив наш левый фланг, зашел нам в тыл. Так как наш авангард тоже остался на правой руке, то фронт оказался оголенным. Люди неприятеля напали на нас спереди и сзади и начали метать стрелы. У войска моголов, которое пришло нам на помощь, не было охоты сражаться. Бросив бой, они начали грабить наших людей и сбрасывать их с коней. Это было не один раз; таков всегдашний обычай презренных моголов: победив, они хватают добычу, а если их побеждают, они сбрасывают с коней своих же людей и тоже хватают добычу.

Мы несколько раз нападали на противника и с боем оттесняли его; несколько раз наши передовые ходили в наступление. Люди, которые зашли нам в тыл, приблизились и начали пускать стрелы прямо в наше знамя. Они окружили нас, и наши люди дрогнули. Великое искусство в бою – эта самая «тулгама»¹ Ни одного боя не бывает без «тулгамы». Вот еще один способ: передние и задние беки и нукеры, все вместе, мчатся во весь дух, пуская стрелы; отступая, они тоже в беспорядке, во весь опор скачут назад.

Со мной оставалось десять или двенадцать человек; река Кухек была недалеко, край моего правого фланга упирался в реку. Мы потянулись прямо к реке. Было время половодья. Достигнув реки, мы вошли в воду, как были – в кольчугах и латах. Больше половины реки мы прошли прямо по дну, дальше, на полет стрелы, была глубокая вода; мы вели лошадей вплавь, в латах и в сбруе, и так перешли реку.

---

¹ *Тулгама* – обход с фланга.

Выйдя из воды, мы срезали и побросали латы. Мы перебрались на северный берег и ушли от врага; больше половины из нас сбили с коней и раздели эти скверные моголы. Моголы обобрали, сбили с коней и порубили Ибрахим-тархана и еще множество самых лучших йигитов.

Мы двинулись по северному берегу реки Кухек и снова перешли реку близ луговины Кульбе. Было время между двумя молитвами, когда я вступил в город через ворота Шейх-Заде и прибыл в арк.

Очень знатные беки, хорошие йигиты – много народу погибло в этом бою: Ибрахим-тархан, Ибрахим-Сару, Ибрахим-Джани. Удивительно, что в одной битве погибло три знатных бека, носивших имя Ибрахим. Еще пали в этом сражении Абуль-Касим-Кухбур, старший сын Хайдар-Касим-бека, Худай-Берды-Тугчи и младший брат Ахмеда Тенбея, Халиль, несколько раз упоминавшийся раньше. Другие разбежались в разные стороны, из них Мухаммед-Мазид-тархан ушел к Хусрау-шаху в Хисар и Кундуз; Камбар-Али-и Саллах, могол – он был нашим самым любимым беком, – встретив с нашей стороны такое внимание, тоже проявил неблагодарность. Вернувшись, он забрал из Самарканда свою семью и тоже ушел к Хусрау-шаху.

Еще некоторые придворные и йигиты, как например Карим-дад, сын Худай-дада-Туркмена, Джанике-Кукельташ и Мулла-Баба-и Пешагири, ушли в сторону Ура-Теппа. В то время Мулла-Баба не был нукером и жил при мне как гость. Некоторые другие, как например Ширим Тагай со своими людьми, вступили с нами в Самарканд. Посоветовавшись, мы решили запереть крепость Самарканда и оставаться в ней живыми или мертвыми. Однако Ширим Тагай, хотя моя мать и сестра, старшая и младшая, находились в крепости, услал бывших с ним домочадцев, родичей и других людей в Ура-Теппа, а сам с несколькими воинами остался налегке в крепости. Так бывало не

однажды; всякий раз, когда наступали трудные обстоятельства, Ширим Тагай проявлял такую дряблость и малодушие.

Утром я призвал Ходжу-Абу-ль-Макарима, Касим-бека и всех беков и придворных, а также йигитов и воинов, слово которых чего-нибудь стоило, и держал совет. Мы утвердились в решении запереть крепость и, живыми или мертвыми, оставаться там. Я, Касим-бек и близкие ко мне придворные и йигиты оказались в резерве. Поэтому посреди города, на кровле медресе Улуг-бек-мирзы, поставили шатер, и я сел там. Места у ворот, на валу и вокруг крепости были распределены между другими беками и йигитами.

Через два-три дня Шейбани-хан пришел и стал лагерем довольно далеко от крепости. Бродяги и бездельники из предместий и улиц Самарканда, собираясь толпами и издавая громкие крики, подходили к воротам медресе и вступали в бой. Шейбани-хан, который выехал на сражение, не мог даже подойти близко к крепости.

Несколько дней прошло таким образом. Бродяги и бездельники, никогда не получавшие ран от стрелы или меча и не видавшие сражений и боев в строю и на поле, совсем осмелели и начали выходить все дальше и дальше. Если выдавшие битвы йигиты удерживали их от таких бессмысленных вылазок, они в ответ получали ругательства.

Однажды Шейбани-хан подошел к воротам Аханин. Обнаглевшие бродяги по обычаю смело вышли ему навстречу. Им вслед послали несколько конных йигитов. К Шутур-Гардану вышли мои молочные братья и близкие придворные: Нойон-Кукельташ, Куль-Назар Тагай, Мазид и еще кое-кто. Оттуда два-три воина пустили на них коней. Они схватились на мечах с Куль-Назаром. Враги спешили и кинулись вперед. Они заставили городских бродяг податься назад и прижали их к воротам Аханин. Куч-бек и Мир-Шах-Каучин встали возле мечети Ходжи-Хызра. Когда пеших потеснили, передовые конные со-

брались у мечети Ходжи-Хызра. Куч-бек вышел и хорошо порубился с выдвинувшимися вперед врагами. Он совершил выдающееся дело. Все жители стояли и смотрели. Внизу те, кто бежал, думали только о бегстве; время пускать стрелы или вести бой ушло. Я сам стрелял с ворот из самострела; некоторые мои приближенные тоже метали стрелы. Из-за ударов стрел сверху враги не смогли пройти дальше мечети Ходжи-Хызра и отступили оттуда.

Во время осады мы каждую ночь обходили кругом крепость по валу; иногда ходил я, иногда – Касим-бек, иногда – еще кто-нибудь из беков или придворных. От ворот Фирюза до ворот Шейх-Заде можно было проехать по валу верхом, в других местах шли пешком. Те, которые совершали обход пешком, заканчивали круг к рассвету.

Шейбани-хан повел бой между воротами Аханин и воротами Шейх-Заде. Так как я был в резерве, то едва начался бой, отправился туда. Воротам Газиристан и воротам Сузенгеран мы не уделили внимания. В этот день, стоя у самых ворот Шейх-Заде, я метко поразил стрелой из самострела лошадь одного начальника конной сотни; эта стрела ее убила.

Между тем, враги так сильно потеснили наших, что дошли до подножья вала возле Шутур-Гардана. Занятые битвой и сражением в другом месте, мы совсем забыли о той стороне. Там было приготовлено двадцать пять-двадцать шесть лестниц, каждая – такой ширины, что по ней могли подняться два или три человека в ряд. Шейбани-хан спрятал в засаде, против стены, между воротами Газиристан и воротами Сузенгеран, семьсот или восемьсот отборных йигитов с этими лестницами, а сам вел сражение в другой стороне. Когда мы были всецело поглощены битвой с Шейбани-ханом и укрепления оставались пустыми, те люди вышли из засады, быстро подошли и разом приставили лестницы к валу, между двумя воротами, напротив

двора Мухаммед-Мазида-тархана. В этом месте был пост Мухаммед-Кули-Каучина с отрядом йигитов. Йигиты были во дворе дома Мухаммед-Мазида-тархана. У ворот Сузенгеран был пост Кара-Барласа, у ворот Газиристан – пост Ширим Тагая, его братьев и Кылык-Ходжи Кукельташа. Так как бой происходил в другой стороне, то люди, поставленные на этих постах, были беспечны; служилые и стражники разошлись по делам – домой или на базар. Беки – «начальники постов остались с одним или двумя простолюдинами и рабами. Куч-бек, Мухаммед-Кули Каучин, Шах-Суфи и еще один йигит очень хорошо сражались и совершили смелые дела. Некоторые воины неприятеля взобрались на вал, другие еще лезли; упомянутые четыре человека, подбежав, начали храбро сражаться; они сбросили врагов с вала и обратили их в бегство. Лучше всех бился Куч-бек, и это был один из достохвальных и замечательных его подвигов.

Во время этой осады руки Куч-бека дважды совершали превосходные дела.

Кара-Барлас тоже остался один на посту у ворот Сузенгеран; и он прекрасно устоял. Кылык-Ходжа Кукельташ и Куль-Назар-мирза стояли на постах у ворот Газиристан. Они тоже, с немногими людьми, хорошо держались и прекрасно стреляли во врагов сбоку. Один раз Касим-бек во главе своих молодцов, выехав из ворот Сузенгеран, гнал воинов Шейбани-хана до Ходжа-Кафшира, свалил с коня несколько человек, отрезал им головы и вернулся.

Была уже пора созревания хлебов, однако, никто не вез нового хлеба. Дни осады продлились, и люди терпели большие лишения; дошло до того, что бедные и нищие начали есть собачье и ослиное мясо. Так как корм для коней стал редкостью, то люди давали коням листья деревьев. Опыт показал, что из всех листьев лучше всего годятся коням листья туты и карагача.

Некоторые строгали сухое дерево, бросали стружки в воду и давали коням.

Три или четыре месяца Шейбани-хан не подходил близко к Самарканду. Он кружил вокруг крепости издали, переходя с места на место. Однажды, около полуночи, когда люди спали, он подошел со стороны ворот Фирюза. Колотя в барабаны, враги закричали. Я был в медресе; в городе поднялась великая тревога и беспокойство. Каждую ночь они приходили, били в барабаны, кричали и производили шум. Во все концы и стороны я посылал людей, но ни от кого не пришло помощи и поддержки. Когда я был силен, могуч и не терпел никаких поражений и лишений, мне не оказали помощи; с какой же стати стали бы помогать в такое время?

Защищаться и выдерживать осаду, надеясь на них, было неосновательно. Древние говорили: «Чтобы удержать крепость, нужна голова, нужны две руки и нужны две ноги. Голова – это полководец, две руки – это подкрепление и помощь, приходящие с двух сторон, а две ноги – это вода и припасы в крепости».

Мы рассчитывали на помощь и поддержку соседних и окраинных властителей, но у каждого из них были свои планы. Столь смелый и опытный государь как Султан-Хусейн-мирза, не оказав нам никакой помощи, не прислал даже посла, чтобы укрепить наше сердце, а к Шейбани-хану во время осады Самарканда он отправил послом Кемаль-ад-дина Хусейна Газергахи.

Тенбель пришел из Андижана в окрестности Бискета. Ахмед-бек и его люди повели хана навстречу Тенбелю. Они встретились лицом к лицу около Леклекана и сада Турак. Однако боя и сражения не было, и они разошлись. Султан-Махмуд-хан был не воинственный человек; он был совершенно лишен дара вести войско. Когда он стоял напротив Тенбеля, в его словах и поступках проявилось малодушие. Ахмед-бек был человек простой, но смелый и преданный; он выразился очень грубо: «Чего стоит этот Тенбель, что вы так беспокоитесь и тревожитесь? Если ваши глаза боятся, завяжите их, и пойдем на него!»

СОБЫТИЯ ГОДА ДЕВЯТЬСОТ СЕДЬМОГО.

Осада тянулась уже очень долго, а припасы и продовольствие не появлялись ниоткуда. Помощи и поддержки не приходило ни с какой стороны. Воины и крестьяне, потеряв надежду, начали, по-одному, по-двое прыгать со стен крепости. Шейбанихан, проведав о бессилии жителей крепости, пришел и стал лагерем неподалеку от Гар-и Ашикана. Я, со своей стороны, пришел на Нижнюю улицу, в дома Мелик-Мухаммеда-мирзы, и встал напротив Шейбани-хана.

В эти дни Узун-Хасан, брат Ходжи-Хусейна, – именно он, как раньше упоминалось, был виновником мятежа Джехангир-мирзы и нашего ухода из Самарканда, – с десятию-пятнадцатью нукерами явился и вошел в крепость. Это был очень смелый поступок; затруднения и лишения воинов и горожан стали еще больше; близкие мне люди и мужи, достойные уважения, начали прыгать с вала и убегать; к числу именитых беков принадлежали Веис-Шейх и Веис-Лагъри; это были мои старинные слуги, они тоже бежали. В помощи со стороны мы совершенно отчаялись, ни на что не осталось никакой надежды. Продовольствия и припасов было мало, то небольшое, что было, тоже пришло к концу; новых припасов и продовольствия неоткуда было ждать.

В это время Шейбани-хан завел разговор о мире. Если бы была надежда на чью-нибудь помощь или оставались бы припасы, – кто бы стал слушать слова о мире? Но необходимость заставила. Заключив нечто вроде мира, мы ночью, почти на исходе двух «пахров»¹, вышли из ворот Шейх-Заде. Я увел с собой ханум, мою родительницу, и еще двух женщин: одна из них – Бечега-Халифе, другая – Минглык-Кукельташ. Когда мы в этот раз ушли, моя старшая сестра, Ханзаде-биким, попала в руки Шейбани-хана.

Темной ночью, кружа между большими каналами Сугуда, мы сбились с дороги; на заре, после тысячи затруднений, мы миновали Ходжа-Дидар и ко времени предрассветной молитвы взобрались на холм Карпук. Пройдя севернее холма Карпук по окраине селенья Хардек, мы двинулись по равнине к Илан-Уты. По дороге мы стали гоняться на лошадях с Камбаром-Али и Касим-беком. Моя лошадь опередила. Желая посмотреть, насколько отстали их лошади, я обернулся; подпруга у моего седла, вероятно, ослабела, седло перевернулось, я упал и ударился головой о землю. Хотя я сейчас же встал и сел на коня, но разум до самого вечера полностью ко мне не вернулся. События, происходившие в этом мире, мелькали и проходили перед глазами и в душе, точно сон или призрак.

Вечером, ко второй молитве, мы остановились в Илан-Уты. Убив лошадь, мы изжарили ее мясо, приготовили кебаб, дали немного передохнуть коням и двинулись дальше. Перед рассветом мы прибыли в селение Халилийе и остановились. Из Халилийе мы пришли в Дизак. В это время в Дизаке находился сын Хафиз-Мухаммед-бека-Дулдая, Тахир-Дулдай. Жирное мясо и белый хлеб были там дешевы, сладкие дыни и хороший виноград – изобильны. После такой нужды мы нашли небывалую дешевизну, после стольких бед – полную безопасность.

---

¹ Пахр – время дежурства одной стражи.

После страха и нужды мы обрели безопасность. Мы нашли новую жизнь и новый мир.

Страх смерти исчез из сердца, муки голода прекратились. Никогда в жизни мы так не отдыхали, давно не видели такой дешевизны и безопасности. Наслаждение после нужды и спокойствие вслед за мучениями кажутся еще слаще и лучше. Четыре или пять раз приходилось нам так переходить от беды к радости и от трудностей к благоденствию, и это был первый раз. Избавившись от врага и от мук голода, мы достигли радостной безопасности и блаженной дешевизны.

Три или четыре дня мы отдыхали в Дизаке, затем направились к Ура-Теппа. Пешагир находится несколько в стороне от дороги. Так как я раньше прожил там некоторое время, то, проходя мимо, прогулялся туда. В крепости Пешагир я встретил женщину, которая долгое время состояла при ханум, моей матери, и в этот раз осталась в Самарканде из-за отсутствия лошадей. Я повидался с нею и расспросил ее; она пришла туда из Самарканда пешком. Младшая сестра моей матери, Хуб-Нигар-ханум, распрощалась с нашим бранным миром; мне и ханум сообщили об этом в Ура-Теппа. Мать моего отца тоже скончалась в Андижане. Об этом нам рассказали там же.

Ханум, с тех пор, как хан, мой дед, умер, не видала своего брата и сестер, т. е. Шах-биким, Махмуд-хана, Султан-Нигар-ханум и Даулет-Султан-ханум; их разлука затянулась на тринадцать-четырнадцать лет. Чтобы повидаться с ними, она отправилась в Ташкент.

Переговорив с Мухаммед-Хусейном-мирзой, я решил провести зиму в одной из местностей близ Ура-Теппа, называемой Дихкет. Я отправился туда и, оставив домочадцев в Дихкете, через несколько дней тоже решил побывать в Ташкенте, чтобы увидеться с Шах-биким, ханом, моим дядей, близкими и родичами. Отправившись туда и выразив почтение Шах-биким и

хану, я пробыл там несколько дней; единоутробная сестра моей матери, Михр-Нигар-ханум, тоже прибыла из Самарканда. Ханум, моя мать, заболела; очень тяжелая была болезнь. Ханум подвергалась большой опасности.

Его святейшество Ходжака-Ходжа, уйдя из Самарканда, пришел в Фиркет и жил там. Я отправился в Фиркет и повидался с Ходжей.

Я надеялся, что хан, мой дядя, проявив милость и внимание, даст мне какую-нибудь область или округ. Они обещали мне Ура-Теппа, но Мухаммед-Хусейн-мирза не дал. Не знаю, по своей ли воле он не дал, или было указание сверху.

Через несколько дней мы вернулись в Дихкет. Дихкет – одно из селений у подножья гор Ура-Теппа, оно находится под Улуг-Тагом; сейчас же за этими горами находится Масча. Хотя жители Дихкета – сарты, оседлые, но они, как и тюрки, овцеводы и коневоды.

В этом селении мы остановились в домах крестьян я поселился в доме старосты. Пожилой был человек, годов шестидесяти-семидесяти, но его мать была еще жива: очень долговечная была женщина, ста одиннадцати лет. Когда Тимурбек ходил в Хиндустан, один из родичей этой женщины ушел в его войско. Это было у нее в памяти, она рассказывала. В одном только Дихкете находилось детей самой этой женщины, внуков, правнуков и праправнуков – девяносто шесть человек; вместе с умершими их насчитывали двести человек. Внук ее внука был молодец двадцати пяти-двадцати шести лет, с черной-пречерной бородой.

Во время пребывания в Дихкете мы постоянно гуляли пешком по горам, возвышавшимся вокруг этого селения и в его окрестностях. Чаще всего я гулял босой. От долгой ходьбы босиком мои ноги стали такими, что ни горы, ни камни на них не действовали. Однажды по время такой прогулки, между второй и ночной молитвой, по узкой, еле видимой, тропе спускался

бык. Я сказал: «Куда идет эта дорога? Смотрите на этого быка, не упускайте его из виду и станет известно, куда она выходит». Ходжа Асад-Аллах сострил: «А если эта корова ослепнет, что будем делать?»

В эту зиму некоторые из наших воинов не могли больше казачествовать с нами и попросили разрешения уйти в Андижан. Касим-бек настойчиво говорил: «Раз эти люди идут в Андижан, то пошлите Джахангир-мирзе что-нибудь из вашей личной одежды». Мы послали мою горностаевую шапку. Касим-бек опять начал убеждать: «Что будет плохого, если вы пошлете что-нибудь также и Тенбелю?» Хотя я не соглашался, но, вследствие настояний Касим-бека, Тенбелю был послан закаленный широкий меч Нойона-Кукельташа, который Нойон-Кукельташ велел изготовить для себя в Самарканде. Это был тот самый меч, которым мне рассекли голову, как будет упомянуто при изложении событий следующего года.

Спустя несколько дней моя бабка Исан-Даулет-биким, которая после моего ухода из Самарканда осталась там, прибыла вместе с находившимися в Самарканде домочадцами и родичами – худыми и голодными.

В середине зимы Шейбани-хан, перейдя по льду реку Ходженда, разграбил окрестности Шахрухии и Бискента. Как только пришла об этом весть, мы сейчас же поскакали, невзирая на малочисленность наших людей. Мы направились к селениям, что ниже Ходженда, напротив Хашт-Яка. Было очень холодно. В этих местах постоянно, не ослабевая, дует сильный ветер из пустыни Ха-Дервиш; стужа достигала такой степени, что за эти два-три дня несколько человек умерло от холода.

Мне понадобилось совершить омовение. В одном ручье вода у берегов покрылась льдом, но посередине из-за быстрого течения не замерзла. Я вошел в ручей, совершил омовение, окупался шестнадцать раз.

На рассвете мы перешли по льду реку Ходженда, напротив Хаса. Перейдя реку, мы шли всю ночь и пришли в Бискент. Ока-

залось, Шейбани-хан, разграбив окрестности Шахрухии, идет назад. В то время Бискент принадлежал сыну Муллы-Хайдара, Абд-аль-Маннану. Другой его сын – младше Абд-аль-Маннана – негодный и бестолковый человек по имени Мумин, находился при мне, когда я был в Самарканде. Не знаю, какую обиду причинил ему в Самарканде Нойон-Кукельташ, но этот человекишка хранил против него злобу.

Как только пришло известие, что враги повернули назад, мы послали к хану человека и, выступив из Бискента, задержались на три-четыре дня в селениях Ахенгерана. По самаркандскому знакомству, сын Муллы-Хайдара, Мумин, пригласил к себе, уважения ради, Нойона-Кукельташа, Ахмеда-Касима и еще несколько человек. Когда я выступил из Бискента, эти люди остались там. Мумин устроил попойку на краю обрыва. Придя, мы стали лагерем в одном из селений Ахенгерана, называемом Самсирак; утром пришло известие, что Нойон-Кукельташ, пьяный, свалился в обрыв и умер. Мы послали туда Хакк-Назара, который приходился Нойону-Кукельташу родным дядей, и еще несколько человек. Они поехали и осмотрели место, где упал Нойон, предали умершего земле в Бискенте и вернулись. Эти люди нашли труп Нойона на дне глубокого оврага, на расстоянии полета стрелы от того места, где шла попойка. У некоторых возникло подозрение, что Мумин, помня самаркандскую обиду, посягнул на жизнь Нойона; правду об этом никто не узнал.

Это произвело на меня необыкновенное впечатление; малочья смерть меня так волновала. Неделю или десять дней я все время плакал.

Тарих его смерти был найден в словах: «Нойон скончался».

Через несколько дней, повернув назад, я пришел в Дихкет.

Весной получилась весть: «Шейбани-хан идет на Ура-Теппа». Так как Дихкет расположен в равнине, то мы перешли через перевал Аб-и Бурдан в горную область Масча. Самое

Спустя несколько дней Тенбель пошел на Ура-Теппа. Как только пришла весть об этом, хан повел из Ташкента войско. Между Бискентом и Самсираком выстроили в ряды правое и левое крыло и произвели смотр войску. По могольскому обычаю распустили знамена. Один из моголов привязал к кости из передней ноги быка длинную белую холстину и держал ее в руке; еще три длинных холстины привязали к трем знаменам ниже «кутаса»¹ и пропустили их концы под древки. На конец одной холстины наступил ногой хан, на холстину, привязанную к другому знамени, наступил я, на конец третьей холстины – Султан Мухаммед-ханике. Один могол, взяв в руки бычью кость с привязанной к ней холстиной, что-то сказал по-могольски, глядя на знамя, потом сделал знак. Хан и все те, кто стоял подле него, принялись кропить кумысом в сторону знамени. Задудли в трубы, ударили в барабаны, воины, стоявшие в рядах, как один, испустили боевой клич, повторив его трижды. После этого они сели на коней и с криками поскакали вокруг лагеря.

Среди моголов до сих пор держатся обычаи, которые установил еще Чингиз-хан. Правое крыло – на правом крыле, левое крыло – на левом крыле, центр – в центре; все воины, из рода в род, стоят на местах, определенных Чингизом. На правом и на левом крыле тот, чье значение больше, стоит ближе к краю. На правом крыле постоянно происходят раздоры между родами Чара и Бекчик из-за того, кому выходить на край. В то время беком тумана Чарас был Кашка-Махмуд; очень смелый был человек. Беком тумана Бекчик, который славится среди прочих туманов, был Айюб-и Якуб. Из-за того, кому выходить на край, они сражались, обнажали друг на друга мечи. В конце концов, кажется, решили, что в кругу для облавы выше будет стоять один туман, а в боевом строю на край будет выходить другой.

---

¹ *Кутас* – в данной случае хвост дикого быка, прикрепленный к древку знамени.

На утро в окрестностях Самсирака устроили облаву и поохотились. Прибыв туда, мы стали лагерем в саду Турака. В тот день на этой стоянке я закончил газель. Это была первая газель, которую я дописал до конца. Вот ее начало:

Я не нашел верного друга, кроме моей души.
Я не нашел поверенного тайн, кроме моего сердца.

В газели шесть стихов. Впоследствии все законченные газели были написаны по такому плану.

Переход за переходом, мы пришли на берег реки Ходженда.

Однажды, с целью прогулки, мы перешли реку и, приказав сварить пищу, отпустили йигитов и телохранителей повеселиться. В тот день у меня украли золотую застежку от пояса. На следующее же утро Хан-Кули, сын Баяна-Кули, и Султан-Мухаммед-Веис убежали к Тенбелю. Все подумали, что кража совершена ими, хотя наверное этого не знали. Ахмед-Касим-Кухбур также, испросив разрешения, ушел в Ура-Теппа и не вернулся. Он отправился к Тенбелю.

СОБЫТИЯ ГОДА ДЕВЯТЬСОТ ВОСЬМОГО

Этот поход хана был совершенно бесполезный поход: крепости не взял, врага не разбил – пошел и вернулся.

В то время, пока я был в Ташкенте, мне пришлось испытать большие лишения и унижения. Владений нет, надежды на владения – нет; большинство нукеров разошлись, немногие, что остались, из-за лишений не в состоянии итти со мной; пойду к воротам хана, моего дяди – иногда с одним человеком, иногда с двумя иду. Хорошо еще, что хоть не чужие, а родичи были...

Поклонившись хану, моему дяде, я входил к Шах-биким словно к себе домой – с голой головой, с голыми ногами входил. Наконец, от этих скитаний, без дома и крова, я дошел до крайности. Подумал: «Чем жить в таких тяготах, лучше сразу сгинуть; чем терпеть на глазах людей унижения и позор, лучше уйти, куда ноги унесут». Вознамерившись направиться в Хытай, я решил уйти. С малолетства мне хотелось побывать в Хытае, но из-за власти и привязанностей это не удавалось. Теперь власть ушла, моя матушка соединилась со своей матерью и братьями; забота отпала, помеха к путешествию исчезла. Через Ходжу-Абу-ль-Макарима я передал такие слова: «Появился такой враг, как Шейбани-хан; вред от него одинаковый и тюркам и моголам; подумать о нем нужно теперь, пока он не совсем захватил удел и не очень возвеличился. Ведь сказано:

Сегодня гаси огонь, пока можешь погасить;
Огонь, если поднимется, сожжет весь мир.
Не давай врагу натянуть тетиву лука,
Пока сам можешь пустить стрелу.

С младшим ханом, моим дядей, мои родичи не встречались двадцать четыре-двадцать пять лет; я же его никогда не видел. Нельзя ли мне пойти: я и младшего хана, моего дядю, повидал бы, и был бы усердным посредником в устройстве, встречи».

Цель моя была такова: если я под этим предлогом уйду из их среды, то когда приду в Моголистан и Турфан, не останется никаких препятствий и забот; мои поводыя у меня в руках.

Об этом моем намерении не был осведомлен больше ни один человек, да никого и нельзя было о нем осведомить, потому что даже моей матери – и той невозможно было сказать таких слов, а те немногие люди, которые окружали меня, последовали за мной с надеждой на другое. В том, чтобы сказать им такие слова – тоже не было никакой милости.

Когда Ходжа-Абу-ль-Макарим передал мои слова Шах-биким и хану, моему дяде, то понял, что они согласны. Потом им пришло на ум, что, может быть, я прошу разрешения удалиться, так как не нашел внимания к себе; поэтому они, ради чести, немного помедлили с разрешением.

Тем временем от моего младшего дяди пришел человек и сообщил: «Младший хан идет!» Мой план не удался. Когда пришел второй человек и передал, что младший хан близко, Шах-биким, младшие сестры хана, моего дяди, Султан-Нигарханум, Даулет-Султан-ханум и я, а также Мухаммед-Ханике и Мирза-хан, – все тотчас же выехали навстречу моему дяде, младшему хану.

Между Ташкентом и Сайрамом есть деревня Ягма и еще несколько деревушек; там находятся моголы Ибрахим-ата и Исхак-ата. Мы достигли этих деревень. Не зная наверное, когда

прибудет мой дядя, младший хан, я быстро выехал на коне вперед, и вдруг встречаю хана. Они только что остановились. Когда я спешил, хан сразу меня узнал. Он очень взволновался: вероятно, он думал-разбить где-нибудь лагерь, усесться и торжественно со мной поздороваться.

Я спешил слишком близко; обстоятельства не позволили торжественно меня встретить; преклонить колени и то было негде. Поклонившись, я подошел и поздоровался. В волнении и смущении, хан тотчас же приказал Султан-Саид-хану и Бабахан-Султану сойти с коней и поздороваться со мной, преклонив колени. Из сыновей хана прибыли только эти два султана, им было лет по тринадцати-четырнадцати.

Поздоровавшись с этими султанами, я сел на коня, и мы отправились к Шах-биким. Мы просидели до полуночи, беседуя о былых делах и минувших событиях.

На утро мой дядя, младший хан, пожаловал мне платье могольского образца, пояс и оседланного коня из своей личной конюшни. Я получил могольскую шапку, вышитую кручеными нитками, халат из китайского атласа, усеянный блестками, и пояс с мешочком для кремня. С левой стороны повесили старинного образца мешочки и еще три-четыре безделушки, которые вешают женщине на шею, вроде коробочки для духов и сумки. С правой стороны тоже повесили три-четыре такие вещи.

С этой стоянки мы направились к Ташкенту. Старший хан, мой дядя, тоже вышел навстречу и прошел три-четыре йигача пути из Ташкента. В одном месте разбили шатры, и старший хан сел там. Младший хан ехал спереди. Приблизившись, он объехал хана слева и сзади и спешил перед ним; дойдя до места поклона, младший хан девять раз преклонил колени и поздоровался.

Старший хан, когда младший хан приблизился, тоже встал; они поздоровались и долго стояли обнявшись. Отступая назад,

младший хан тоже девятикратно преклонил колени; поднося подарки, он опять много кланялся. Затем он подошел к старшему хану, и оба сели.

Люди младшего хана были все наряжены по-могольски – в могольских шапках и атласных халатах, шитых золотыми блестками. У них были могольские колчаны, седла из зеленой шагрени и могольские кони. Все это было подстать их необычайному наряду.

Младший хан привел с собой очень немного людей; их было побольше тысячи, но меньше двух тысяч. Младший хан, мой дядя, был оригинальный человек, крепко бившийся мечом, своевольный и смелый. Из оружия он больше всего полагался на меч и говаривал: «Шестопер, палица, кистень, секира, топор, раз ударив, поражают в одно место, а меч, как ударит – рассечет с головы до ног». Он никогда не расставался со своим острым мечом; меч либо висел у него на поясе, либо находился в руке.

Выросши на далекой окраине, хан был несколько неотесан и грубоват в речах.

В упомянутом выше могольском наряде я пришел вместе с моим дядей, младшим ханом, к старшему хану. У моего дяди старшего хана находился Ходжа-Абу-ль-Макарим. Он не узнал меня и спросил: «Это какой султан будет?» Когда я заговорил, он узнал меня.

Вскоре ханы повели войско против Султан-Ахмеда Тенбеля в Андукан. Они пошли через перевал Кендырлык. Когда пришли в долину Ахенгерана, то меня и младшего хана отрядили вперед. Пройдя перевал в окрестностях Заркана, в Карнана произвели смотр войскам. Воинов насчитали тридцать тысяч человек.

От передовых отрядов стали приходиться вести, что Тенбель тоже собрал войско и пришел в Ахсы; ханы посоветовались между собой; они решили дать мне отряд. Перейдя реку Ходженда и направившись в сторону Оша и Узгенда, я должен был

обойти Тенбеля с тыла. Сговорившись на этом, ко мне присоединили Айюб-Бекчика с его туманом, Джан-Хусейн-Нарына с его нарынцами, Мухаммед-Хисари Дуглата, Султан-Хусейна Дуглата и Султан-Ахмеда-мирзу Дуглата (войска тумана Дуглат с ними не было), а также Камбар-Али; даругой войска назначили Сарык-Баша-мирзу-Амбарчи.

Отделившись от ханов у Карнана и переправившись на плотках через реку Ходженда в окрестностях Сакана, мы прошли через орчин Хукана. Мы захватили Каба, миновали Ала-Ялукский орчин и напали на Ош. Под утро мы незаметно вошли в крепость Оша; обитатели Оша ничего не могли поделаться и сдали крепость. Жители области очень желали нашего прихода, но от страха перед Тенбелем и вследствие нашей отдаленности ничем не могли нам помочь.

Как только мы пришли и вступили в Ош, оседлые и кочевые племена, живущие в горах и степях к востоку и югу от Андижана, все примкнули к нам.

Узгенд, – раньше этот город был столицей Ферганы, – хорошая крепость. Он стоит на границе. Жители Узгенда, согласившись нам служить, прислали человека и подчинились мне. Через несколько дней маргинанцы побили и выгнали своего даругу и тоже подчинились мне.

Все крепости на андижанской стороне рекн Ходженда, кроме Андижана, покорились мне.

Хотя в эти дни возникли такие смуты и волнения, Тенбель не отказался от своих намерений; он стоял со своим пешим и конным войском между Ахсы и Карнаном, лицом к лицу с ханами, укрепившись заграждениями и рвом. Несколько раз в тех краях происходили стычки и схватки, но ни на чьей стороне не замечалось перевеса.

Так как большинство племен и родов, крепостей и земель на андижанской стороне мне покорилось, то жители Андижана тоже; естественно, желали покориться мне, но не могли найти

к этому способа. Мне пришло на ум, что если как-нибудь ночью мы подойдем к Андижану, пошлем туда человека и сговоримся с вельможами города, они, может быть, впустят нас с какой-нибудь стороны.

С таким намерением мы выехали из Оша и в полночь встали против Чиль-Духтарана, в одном курухе от Андижана.

Камбар-Али-бека и еще некоторых беков отрядили вперед, чтобы они осторожно ввели в крепость человека и сговорились с ходжей и вельможами.

Ожидая посланных беков, мы сидели на конях; некоторые дремали, другие погрузились в сон.

Прошло, вероятно, три стражи ночи, как вдруг раздался шум барабанов и крики. Не зная, много ли врагов или мало, заспанные люди разом повернули и бросились бежать, не глядя друг на друга. Я не успел даже догнать своих людей и поскакал на врагов.

Мир-Шах Каучин, Баба-Ширзад и Дуст-Насыр тотчас же двинулись за мной следом. Все люди, кроме нас четверых, обратились в бегство. Когда я проехал немного вперед, нападающие приблизились, крича и пуская стрелы. Человек на коне с белой отметиной подъехал ко мне вплотную; я выстрелил в коня, конь повалился с ног. Враги немного отступили.

Те трое, что были со мной, сказали: «Ночь темная, много ли, мало ли врагов – неизвестно. Люди нашего войска все ушли, а от нас четверых какой может быть врагу вред? Надо нагнать беглецов, а потом драться».

Мы вскачь настигли людей и принялись их бить и хлестать, но что мы ни делали, люди не съезжались: Мы четверо снова вернулись и стали пускать стрелы; враги немного приостановились. Разглядев, что нас трое-четверо, не больше; они снова начали гнать наших, сбивая их с коней. Таким образом, я три-четыре раза догонял людей и, не собрав их, возвращался с теми тремя, пуская стрелы и отгоняя врагов.

Людей гнали два или три куруха, до холмов, что напротив Харабука и Пешамуна. Достигнув холмов, мы встретили Мухаммед-Али-Мубашшира. Я сказал: «Их немного, остановимся и пустим на них коней»: Остановившись, мы пустили коней во весь опор; когда мы подскакали, враги остановились. Разбежавшиеся воины стали подъезжать – то оттуда, то отсюда, причем некоторые добрые йигиты проскакали с нападающими прямо в Ош. Это произошло так: несколько моголов из тумана Айюб-Бекчика, отделившись от нас в Оше, пришли в окрестности Андижана, чтобы пограбить. Услышав шум нашего войска, они украдкой пробрались вперед, крича уран¹. Уран бывает двух родов. Один уран – особый у каждого племени; так, например, у одного племени уран – «дурдана», у другого – «тук-кай», у третьего – «лулу». Другой уран один для всего войска. В бою ураном назначают два слова; во время битвы, при встрече, один человек говорит одно слово, а другой говорит второе установленное слово, чтобы таким путем отличить друзей от врагов и распознать своего от чужого. В этом походе условленные слова урана были «Ташкент» и «Сайрам»; скажут: «Ташкент», говори: «Сайрам», скажут: «Сайрам», отвечай: «Ташкент». В этой стычке впереди был Ходжа-Мухаммед-Али. Моголы подошли, крича: «Ташкент», «Ташкент»! Ходжа-Мухаммед-Али, человек из сартов, был взволнован и в ответ тоже закричал: «Ташкент», «Ташкент». Моголы, подумав, что это враг, подняли крик, забили в барабаны и стали метать стрелы. Из-за этой ложной тревоги мы не остались стоять и рассеялись. Задуманный нами план не удался. Мы повернули назад и пришли в Ош.

Когда жители степей, гор и крепостей покорились мне, Тенбель и его приспешники потеряли твердость и мужество. Через пять-шесть дней его войско начало таять, и люди стали разбегаться по горам и степям. Некоторые его челядинцы, пришедшие к нам, говорили: «Дело Тенбеля близко к полному

---

¹ Уран – боевой клич, служащий паролем.

расстройству; через три-четыре дня он должен будет отступить».

Когда пришли такие вести, мы тотчас же выступили на Андижан. В Андижанской крепости находился младший брат Тенбеля, Султан-Мухаммед-Кальпук. Пройдя дорогой на Тутмук, мы к полуденной молитве подскакали к арыку Хакана, к югу от Андижана. Я сам, следуя за передовыми, подъехал к склону холма Айш на берегу Хакана. От дозорных пришла весть, что Султан-Мухаммед-Кальпук и бывшие при нем люди вышли из садов и пригородов к склону холма Айш. Передовые еще не собрались. Не ожидая, пока они соберутся, я быстро, не медля, двинулся на врагов. У Кальпука было, пожалуй, свыше пятисот человек; хотя наших людей вообще было больше, но воины разъехались, чтобы пограбить; ко времени встречи нас было столько же. Не наблюдая строя и порядка, мы во весь опор подскакали на врагов. Когда мы приблизились, они не могли устоять и, даже не скрестив раз или два мечей, побежали. Наши гнали людей Кальпука почти до самых ворот Хакана, сбивая их с коней.

Когда мы разбили врага и подошли к Ходжа-Китта, у пригородов, было время вечерней молитвы. У меня была мысль итти прямо к воротам; пожилые, знатные, опытные беки – Насирбек, отец Дуста, и Камбар-Али-бек доложили: «Наступила ночь; подходить в темноте вплотную к крепости – неразумно. Отойдем назад и спешимся, а утром – что они смогут сделать? Они сдадут крепость».

Вняв словам этих опытных беков, мы отступили от окраин города. Если бы мы пошли к воротам крепости, то крепость, без сомнения, перешла бы к нам в руки.

Было время молитвы перед сном. Мы двинулись вперед, перешли арык Хакана и стали лагерем возле деревни Рабат-и Рузек. Хотя были сведения, что Тенбель в беспорядке отступил и идет к Андижану, но, по нашей неопытности, случилась

ошибка: вместо того, чтобы утвердиться на таком укрепленном арыке, как арык Хакана, мы перешли арык и стали возле деревин Рабат-и Рузек, на ровном и гладком месте. Мы беспечно лежали без караула, стражи. На рассвете люди сладко спали, как вдруг подскакал Камбар-Али-бек и закричал: «Враг подошел, вставайте!»

Сказав это, он, не медля ни мгновенья, проехал дальше и уже не возвращался. Я постоянно, даже в безопасное время, ложился, не снимая халата и шапки. Поднявшись, я тотчас же подвязал меч и колчан и в тот же миг вскочил на коня. Знаменосец не успел даже подвязать туг¹; схватив туг в руку, он сел на коня. Мы направились прямо в ту сторону, откуда шел враг; в этом походе нам сопутствовало десять-пятнадцать человек. Когда мы подошли на полет стрелы, то столкнулись с разъездами неприятеля; в это время со мной было человек десять. Мы быстро поскакали, пуская стрелы, и, захватив передовых врага, двинулись дальше. Мы прогнали их еще на полет стрелы и подошли к центру их войска. Султан-Ахмед Тенбель и с ним человек сто воинов стояли, ожидая. Сам Тенбель еще с одним человеком немного выступил из рядов и стоял, крича: «бей, бей!», но большинство его людей повернулось боком и как будто раздумывало: «Бежать? Не бежать?» К этому времени со мною осталось три человека: Дуст-Насыр, Мирза-Али-Кукельташ и Каримдад, сын Худайдада-туркмена. Я пустил стрелу, что была у меня на тетиве, в шлем Тенбеля и сунул руку в колчан: Хан, мой дядя, подарил мне новенький гушегир²; он попался мне под руку. Мне стало жалко его выбросить; пока я снова кинул его в колчан, можно было бы метнуть две стрелы. Я наложил на тетиву стрелу и поехал вперед; те три человека остались позади. Один из двоих, что стояли напротив меня –

¹ Туг – знамя.

² Гушегир – принадлежность для стрельбы из лука.

это был Тенбель – тоже пошел вперед; между нами была широкая дорога. Я вышел на дорогу с одной стороны, он – с другой, и мы оказались лицом к лицу, так что я стоял правым боком к врагу, а Тенбель стоял правым боком к нам. Тенбель был в полном вооружении; не было только конских лат; у меня, кроме меча и колчана, не было никакого оружия. Я пустил стрелу, что была у меня на тетиве, стараясь пригвоздить щит Тенбеля к ремням. В это время свистящая стрела насквозь пробила мне правое бедро. На голове у меня был подшлемник; Тенбель рубанул меня по голове; от удара мечом у меня помутилось в голове; хотя на подшлемнике не порвалось ни ниточки, на голове у меня оказалась широкая рана.

Я не приделал рукоятки к своему мечу; он был в ножнах. Вытащить меч не было времени; я остался один-одинешенек среди множества врагов. Стоять на месте было нельзя, и я повернул коня; еще один удар мечом попал по колчану со стрелами.

Когда я проехал семь-восемь шагов, ко мне присоединились те три человека. Тенбель ударил мечом также и Дуст-Насыра. Нас преследовали на протяжении полета стрелы.

Арык Хакана – большой поток и течет глубоко: перейти его можно не везде; бог помог, и мы вышли прямехонько к одной из переправ через арык. Лошадь Дуст-Насыра очень ослабла и, перейдя арык, упала. Остановившись и посадив его на одного из наших коней, мы поехали к Ошу вдоль возвышенности, что между Харабуком и Фарагина. Когда мы вышли на возвышенность, к нам присоединился Мазид-Тагай. Ему попала в ногу стрела, ниже колена. Хотя она и не прошла насквозь, Мазид Тагай добрался до Оша с большим трудом. Много добрых молодцов посбивали с коней: Насыр-бек, Мухаммед-Али-Мубашшир, Ходжа-Мухаммед-Али, Хусрау-Кукельташ, Нуман-Чухре пали в этом походе.

Ханы, идя следом за Тенбелем, стали лагерем в окрестностях Андижана. Старший хан остановился возле курука, в саду моей

бабки Исан-Даулет-биким, который называется Куш-Тигирман, младший хан расположился поблизости от Баба-Тевкеля.

Через два дня я прибыл из Оша и повидался со старшим ханом в Куш-Тигирмане. В то самое время, когда я с ним сиделся, хан передал младшему хану те земли, что перешли ко мне. Оправдываясь передо мной, он сказал: «Враг, подобный Шейбани-хану, захватил такой город, как Самарканд, могущество его все растет. Ради этого дела младшего хана привели бог весть откуда. Здесь у него земель нет, те его владения – далеко. Следует дать младшему хану области к югу от реки Ходженда, начиная с Андижана, чтобы он там водворился». Области к северу от реки Ходженда, начиная с Ахсы, хан обещал мне. Он сказал, что, утвердившись здесь, ханы направятся в область Самарканда, возьмут ее и отдадут мне. После этого вся Фергана достанется младшему хану. Вероятно, эти слова были хитростью; неизвестно, что бы случилось, если бы это стало возможным.

Делать было нечего, хочешь, не хочешь, пришлось согласиться. Когда, выехав от старшего хана, я ехал к младшему хану, Камбар-Али, известный под прозвищем «Саллах», поровнялся со мной и сказал: «Видели? Они уже сейчас отняли ваши земли! У вас с ними ничего не выйдет! Ош, Маргинан, Узгенд и те области, которые вам покорились, племена и роды – в ваших руках. Немедленно вступайте в Ош, укрепитесь, пошлите человека к Султан-Ахмеду Тенбелю и помиритесь с ним, потом побейте и прогоните моголов и разделите владения побратски».

Я сказал: «Пристойно ли это? Хань – мои родичи; лучше быть им слугой, чем царем при помощи Тенбеля». Камбар-Алибек увидел, что его слова не произвели впечатления и вернулся на свое место, раскаиваясь в сказанном.

Я поехал и повидался с моим дядей, младшим ханом. При предыдущем свидании я пришел внезапно, так что младший

хан не успел сойти с коня и встретил меня без всякого почета. На этот раз, хотя я подошел еще ближе, младший хан добежал до конца веревок шатра. Так как нога у меня была ранена стрелой, то я шел с трудом, опираясь на палку. Подойдя и поздоровавшись, младший хан сказал: «Брат мой, вы, говорят, богатырь», и, поддерживая меня, ввел в шатер. Шатер ему поставили очень маленький.

Так как хан вырос в окраинных землях, то шатер, в котором он жил, был скромный, казацкий. Дыни, виноград, принадлежности конской сбруи – все лежало тут же, в шатре, где он жил.

Выйдя от младшего хана, я направился в свою ставку. Ко мне прислали могольского костоправа по имени Итке-бахши (моголы называют костоправов также «бахши»), чтобы он посмотрел мою рану. В искусстве править кости он был очень сведущ. Если у человека выскакивал костный мозг, этот костоправ давал лекарство, и больной поправлялся. Любую рану близ артерии он легко исцелял. К некоторым ранам он прикладывал нечто вроде пластыря, при других ранах давал лекарство съесть. К ране на моем бедре он приказал прикладывать сырой орех, корпии не прикладывал. Кроме того, он один раз дал мне съесть какой-то корешок.

Этот бахши сам рассказывал: «У одного человека сломалась тонкая кость на стопе, и кусок кости, величиной с ладонь, превратился в порошок. Я надрезал мясо, вынул все кости стопы и вместо костей положил лекарство, измельченное в муку. Это лекарство образовало кость вместо настоящей кости, и рана закрылась».

Таких удивительных и диковинных вещей он рассказывал множество. В нашей земле костоправы не способны так лечить.

Через три-четыре дня Камбар-Али, опасаясь последствий сказанных им слов, бежал от меня и вступил в Андижан. Еще несколько дней спустя ханы сговорились и послали меня в сторону Ахсы; со мной отправили Айюб-Бекчика с его туманом и

Джан-Хасана-Нарына с туманом Нарына – всего тысячу или две человек. Бекком войска назначили Сарыкбаш-мирзу.

В Ахсы находился младший брат Тенбея – Шейх-Баязид, в Касане был Шахбаз-Карлук. В это время Шахбаз пришел и стоял перед крепостью Наукенд. Переправившись через реку Ходженда напротив Бихраты, мы быстро двинулись к Наукенду, на Шахбаза. На рассвете, когда мы подходили к Наукенду, беки доложили: «Этот человек, наверное, догадался. Поэтому лучше подойти, не расстраивая рядов, при свете дня».

Мы пошли медленней. Шахбаз ничего не знал. Когда мы приблизились к Наукенду, он проведал об этом, бежал из окрестностей и вошел в крепость. Так часто бывало: говоря, что враг все проведал, легко этим отговаривались, и время для дела проходило. Опыт подтверждает это. Словом, – когда дело пришло в руки, не следует ослаблять рвения и усердия. Раскаиваться потом бесполезно.

На рассвете вокруг крепости произошли небольшие стычки, но серьезного боя не было.

От Наукенда мы пошли в сторону гор, к Бишхарану, чтобы пограбить. Шахбаз-Карлук, воспользовавшись удобной минутой, бросил Наукенд и бежал в Касан. Повернув назад, мы пришли и расположились в Наукенде.

В эти дни мои воины неоднократно совершали набеги и грабили окрестности. Один раз они ограбили деревни в области Ахсы, в другой разграбили Касан. Шахбаз с приемным сыном Узун-Хасана, которого звали Мирам, сразились с ними и потерпели поражение. Мирам был убит.

Одна из неприступных крепостей Ахсы – крепость Пап. Жители Папа заперли крепость и послали к нам человека. Мы отправили туда Сейид-Касима с несколькими йигитами. Перейдя реку напротив деревень, что выше Ахсы, они вошли в крепость Пап.

Через несколько дней случилось удивительное дело. В то время Ибрахим-Чапук Тагай, Ахмед-Касим-Кухбур и Касим-Ханике-Аргун находились с Шейх-Баязидом в Ахсы. Присоединив к упомянутым еще человек двести добрых йигитов, Шейх-Баязид однажды ночью неожиданно послал их в крепость Пап. Сейид-Касим, не приняв предосторожностей, спал. Когда семьдесят-восемьдесят вооруженных йигитов, достигнув крепости, приставили лестницы, поднялись, захватили ворота, спустили подъемный мост и вошли в крепость, Сейид-Касим узнал об этом и, сонный, в одной рубашке, с пятью-шестью йигитами сел на коня, поколотил и выгнал врагов. Отрезав несколько голов, он прислал их нам. Хотя так беспечно спать не подобало воину, но разбить и прогнать с несколькими молодцами столько храбрых, вооруженных йигитов – очень смелое дело.

В то время ханы были заняты осадой крепости Андижана. Обитатели крепости не давали подойти к ней близко. Йигиты, выезжая на конях, вели перестрелку перед крепостью. Шейх-Баязид, выражая мнимое доброжелательство, начал посылать к нам людей из Ахсы. Он настойчиво призывал нас. Цель этих призывов состояла в том, чтобы любой хитростью разлучить меня с ханами. Когда я расстанусь с ними, ханы не смогут более стоять под Андижаном. Эти приглашения делались с согласия его старшего брата Тенбея. Расстаться с ханами и заключить союз с этими людьми мы считали невозможным. Я намекнул ханам об этих приглашениях. Хань говорили: «Пусть идет! Пусть любым способом захватит Шейх-Баязида!» Такое коварство и хитрость не соответствовали нашим правилам и обычаям, тем более, что между мною и Шейх-Баязидом будет договор. Как же возможно так нарушить договор?

Мне пришло на ум, что нам следует каким-нибудь образом проникнуть в Ахсы: или оторвем Шейх-Баязида от Тенбея и он перейдет на нашу сторону, или дело обернется как-нибудь иначе, благоприятно для нас.

Мы тоже послали человека к Шейх-Баязиду; заключив договор и условие, он позвал нас в Ахсы. Мы пошли. Выйдя навстречу и приведя с собой также моего младшего брата Насыр-мирзу, Шейх-Баязид ввел нас в крепость Ахсы. Мне назначили стоянку и жительство в наружных укреплениях, в домах моего отца. Я пошел и водворился там.

Тенбель посылал к Шейбани-хану своего старшего брата, бека Тильбе, выражая ему покорность и призывая его. В это время от Шейбани-хана пришел ответ. Он писал: «Я иду!»

Едва весть об этом дошла до ханов, как они потеряли мужество и, побоявшись более стоять там, ушли из-под Андижана.

Младший хан был известен своей справедливостью и правоверием. Но его моголы, оставленные в Оше, Маргинане и других крепостях, покорившихся мне, вопреки надеждам народа, начали творить жестокости и насилие. Когда ханы ушли из-под Андижана, жители Оша и Маргинана напали на моголов, находившихся в крепости, схватили их, ограбили, побили и выгнали.

Ханы, не переходя реки Ходженда, отошли в сторону Маргинана и Канд-и Бадама и переправились через реку у Ходженда. Тенбель следом за ханами пришел в Маргинан. Мы в это время были в сомнении: на ханов нельзя было очень рассчитывать, а бросить их без причины и уйти казалось нехорошо.

Однажды утром из Маргинана, отделившись от Тенбея, явился Джехангир-мирза. Когда пришел мирза, я был в бане. Мы поздоровались; в это время прибежал Шейх-Баязид, он совершенно растерялся. Мирза и Ибрагим-бек говорили: «Шейх-Баязида надо схватить, надо овладеть арком». И, действительно, здравый смысл подсказывал это. Я сказал: «Мы заключили договор, как же мы нарушим его?» Шейх-Баязид ушел в арк. На мосту надо было поставить людей, но мы этого не сделали. Причиной такой небрежности была наша неопытность.

На рассвете пришел Тенбель с двумя-тремя тысячами вооруженных людей, перешел через мост и вошел в арк. У меня и вообще было мало людей, а придя в Ахсы, я к тому же разослал часть их по крепостям, других отправил кого куда – даругами или сборщиками налогов; в Ахсы со мною было немногим больше ста человек.

Выехав с этими людьми на конях, мы расставили йигитов на концах улиц и собирали боевое снаряжение, когда Шейх-Баязид, Камбар-Али и Мухаммед-Дуст прискакали от Тенбея для примирения.

Поставив людей, назначенных для боя, на указанные им места, я отправился к усыпальнице моего отца и спешил там, чтобы держать совет. Я позвал и Джехангир-мирзу. Мухаммед-Дуст уехал, а Шейх-Баязид и Камбар-Али явились. Усевшись на южном айване гробницы, мы советовались между собой; Джехангир-мирза и Ибрахим Чапук решили схватить Шейх-Баязида и Камбар-Али; Джехангир-мирза шепнул мне об этом на ухо. Я отвечал: «Не спеши! Дело зашло дальше того, чтобы их хватать; посмотрим, может быть, выйдет что-нибудь ладное миром. Их ведь очень много, а нас – весьма мало. К тому же они, при таких силах, находятся в арке, а мы, при нашей слабости, – в наружных укреплениях».

Шейх-Баязид и Камбар-Али тоже присутствовали на этом совете. Джехангир-мирза сделал Ибрахим-беку головой знак, приказывая ему воздержаться от задуманного дела. Не знаю, понял ли его Ибрахим-бек наоборот, или совершил этот поступок, притворившись, что не видел знака, но он тотчас же схватил Шейх-Баязида. Стоявшие там йигиты со всех сторон бросились на тех двоих и поволокли их. Говорить о мире и соглашении было уже поздно. Отдав тех двоих под стражу, мы выехали на бой. Одна сторона города была поручена Джехангир-мирзе. Людей у мирзы было мало; я назначил часть своих людей ему в помощь. Сначала я поехал туда и расставил людей

по местам для боя, потом отправился в другую часть города.

Посреди города было открытое место. Поставив там отряд йигитов, я проехал дальше. На этих поставленных мною людей напал большой отряд врагов, конных и пеших, их подняли с того места и оттеснили в переулок. В это время подъехал я и тотчас же погнал своего коня на врагов; они не могли устоять и опрометью-побежали. Когда мы выгнали их с улицы, пригнали на открытое место и взялись за мечи, моего коня ранили в ногу стрелой. Конь упал на колени и сбросил меня на землю, среди врагов. Я быстро поднялся и пустил стрелу. Под моим оруженосцем Кахилем был довольно плохой конь. Спешившись, он подвел его ко мне. Я сел. Поставив в том месте людей, я направился к другой улице. Султан-Мухаммед-Веис, увидев, какой плохой у меня конь, спешил и подвел ко мне своего коня. Я сел на его коня. В это время Камбар-Али-бек, сын Касим-бека, раненый, прибыл от Джехангир-мирзы. Он сказал: «На Джехангир-мирзу напали и потеснили его. Джехангир-мирза ушел». Мы совершенно растерялись.

Тут явился Сейид-Касим, который был в крепости Пап. Удивительно неуместное было это появление! Будь в такое время у нас в руках столь неприступная крепость, было бы славно.

Я сказал Ибрахим-беку: «Что же делать?» Он был легко ранен. Из-за этого ли или от растерянности, он не мог дать толкового ответа. Я задумал перейти мост, сломать его и направиться в сторону Андижана. Баба-Ширзад проявил себя тут очень хорошо. Он сказал: «Выйдем силой из ворот». Согласно словам Баба-Ширзада, мы направились к воротам. Ходжа-Мир-Миран тоже сказал тогда смелые слова. Когда мы проезжали по улице, Сейид-Касим и Дуст-Насыр с Вақы-Хызом хорошо дрались. Мы с Ибрахим-беком и Мирза-Кули-Кукельташем были впереди. Оказавшись напротив ворот, я увидел, что Шейх-Баязид в фарджии¹, надетой поверх рубахи, въезжает в ворота с тремя или четырьмя всадниками. Я положил

---

¹ Фарджия – короткая куртка.

стрелу, лежавшую у меня на тетиве; выстрелил и чуть не попал ему в шею. Очень хорошо выстрелил! Шейх-Баязид поспешно въехал в ворота и повернув направо, помчался по улице. Мы тоже бросились ему вслед. Мирза-Кули-Кукельташ хватил одного пехотинца палицей; другой пехотинец, когда Мирза-Кули проезжал мимо, направил на Ибрахим-бека стрелу.

Ибрахим-бек крикнул: «Хай! Хай!» и проехал мимо; тот в упор пустил мне стрелу подмышку. Стрела пробила два листа моей калмыцкой кольчуги. Стрелявший пустился бежать, я выстрелил ему в спину. В это время один пеший бежал по валу; я выстрелил и пригвоздил его шапку к зубцу стены. Шапка повисла, прибитая к зубцу; тюрбан его обвился вокруг руки. Другой конный проскакал мимо меня, к той улице, куда убежал Шейх-Баязид. Я кольнул его мечом в висок. Он уже падал с коня, но оперся об уличную стену и не упал. С большим трудом он убежал и спасся.

Разогнав конных и пеших, которые были у ворот, мы захватили ворота. Раздумывать было поздно, так как в арке находилось две-три тысячи вооруженных врагов, а во внешних укреплениях сто или двести наших. К тому же Джехангир-мирзу только что побили и прогнали; половина моих людей ушла с ним.

Несмотря на это, мы, по неопытности, остановились у ворот и послали к Джехангир-мирзе человека: «Если он близко, пусть приходит – пойдем на врагов». Но дело зашло слишком далеко.

Оттого ли, что конь Ибрахим-бека был слаб, или оттого, что он сам был ранен, но он сказал мне: «Мой конь утомился!» У Мухаммеда-Али-Мубашшира был нукер по имени Сулейман. При таких обстоятельствах, хотя никто его не заставлял, он спешил и отдал своего коня Ибрахим-беку. Очень благородное сделал дело!

Когда мы стояли у этих ворот, Кичик-Али, который теперь состоит сборщиком налогов в Коэле, проявил отвагу. В это

время он был нукером Султан-Мухаммеда- Веиса. В Оше он тоже два раза хорошо проявил себя.

Мы ждали у ворот, пока вернется человек, посланный к мирзе. Придя, этот человек сказал, что Джахангир-мирза уже давно ушел и стоять здесь не к чему. Мы тоже двинулись; стоять столь долго и без того было неразумно. Со мной оставались человек двадцать-тридцать.

Как только мы двинулись, множество людей в латах собралось и приблизилось к нам. Когда мы перешли подъемный мост, к городской стороне моста подоспели враги. Бенде-Али-бек, дед по матери Хамзы-бека, сына Касим-бека, кричал Ибрахим-беку: «Вы постоянно задирали нос и бахвалились. Остановись, поработаем мечами!». Ибрахим-бек ехал рядом со мной. Он ответил: «Подъезжай, что тебе мешает?» Безумный человек! При таком положении проявлять задор! Неуместный задор. Не время было медлить и задерживаться.

Мы быстро поехали вперед. Люди врага неслись за нами во весь опор, сбивая наших всадников с коней.

В одном шери от Ахсы есть местность, называемая Гумбаз и Чаман. Когда мы проезжали ее, Ибрахим-бек начал меня звать. Посмотрев назад, я увидел, что один из телохранителей Шейх-Баязида настиг Ибрахим-бека. Я повернул коня. Хан-кули, сын Баян-кули, был подле меня. «Не время поворачивать»,—сказал он и, схватив коня за узду, потянул его вперед.

Пока мы достигли Сенга, большинство моих людей было сбито с коней. Сенг находился в двух шери от Ахсы. После Сенга за нами уже не было видно врагов.

Мы двинулись вверх по реке Сенга. В это время нас оставалось восемь человек: Дуст-Насыр, Камбар-Али, сын Касим-бека Хан-Кули, сын Баяна-Кули, Мирза-Кули-Кукельгаш, Шахим-Насыр, Абд-аль-Куддус, сын Сиди-Кара и Ходжа-Хусейни, восьмой был я.

Вверх по реке вела хорошая дорога. Сухое русло реки было далеко от проезжего пути. Поднимаясь уединенной тропинкой

по высохшему руслу и оставив реку на правой руке, мы вошли в другое пересохшее русло. На следующий день было время второй молитвы, когда мы вышли из русла реки в степь. В степи виднелось издали что-то черное.

Поставив людей в укрытие, я сам, пеший, взошел на какой-то пригорок и стоял на страже, как вдруг на один из холмов позади нас вскачь поднялось множество конных. Проверить, сколько их, не удалось. Мы сели на коней и пустились вперед. Преследователей было, верно, человек двадцать-двадцать пять, а нас – всего восемь, как уже упомянуто. Если бы мы сразу, точно узнали, сколько их человек, то хорошо бы подрались с ними, но мы думали, что за этими преследователями идет еще другой отряд. Поэтому мы продолжали уходить. Бегущему войску, будь его и много, нельзя тягаться даже с немногочисленными преследователями. Ведь говорят: «Разбитому войску приличествует крик «хай»¹ !

Хан-Кули сказал: «Так не годится! Они заберут нас всех! Выберите двух хороших коней и скачите быстрее вдвоем с Мирза-Кули-Кукельгашем. Может быть, сможете уйти». Он говорил разумно: раз боя не вышло, то таким образом можно было бы спастись,— но согнать кого-нибудь сейчас с коня и оставить среди врагов было бы неблагоприятно.

В конце концов враги, один за другим, все отстали. Конь, на котором я ехал, был слаб. Хан-Кули, спешившись, отдал мне своего коня; я перескочил прямо со своей на его лошадь, а Хан-Кули сел на моего коня.

Между тем, Дуст-Насыра и Абд-аль-Куддуса, сына Сиди-Кара, которые остались сзади, сбили с коней. Хан-Кули тоже отстал; защищать его и оказывать ему помощь было не время.

Мы ехали дальше, куда везли сами кони. Чей конь не шел, тот отставал. Лошадь Дуст-бека, обессилев, отстала. Конь, что

---

¹ *Хай* – крик отчаяния.

был подо мной, также начал слабеть. Камбар-Али спешился, отдал мне своего коня и, пересев на моего, отстал.

Ходжа-Хусейни был хромым. Отстав, он потащился к холмам: Остались я и Мирза-Кули-Кукельташ; кони уже не могли скакать, и мы трусили рысцой. Конь Мирза-Кули начал заметно слабеть. Я сказал: «Если брошу тебя, куда пойду? Едем! Живые или мертвые – будем вместе». Я ехал и несколько раз оглядывался на Мирза-Кули; наконец, он сказал: «Мой конь притомился, он не может итти. Не беспокойтесь, глядя на меня; поезжайте, может быть, вам удастся уйти».

Я оказался в трудном положении: Мирза-Кули тоже отстал, я остался один. В это время показалось двое врагов: одного звали Баба-Сайрами, другого – Бенде-Али. Они подъехали ко мне ближе; моя лошадь выбилась из сил. На расстоянии около куруха была гора. По пути мне встретилась груда камней: Я подумал: «Конь утомился, до горы еще далеко. Куда пойду? В колчане у меня штук двадцать стрел. Сойду с коня и буду стрелять с этой груды камней, пока хватит стрел». Еще мне пришло в голову, что, может быть, удастся добраться до горы: когда достигну ее, то заткну за пояс пучок стрел и вскарабкаюсь на гору. Я очень полагался на крепость своих ног.

Задумав такой план, я поехал дальше; мой конь не мог больше скакать быстро; преследователи приблизились на полет стрелы. Жалея стрелы, я не выстрелил, а те, остерегаясь, не подходили ближе и шли за мной на прежнем расстоянии.

На закате солнца я подъехал к горе. Вдруг мои преследователи закричали: «А дальше куда вы поедете? Джахангир-мирзу схватили и привели, а Насыр-мирза тоже в руках врагов».

От этих слов меня охватило большое беспокойство: ведь если мы все попадем к Тенбелю в руки, то опасность очень велика. Я ничего не ответил и поехал к горе. Я проехал длинный путь, и они снова начали разговор, но на сей раз говорили мягче, чем раньше. Сойдя с коней, они попытались начать беседу. Не слу-

шая их слов, я ехал дальше и, достигнув ущелья, двинулся по нему вверх.

Я ехал до вечерней молитвы и, наконец, добрался до скалы величиною с дом. Я объехал эту скалу кругом; она была крутая, и конь не мог на нее взойти. А те спешились и заговорили со мной еще мягче, с почтением и уважением: «Ночь темная, пути нет, куда вы поедете?» – и начали клясться, говоря: «Султан-Ахмед-бек вознесет вас государем».

Я сказал: «Мое сердце не спокойно и итти к Ахмед-беку нельзя. Если же вы хотите во-время оказать мне услугу, то другого такого случая услужить не будет много лет. Выведите меня на дорогу, по которой я мог бы пойти к ханам, и я окажу вам больше милости, внимания и заботы, чем хочет ваше сердце. Если же вы этого не сделаете, то возвращайтесь по дороге, по которой пришли, и пусть то, что меня ждет, свершится. Это тоже хорошая услуга».

Они сказали: «Лучше бы мы не приходили сюда! Но раз уж мы пришли, как же мы можем бросить вас так и вернуться? Если вы не пойдете с нами, мы должны вам служить, куда бы вы ни пошли».

Я сказал: «Подтвердите правдивость ваших слов клятвой!» – и они подтвердили, поклявшись на коране. Я сейчас же успокоился и сказал: «Мне указывали близ этого ущелья дорогу в широкую долину. Ведите меня к этой дороге».

Хотя они дали клятву, но я не был вполне спокоен я велел им ехать впереди, а сам ехал сзади. Пройдя один-два куруха, мы дошли до какого-то сая. Я сказал: «Это не может быть дорогой к широкой долине». Они прикинулись удивленными и ответили: «Та дорога – далеко впереди». На самом деле это и была дорога к широкой долине; те люди, желая меня обмануть, скрыли правду.

Мы шли до полуночи и пришли к другой реке; на этот раз они сказали: «Мы не заметили – дорога к широкой долине осталась сзади».

«Что же теперь делать?» – спросил я, и они ответили: «Близко впереди дорога в Гаву. По этой дороге ходят в Фиркет».

Они повели меня к этой дороге. Мы продолжали путь до третьей стражи и пришли к карнанскому саю, который течет из Гавы. Баба-Сайрами сказал: «Вы по стойте здесь, а я пойду осмотрю дорогу в Гаву и приду».

Через некоторое время он вернулся и сказал: «К этой дороге подошли несколько человек в меховых шапках; там не пройти».

Услышав эти слова, я смеялся: утро близко, я – « посреди дороги, и цель далеко. Я сказал: «Отведите меня куда-нибудь, где можно укрыться днем, а когда наступит ночь, мы раздобудем каких-нибудь лошадей, перейдем реку Ходженда и той стороной пойдем к Ходженду». Они ответили: «Вон там холм, за которым можно укрыться».

Бенде-Али был даругой Карнана. Он сказал: «Нашим коням и нам самим не обойтись без пищи; я поеду в Карнан и привезу, что удастся».

Мы пошли оттуда назад и повернули к Карману. В одном курухе от Карнана мы остановились. Бенде-Али ушел и долго отсутствовал. Занялась заря, а его все нет. Мы очень волновались. Уже рассвело, когда он прискакал. Корма коням Бенде-Али не привез, привез три лепешки. Мы сунули подмышку каждый по лепешке, поспешно повернули назад, поднялись на холм, привязали коней у сухого русла, взошли с трех сторон на пригорок и стояли, неся караул.

Приближался полдень, когда Ахмед-Кушчи с четырьмя конными проехал из Гавы к Ахсы. Я подумал: «Позови-ка ты Ахмеда-Кушчи, надавай ему обещаний и посулов и возьми у него коней. Ведь наши кони целые сутки были в бою и даже корма для них не нашлось; они совсем зыбились из сил». К тому же сердце у меня не успокаивалось: я не мог довериться этим людям. Мы с моими спутниками сговорились так: враги, должно быть, проведут эту ночь в Кармане. Ночью осторожно

проберемся туда и уведем их коней, чтобы иметь возможность куда-нибудь уйти.

Был полдень, когда на горизонте замелькало что-то сверкающее, на коне. Мы совершенно не знали, что это такое. Это оказался Мухаммед-Бакир-бек. Он был с нами в Ахсы. Когда уходили из Ахсы, всех разбросало, кого куда. Мухаммед-Бакир, оказывается, попал в эти края и бродил здесь, скрываясь.

Бенде-Али и Баба-Сайрами сказали: «Кони двое суток не ели корма. Спустимся в долину и пустим коней на траву». Мы сели на коней, спустились в долину и пустили коней на траву.

Во время второй молитвы какой-то всадник, проезжая, поднялся на холм, где мы скрывались. Я узнал его: это был староста Гавы Кадыр-Берды. Я велел позвать его. Кадыр-Берды подъехал. Я поздоровался, спросил о делах, сказал милостивые и ласковые слова, надавал ему обещаний, улестил его и послал привезти веревку, багор топор и все, что нужно для переправы через реку, а также корма для коней, пищи для нас и лошадь, если удастся. Мы сговорились что к молитве перед сном он явится на это самое место.

Вечером, во время ночной молитвы, какой-то всадник проехал со стороны Карнана к Гавс. Мы спросили: «Кто ты?» – и он что-то ответил. Это, видимо, был тот самый Мухаммед-Бакир-бек; из того места, где мы его видели тогда в полдень, он переезжал в другое, чтобы спрятаться. Он так изменил свой голос, что я совершенно его не узнал, хотя он провел со мной несколько лет. Если бы мы его узнали и присоединили к нам, было бы хорошо.

Его появление вызвало большую тревогу. Теперь мы не могли ждать срока, о котором условились с Кадыр-Берды из Гавы.

Бенде-Али сказал: «В пригородах Карнана есть уединенные садики, ни один человек не заподозрит, что мы там. Поедем туда и пошлем к Кадыр-Берды человека – пусть приезжает к нам».

О таким намерением я сел на коня и приехал в пригороды Карнана. Стояла зима, было очень холодно. Мне принесли найденный старый меховой тулуп, я надел его. Потом достали чашку просяной каши. Я поел и удивительно ободрился.

Я спросил Бенде-Али: «Человека за Кадыр-Берды послали?» Он ответил: «Послал». На самом деле эти несчастные деревенские людишки, сговорившись, послали человека в Ахсы, к Тенбелю!

Войдя в какой-то каменный дом, развели огонь, и глаза мои ненадолго уснули. Эти людишки, лукавствуя, все говорили мне: «Пока не получим известий от Кадыр-Берды, трогаться отсюда нельзя. Это место находится посреди пригородов. На окраине есть пустые сады; если мы пойдем туда, никто о нас не догадается».

В полночь я сел на коня и отправился в сад на окраине. Баба-Сайрами смотрел со стены то туда, то сюда. Около полудня он спустился, пришел ко мне и сказал: «Юсуф-даруга едет». Я очень встревожился и сказал: «Проведай, знает ли он про меня». Баба-Сайрами вышел, поговорил с ним, вернулся и ответил. «Юсуф-даруга говорит: «У ворот Ахсы мне встретился один пеший и сказал: «Государь в Карнана, в таком-то месте». Ничего никому не говоря, я запер этого человека в одном месте, вместе с Вели казначеем, который попался мне в плен во время боя, а сам прискакал к вам. Беки не знают об этом деле».

Я спросил Баба-Сайрами: «Что ты об этом думаешь?» Он сказал: «Все они ваши нукеры. Что им делать? Надо итти. Они вознесут вас государем». Я ответил: «Какая у меня может быть уверенность после такого раздора и боя?». Так мы разговаривали, и вдруг Юсуф предстал передо мной, опустился на колени и сказал: «Что мне скрывать! Султан-Ахмед-бек ничего не знает, но Шейх-Баязид-бек, проведав о вас, послал меня сюда».

Когда Юсуф сказал это, я впал в ужасное состояние: в мире нет ничего хуже страха за жизнь. Я сказал: «Говори правду! Если мне угрожает смерть, я совершу омовение!».

Юсуф принялся клясться, отрицая это, но кто же поверит его клятвам? Я почувствовал в себе слабость, поднялся и пошел в уголок сада. Я подумал про себя: «Если человек проживет сто, тысячу лет, в конце концов нужно умереть».

Проживешь ли ты сто лет или один день.
Придется уйти из сих чертогов, озаряющих сердце.

Я обрек себя на смерть. В этом саду протекал ручей. Я совершил омовение, прочитал короткую молитву, потом опустил голову для немой молитвы. Тут сон смежил мне глаза, и вижу я, что Ходжа-Якуб, сын Ходжи-Яхьи и внук его святейшества ходжи Убейд-Аллаха приехал и остановился напротив меня на пегом коне с большой толпой всадников, тоже на пегих конях. Он обратился ко мне: «Не горюйте! Ходжа-Ахрар послал меня к Вам. Он сказал: «Мы просили для него у бога помощи и возвели его на престол царствования. Если ему где-нибудь выпадет трудное дело, пусть он помянет нас: мы явимся туда».

Теперь, в этот час, победа на вашей стороне. Поднимите же голову, пробудитесь!»

Я тотчас же проснулся, радостный, в ту минуту, когда Юсуф-даруга и его товарищи советовались между собой и говорили: «Нужно придумать какой-нибудь предлог и хитростью схватить и связать его».

Услышав эти слова, я сказал: «Так вы рассуждаете! А ну, посмотрим, кто из вас сможет подойти ко мне!»

Я еще говорю, когда за стеной сада послышался шум множества подъезжающих людей. Юсуф-даруга сказал: «Если бы мы взяли вас и пошли к Тенбелю, наши дела улучшились бы. Теперь же он послал еще много людей, чтобы схватить вас». Он был убежден, что этот шум – топот коней всадников, посланных Тенбелем.

Услышав его слова, я еще больше взволновался и не знал, что мне делать. В эту минуту всадники, не теряя времени на поиски

ворот, проломили в одном месте обветшавшую стену и въехали в сад. Я увидел Кутлук-Мухаммеда Барласа и Баба-и Паргари – моих преданных нукеров, и еще десять-пятнадцать или двадцать человек.

Приблизившись, они кинулись с коней, еще издали преклонили колени и бросились к моим ногам. Тут меня охватило такое ощущение, словно господь снова дал мне жизнь. Я сказал: «Схватите этого Юсуфа-даругу и его наемных людишек и свяжите их!»

Те ничтожные люди пустились бежать, но одного из них где-то схватили, связали и привели. Я спросил своих нукеров: «Откуда вы идете? Как вы узнали, что я здесь?» Кутлук-Мухаммед Барлас сказал: «Когда мы бежали из Ахсы и оторвались от вас, я пришел в Андижан. Ханы тоже еще раньше прибыли в Андижан. Я увидел сон, будто ходжа Убейд-Аллах сказал мне: «Бабур-падишах находится в деревне, называемой Карнан. Пройди туда, возьми его и приведи, так как ему принадлежит престол царства». Увидев такой сон, я обрадовался и доложил старшему хану и младшему хану. Я сказал им: «У меня есть несколько братьев и сыновей. Дайте мне еще несколько йигитов, я отправлюсь к Карнану и разведая».

Ханы ответили: «Нам тоже думается, что он, наверное, пошел по той дороге». Они назначили десять человек и сказали: «Поезжай в ту сторону, проверь как следует и разведай. Во всяком случае, вы, наверное, добудете сведения».

Когда мы разговаривали, Баба-и Паргари предложил: «Я тоже поеду, поищу!» Он сговорился с двумя своими братьями-йигитами, и мы сели на коней. Сегодня три дня, как мы в дороге. Слава аллаху, мы вас нашли!»

Рассказав все это, они добавили: «Идите! Садитесь на коня! Этого связанного тоже увезите; оставаться здесь нехорошо. Тенбель получил сведения, что вы пришли сюда. Идите и любым способом соединитесь с ханами».

Мы тотчас же сели на коней и поехали в сторону Андижана. Уже два дня я не ел никакой пищи. Была полуденная молитва, когда мои люди нашли и привели барана и, остановившись, изжарили кебаб. Я наелся этого кебаба досыта. Потом мы сели на коней и, быстро, в двое суток, пройдя пятидневный путь, вступили в Андижан. Я поклонился моему дяде, старшему хану, и моему дяде, младшему хану, и все рассказал им о минувших днях.

Я провел с ханами четыре месяца. Мои нукеры, которые разбредлись кто куда, съехались: их было больше трехсот человек. Я подумал: «Доколе мне скитаться и бродить по этой ферганской земле? Попытаю счастья в другом краю».

В месяце мухарреме я выступил из ферганской земли, направляясь в Хорасан.

СОБЫТИЯ ГОДА ДЕВЯТЬСОТ ДЕСЯТОГО¹

Я прибыл на летовку Илак, одну из летовок области Хисара, и остановился.

На этой стоянке, в начале двадцать третьего года моей жизни, я впервые приложил к лицу бритву. Больших и малых, которые с надеждой следовали за мной, было больше двух сотен и меньше трех сотен. В большинстве они были пешие с дубинами в руках, онучами на ногах и чапанами на плечах. Скучность дошла до того, что у нас было всего две палатки. Мой шатер ставили для моей родительницы, а для меня на стоянке строили шалаш, и я жил в шалаше. Хотя я намеревался итти в Хорасан, но все же надеялся на богатство этих земель и на нукеров Хусрау-шаха. Каждые несколько дней ко мне приходил кто-нибудь и говорил об этой стране и ее народе такие слова, которые возбуждали надежду.

В это время мулла Баба-и Пешагири, отправленный с посольством к Хусрау-шаху, вернулся. Он не привез от Хусрау-шаха никаких слов, могущих успокоить сердце, но привез сведения о народе и людях. Из Илака мы в два-три перехода достигли местности Ходжа-Хаммад, в окрестностях Хисара, и останови-

¹ О событиях девятьсот девятого года в подлиннике ничего не говорится.

лись. На этой стоянке от Хусрау-шаха с посольством пришел Мухибб-Али-Куручи. Хусрау-шах славился щедростью и великодушием; нам два раза случилось проходить через его владения, но он не проявил к нам доброты, которую проявлял к самым ничтожным людям. Так как я надеялся на этих людей и на страну, то задерживался на каждой стоянке. Ширим-Тагай, больше которого у нас в то время не было человека, не имел мужества итти в Хорасан и думал отделиться. Когда мы пришли, потерпев поражение у Сер-и Пуля, в Самарканд, он ускакал оттуда своих домочадцев и остался один защищать крепость. Очень трусливый был человек, несколько раз совершал он подобные поступки.

По приходе нашем в Кабадиан младший брат Тенбея, Бақы-Чаганиани, которому принадлежал Чаганиан, Шахр-и Сафа и Термез, прислал ко мне Хатыба-Карши, выражая доброжелательство и намерение присоединиться ко мне. Когда я перешел реку Аму у переправы Увадж, Хатыб-Карши явился и поступил ко мне в услужение. По просьбе Бақы мы пошли и встали напротив Термеза. Бақы переправил всех своих домочадцев, до одного, через Аму и присоединился к нам. Оттуда мы двинулись к Кахмерду и Бамиану (в то время эти места принадлежали сыну Бақы, Ахмед-Касиму, племяннику Хусрау-шаха), чтобы оставить своих домочадцев в крепости Аджер, в области Кахмерда, и затем, если представится какой-нибудь случай, действовать соответственно.

Когда мы пришли в Айбек, Яр-Али-Билаль, который раньше служил мне и хорошо рубился мечом, но во время неурядиц отделился от меня и находился при Хусрау-шахе, бежал ко мне от Хусрау-шаха с несколькими йигитами. Он передал от моголов Хусрау-шаха приятные слова. По приходе нашем в Дерс-и Зиндан к нам бежал Камбар-Али-бек (его называли также Саллах). Через два-три перехода мы пришли в Кахмерд и оставили домочадцев в крепости Аджер.

Пока мы были в Аджере, дочь Султан-Махмуда-мирзы от Хан-Заде-биким, которую уже раньше, при жизни мирзы, сватали за Джехангир-мирзу, была выдана за него замуж.

В то время Бақы-бек часто и многократно говорил: «Два государя в одной стране и два полководца в одной войне суть причина раздора и беспорядка и источник смут и расстройств. Ведь сказано:

Десять дервишей завернутся в один ковер,
Два государя не уместятся в одном климате¹.

Если божий человек ест пол-лепешки, то другую половину он отдаёт дервишам,
Если царь завоеует один климат, ему хочется завоевать также и другой климат.

Есть надежда, что не сегодня – завтра все нукеры и слуги Хусрау-шаха явятся сюда и согласятся на рабское служение государю. Среди них есть много смутьянов, вроде сыновей Айюба, и некоторых других, которые всегда были виновниками и возбудителями вражды и смут между нашими мирзами. В настоящее время следует по-доброму, по-хорошему отпустить Джехангир-мирзу в Хорасан, чтобы он завтра не стал причиной сожаления и раскаяния».

Мне не по нраву было, чтобы мои родичи питали ко мне неприязнь из-за моей неучтивости. Хотя у меня с Джехангир-мирзой из-за владений и нукеров раньше часто возникали неудовольствия и раздоры, но на этот раз он пришел со мной из родной страны и проявлял братские чувства и готовность служить; за это время он не сделал ничего такого, что было бы причиной неудовольствия. Поэтому, сколько ни повторял Бақы-бек свои настояния, я не согласился. В конце концов, как и го-

---

¹ Климат – одна из семи частей, на которые, по представлению мусульманских географов, делился обитаемый мир.

ворил Бақы-бек, смутьяны – Юсуф и Бахлуль, сыновья Айюба, убежали от меня к Джехангир-мирзе. Встав на путь зла и смут, они разлучили со мной мирзу и увели его в Хорасан.

В это время от Султан-Хусейна-мирзы пришли к Бади-аз-Заману, ко мне, к Хусрау-шаху и к Зу-н-Нуну длинные, пространные указы одинакового содержания. Эти указы до сих пор при мне. Содержание их таково: «Когда Султан-Ахмед-мирза, Султан-Махмуд-мирза и Улуг-бек-мирза и их братья, сговорившись, пошли на меня, я укрепился на берегу Мургаба. Мирзы, подойдя близко, ничего не могли сделать и отступили. Теперь, если Шейбани-хан пойдет на меня, я тоже укреплюсь на берегу Мургаба. Бади-аз-Заман-мирза пусть оставит в крепостях Балха, Шапургана и Андхуда крепких людей, а сам укрепляет Гарзуван, Даре-и Зенг и всю эту горную страну».

Султан-Хусейн-мирза имел сведения о том, что я тоже пришел в те места, и писал мне: «А ты укрепи Кахмерд, Аджер и всю горную местность. Хусрау-шах пусть оставит в крепостях Хисара и Кундуза верных людей и укрепляется со своим братом Вели в горах Бадахшана и Хутталана. Шейбани-хан ничего не сможет сделать и должен будет отступить».

Эти письма Султан-Хусейна-мирзы стали причиной отчаяния. Ведь в юрте Тимур-бека не было в то время государя больше Султан-Хусейна-мирзы и не было равного ему по возрасту, по пространству владений и количеству войск. Можно было ожидать, что гонцы и нарочные будут следовать друг за другом, усердно и поспешно, и привезут такие приказания: «На переправах у Термеза, Келифа и Керки постройте столько-то барж и приготовьте такое-то количество бревен для моста; соорудите хорошенько верхние переправы у Токуз Улума». Тогда бы сердца людей, которые столько лет страдали от смуты, ободрились и исполнились бы надежды. Но если такой великий государь, как Султан-Хусейн-мирза, восседающий на престоле Тимур-бека, не говоря о походе на врага, приказывает: «укрепляйтесь!» – какая останется у людей надежда?

Оставив в Аджере всех пришедших со мною голодных и тощих домочадцев, а также семьи и скот воинов Баки-Чаганиани и его сына Мухаммеда-Касима, мы выступили. От моголов Хусрау-шаха начали непрерывно приходиться люди, которые говорили: «Мы, могольское племя, что находились в Талькане и искали благосклонности государя, движемся к Ишкамышу и Фулулю. Пусть государь, приложив усилия, поспешит и приходит поскорей: большинство людей Хусрау-шаха готово явиться служить государю».

В это время пришли сведения, что Шейбани-хан взял Андижан и его войско идет на Хисар и Кундуз. Услышав весть об этом, Хусрау-шах, побоявшись оставаться в Кундузе, вывел своих людей и направился в Кабул. Едва лишь Хусрау-шах вышел из Кундуза, как некий Мулла-Мухаммед Туркестан, добрый, старинный, верный слуга Шейбани-хана, заперся там, чтобы сдаться Шейбани-хану.

Когда мы проходили через Шамту к Кызыл-Су, три-четыре тысячи семейных моголов, подчиненных Хусрау-шаху и находившихся в Хисаре и Кундузе, пришли с домочадцами и присоединились ко мне. Камбар-Али могол, упоминание о котором уже неоднократно встречалось, был великий пустослов; его повадки не нравились Баки-беку. В угоду Баки-беку я дал ему разрешение удалиться. Сын Камбара-Али Абд-аш Шакур с того времени стал слугой Джехангир-мирзы.

Хусрау-шах, услышав, что моголы присоединились к нам, очень ослаб духом. Не сумев найти никакого другого средства, он прислал ко мне послом своего зятя Якуба, сына Айюба, выразил доброе расположение и желание служить мне и добавил: «Я приду служить, если вы заключите условие». Баки-Чаганиани был старик, и как бы он ни был ко мне доброжелателен, все же держал сторону своего брата, поэтому он стоял за соглашение. Договорились таким образом, что жизнь Хусрау-шаха будет в безопасности и в отношении имущества, которое он для себя выберет, стеснений не будет.

Отпустив Якуба, мы двинулись вниз по Кызыл-су и остановились близ места слияния этой реки с рекой Андараба. На следующую день, в середине месяца раби первого, я переправился через реку Андараб, в окрестностях Души, и сел под развесистым чинаром. С другой стороны подошел Хусрау-шах в сопровождении множества нарядно и пышно одетых людей. Согласно обряду и правилам, он еще издали спешился и подошел ко мне. Здороваясь, Хусрау-шах преклонил колени три раза, отходя назад – тоже трижды; спрашивая о здоровье и поднося подарки, он встал на колени один раз перед Джехангир-мирзой, другой раз перед Мирза-ханом.

Таким образом старый толстый человек, который несколько лет вел себя, как хотел, и из отличий царской власти только хутбы¹ не читал от своего имени, двадцать пять-двадцать шесть раз подряд преклонил колени и ходил туда и назад. Устав, он едва не упал с ног. Высокомерие нескольких лет бекства и султанства совершенно слетело у него с носа.

После приветствия и поднесения подарков я приказал Хусрау-шаху сесть. Он просидел один или два гири², разговаривая о том, о сем. При трусости и неблагодарности, Хусрау-шах был еще пустой и бессмысленный болтун. В тот час, когда его верные и уважаемые нукеры, у него на глазах, отряд за отрядом приходили и отдавались под мою власть, когда дело дошло до того, что этот человечешко, державший себя как государь, явился в таком унижении, против воли, и раболепно со мною здоровался, он высказал два диковинных суждения. Первое: когда я утешал его по поводу ухода его нукеров, он сказал: «Эти нукеры уже четыре раза уходили от меня таким образом и опять приходили».

Еще одно: я спросил—когда должен явиться его брат Вели и в каком месте перейдет он через реку Аму. Хусрау-шах сказал:

---

¹ *Хутба*—проповедь, в которой обязательно упоминается имя правителя данной страны.

² *Гирь*—мера времени—около 15 минут.

«Если найдется переправа, то должен явиться скоро, но когда вода прибывает, места переправ меняются. Есть пословица: «Вода унесла эту переправу». Бог вложил ему в уста такие слова, когда счастье и нукеры уходили от него.

Один или два гири спустя я сел на коня и отправился в лагерь; он тоже уехал к месту стоянки. С этого дня большие и малые, знатные и худородные, беки и нукеры Хусрау-шаха начали, отряд за отрядом, переходить ко мне со своими семьями и имуществом.

На следующий день, к полуденной или второй молитве, при нем не осталось ни одного человека.

Дивен творец! Человек был повелителем двадцати или тридцати тысяч нукеров, и все земли, принадлежавшие Султан-Махмуду-мирзе, от Кахлуга (это место называют также Дербенд-и Аханин) до гор Хиндукуша были ему подвластны. Один из его сборщиков, по имени Хасан Барлас, старый человек, грубо гонял нас с места на место, от Илака до Уваджа, собирая налоги. И вот в какие-нибудь полтора дня, без боя, без борьбы бог сделал этого властителя столь униженным, бессильным и слабым перед таким бедным и беспомощным человеком как я, с моими двумя с половиной сотнями людей, что не осталось у него власти ни над нукерами, ни над имуществом, ни над жизнью.

В тот вечер, когда я возвратился, повидав Хусрау-шаха, ко мне пришел Мирза-хан и потребовал мести за кровь своих братьев. Многие поддерживали его. И действительно это соответствовало закону и обычаю. Но-так как с Хусрау-шахом был заключен договор, то пришлось дать приказ, чтобы он уезжал и увозил с собой все, что может увезти. Нагрузив три-четыре каравана мулов и верблюдов дорогими камнями, золотом, серебром и драгоценностями, он увез это с собой. Мы отправили с Хусрау-шахом Ширым Тагая, чтобы тот проводил его через Гури-и Дехане в Хорасан, а сам пошел в Кахмерд и привел моих домочадцев за нами следом в Кабул.

Снявшись с этой стоянки с целью направиться в Кабул, мы пришли в Ходжа-Зейд и остановились там. В этот день передовые врага под начальством Хамза-бия-мангыта совершили набег на окрестности Души. Сейид-Касим ишик-ага и Ахмед-Касим-Кухбур с несколькими йигитами были посланы туда. Они поехали, хорошо поколотили передовых, отрезали и привезли несколько голов.

На этой стоянке были поделены кольчуги, находившиеся в оружейнице Хусрау-шаха. Всего оказалось семьсот-восемьсот кольчуг, лат и конских доспехов. Это была только часть тех вещей, что осталось после Хусрау-шаха. Кроме того, нам досталось много фарфора; больше там не было ничего, что могло привлечь внимание.

Сделав четыре-пять переходов от Ходжа-Зейда, мы пришли в Гурбенд. Когда мы остановились в Уштур-Шахаре, то узнали, что Ширек-Аргун, полномостный бек Мукима, не зная о нас, собрал войско и стоит на берегах реки Баран. Его целью было воспрепятствовать всякому, кто бы пришел через Пенджхир, пройти к Абд-ар-Раззак-мирзе, который в то время бежал из Кабула и находился среди афганцев Турколани, в окрестностях Ламгана.

Узнав об этом, мы между двумя молитвами снялись с лагеря и, соединив вечер с ночью, на заре перешли перевал Жулиан. Я еще никогда не видел звезды Сухейль¹; когда мы поднялись на гору, низко, на южной стороне неба, виднелась яркая звезда. Я спросил: «Не Сухейль ли это?» – мне ответили: «Сухейль». Баки-Чаганиани прочитал такой стих:

Ты, Сухейль, куда доходит твой свет и где ты восходишь?

Когда падает на кого-нибудь твое око, это знак счастья.

Солнце поднялось на высоту копыя, когда мы пришли ко входу долины Седжде и остановились. Наши караульные йи-

¹ Сухейль – мусульманское название звезды Канопуса.

гиты, выехавшие вперед, и еще несколько йигитов встретились с Ширеком под Карабагом, в окрестностях Эгри-Яра, и тотчас же схватились врукопашную. Ведя легкий бой, пуская стрелы, они быстро двигались вперед. Они сбили с коней Ширека и еще семьдесят-восемьдесят или сто добрых йигитов и привели их. Я подарил Ширеку его кровь и он стал моим слугой.

Когда Хусрау-шах, не думая о своих людях, вышел, из Кундуза, направляясь в Кабул, подвластные ранее ему племена составляли пять-шесть отрядов. Бадахшанцы составляли один отряд. Сидим-Али-Дарбан, происходивший из племени Хезаре, перевалив через Пенджхир, на этой стоянке пришел со своим отрядом к нам и поступил в услужение. Другой отряд – люди Юсуф-и Айноба и Бахлуд-и Айноба тоже пришли на этой стоянке служить нам. Еще один отряд, из Хутталана, был под началом Вели, младшего брата Хусрау-шаха. Четвертый отряд составляли племена йиланчук, никудери, кашкаль и аймаки, обитавшие в области Кундуз; оба последние отряда пришли через Андераб и Сераб и намеревались перевалить через Пенджхир. Аймаки были в Серабе раньше; за ними пришел Вели. Аймаки сошли с коней, сразились с Вели и победили, сам он бежал к Шейбани-хану. Шейбани-хан приказал отрубить ему голову на самаркандском рынке. Находившиеся при нем нукеры и прислужники, ограбленные и обобранные, на той же стоянке вместе с аймаками пришли служить мне. Сейид Юсуф-бек Оглакчи тоже пришел с аймаками.

Снявшись с этой стоянки, мы стали лагерем на луговине Ак-Сарай, возле Карабага. Люди Хусрау-шаха – народ, привыкший насильничать и самовольничать. Они стали обижать жителей тех мест. Наконец, один из добрых нукеров Сидим-Али-Дарбана утащил у кого-то кувшин масла; я приказал привести его ко входу в мою палатку и бить палками. Под палками он испустил дух. После такой острастки люди совсем присмирели.

Находясь на этой стоянке, мы совещались: итти ли на Кабул сейчас же или не итти. Мнение Сейид-Юсуфа и других было таково: зима близко, сейчас следит итти в Ламган, а дальше будет видно.

Бакы-Чаганиани и еще кое-кто решили итти на Кабул; сговорившись на этом, мы вышли со стоянки и, придя в Аба-Куруги, остановились там. На этой стоянке моя родительница и родичи, оставшиеся в Кахмерде и подвергавшиеся большим опасностям, пришли и соединились с нами. Подробности этого таковы: я, как было упомянуто, послал Ширим Тагая с Хусрау-шахом, чтобы он проводил Хусрау-шаха до Хорасана, а сам пошел и привел моих родичей. Прибыв в Дехане, Ширим Тагай проявил слабость, и Хусрау-шах с Ширимом пошли в Кахмерд. Сын сестры Хусрау-шаха Ахмед-Касим был в Кахмерде. Хусрау-шах подговорил Ахмед-Касима, и они стали обижать моих родственников. Многочисленные моголы – нукеры Бакы-Чаганиани, находившиеся в Кахмерде с домочадцами, втайне сговорились с Ширим Тагаем и решили схватить Хусрау-шаха и Ахмед-Касима. Хусрау-шах и Ахмед-Касим бежали через ущелье Аджер в Хорасан. Причиной такой помощи со стороны моголов было желание отделиться от Хусрау-шаха и Ахмед-Касима. Мои родичи, избавившись от тревог, причиняемых Хусрау-шахом, с людьми, находившимися при них, вышли из Аджера. Когда они пришли в Кахмерд, племя асиканчи, состав, заняло дорогу и ограбило большинство моих домочадцев и людей, подвластных Бакы-беку. Малолетний сын Куль-Баязида Тизек попал там в плен. Он пришел в Кабул три или четыре года спустя.

Наши домочадцы, ограбленные и обобранные, пройдя той же дорогой, через Кимчак, что и мы, явились в Аба-Куруги и присоединились к нам.

Выступив оттуда и сделав один привал, мы посоветовались на луговине Чалак и решили начать осаду Кабула. Снявшись с

лагеря, я сам и бывшие со мной люди из центрального отряда остановились между садом Хайдара Таки и усыпальницей Куль-Баязида, букаула Джахангир-мирза с людьми правого крыла стал в моем большом Чарбаге; Насыр-мирза и люди левого крыла стали на луговине за могилой Кутлук-Кадама. Наши люди неоднократно ходили к Мукиму и вели с ним переговоры. Иногда Муким приводил оговорки, иногда говорил неопределенные слова. Это объяснялось тем, что когда мы захватили Ширека, Муким тотчас же послал гонцов к отцу и старшему брату. Надеюсь на их приход, Муким оттягивал ответ.

Однажды мы отдали приказ людям главного отряда, правого крыла и левого крыла облачиться в кольчуги, надеть на коней броню и подойти ближе к городу, чтобы показать свое оружие, устроить жителей. Джахангир-мирза со своими людьми двинулся прямо вперед, улицами и садами. Так как перед центральным отрядом была река, то я подошел, во главе центра, со стороны могилы Кутлук-Кадама и поднялся на пригорок перед холмом. Передовые врага начали собираться у моста Кутлук-Кадама (в то время моста еще не было), йигиты из озорства проскакали до самых Ворот Кожевников. Немногочисленные враги, не ожидая битвы, бежали в крепость. Многие жители Кабула вышли на высокую насыпь арка, чтобы посмотреть. Поднимая на бегу густую пыль, враги спустились вниз. На высоком холме между мостом и воротами, посреди дороги, жители Кабула выкопали много глубоких ям и прикрыли их хворостом. Султан-Кули Чанак и некоторые йигиты, теснясь, падали на всем скаку. На правом крыле два-три йигита раз или два рубились мечами с воинами, вышедшими из садов и улиц. Так как приказа о битве не было, то тем дело и кончилось.

Жители крепости очень растерялись. Муким, сделав беков посредниками, выразил желание придти ко мне для службы и сдать Кабул. При посредстве Бакы-бека Чаганиани он пришел и вступил в услужение. Мы же, обойдясь с ним милостиво и

ласково, устранили беспокойство и страх из его сердца. Было решено, что завтра Муким выйдет со всеми нукерами, слугами и вещами и сдаст крепость.

Люди, подвластные Хусрау-шаху, привыкли своевольничать и грабить. Поэтому я назначил Джахангир-мирзу и Насыр-мирзу, а также знатных беков и придворных проводить семейство Мукима из Кабула, а также самого Мукима и подвластных ему людей, с их вещами и имуществом. Мукиму мы назначили в удел Тибе.

Утром мирзы и беки, отправившись к воротам и увидев, что народ сильно волнуется, послали ко мне человека со словами: «Кроме вас, никто не сможет сдержать этих людей». Я поехал сам и приказал трех или четырех человек пристрелить, а одного или двух разрубить на куски. Шум утих. Муким со своими людьми, здоровый и невредимый, отправился и водворился в Тибе.

В конце месяца раби первого господь великий, своей милостью и великодушием, без боя и сражения, подчинил и отдал мне область Кабула и Газни.

Область Кабула принадлежит к четвертому климату; она находится посередине обитаемой земли. На восток от нее Ламганат и Пешавер; в этой горной области находятся Гезив и Гур. Теперь эти горы – обиталище и убежище племен хезаре и никудери.

К северу лежит область Кундуза и Андераба; горы Хиндукуша разделяют их. К югу находятся Фермуль, Негз, Ванну и Афганистан.

Область Кабула – небольшая область; она имеет продолговатую форму, вытянута с востока на запад. По краям и границам ее сплошь горы; крепость Кабула примыкает к горам. К западу от крепости горная гряда. Так как на вершине горы шах Кабула возвел постройку, то гору называют Шах-и Кабул. Эта гора начинается от ущелья Дурин и кончается у ущелья Дех-Якуб;

окружность ее составляет два шери. Склоны этой горы сплошь в садах. При моем дяде, Улуг-беке-мирзе, Веис-Атке, дядька мирзы, выкопал под горой арык; все сады у подножия горы орошаются этим арыком. В конце канала находится местность, называемая Гуль-кине. Это уединенный уголок. Великое творилось там беспутство! Иногда, в шутку, мы повторяли там, изменяя его, такой стих Ходжи-Хафиза:

Хорошее было время, когда мы несколько дней, без головы
и без ног,

Жили в Гуль-кине, среди распутных!

К югу от крепости и к востоку от Шах-и Кабула находится большое озеро; окружность его – около одного шери. Из горы Шах-и Кабул в сторону Кабула выходят три небольших ручья; два из них находятся в окрестностях Гуль-кине. Возле одного из ручьев – мазар¹ Хаджи-Шаму, возле другого – мазар Ходжи-Хирза. Жители Кабула гуляют в этих двух местах. Третий ручей протекает напротив мазара Ходжи-Абд-ас Самада; его называют Ходжа-и Раушанаи.

У горы Шах-и Кабул имеется выступ, который называют Укабейн. Кроме Укабейна есть еще один небольшой отрожек. Арк кабульской крепости стоит на этой горе, большая крепость находится к северу от арка. Арк стоит на удивительно высоком месте с хорошим воздухом. Он возвышается над тем озером и тремя луговинами, которые носят названия: Сиях-Сенг, Сунак-Курган и Чалак. Все они – у подножия арка. Эти луговины в пору зелени выглядят очень красиво. Летом в Кабуле не редок северный ветер; его называют «парван». К северу от арка есть дома с окнами, там тоже очень хороший воздух. Мулла Мухаммед-Талиб Муаммаи сочинил стих в похвалу Кабульскому арку с именем Бади-аз-Замана-мирзы:

¹ *Мазар* – могила мусульманского святого.

Пей вино в арке Кабула, – пускай чаши вкруг, одну за другой.
Ибо он – и гора, и река, и город, и степь.

Хиндустанец все, что вне Хиндустана, называет Хорасаном, как араб все не арабское называет аджам. Между Хиндустаном и Хорасаном на сухом пути стоят два торговых города: один – Кабул, другой – Кандахар. Караваны из Ферганы, Туркестана, Бухары, Балха, Хисара и Бадахшана приходят в Кабул; караваны из Хорасана приходят в Кандахар. Кабульская область – посередине, между Хиндустаном и Хорасаном; это очень хороший торговый рынок. Торговцы в Хытае или Руме наторговали бы столько же. Каждый год в Кабул пригоняют семь, восемь или десять тысяч коней; из нижнего Хиндустана приводят стада в десять, пятнадцать или двадцать тысяч быков. Из Хиндустана доставляют миткаль, белые ткани, леденец, сахарный тростник и лекарственные растения. Есть много торговцев, которые не довольствуются прибылью в тридцать на десять или сорок на десять.

В Кабуле можно найти товары из Хорасана, Ирака, Рума и Чина; это торговая гавань Хиндустана.

Жаркая и холодная полосы области Кабула близки друг от друга. Из Кабула в один день можно пройти в такое место, где никогда не идет снег; за два звездных часа дойдешь до такого места, где снег никогда не уменьшается, хотя иногда приходит такое лето, что и снега не остается. В местах, прилегающих к Кабулу, много плодов из жаркой и холодной полосы. В Кабуле и ближних селениях из плодов холодной полосы много винограда, гранатов, урюка, яблок, айвы, груш, персиков, слив, грудной ягоды, миндаля, орехов. Я приказал привезти туда и посадить вишневые саженцы; выросла хорошая вишня; деревья до сих пор разрастаются.

Плоды жаркой полосы: апельсины, померанцы, амлук¹ и сахарный тростник; их привозят из Ламгана. Я приказал в Кабуле посеять сахарный тростник. Кедровые орехи привозят из Ниджрау. С гор, окружающих Кабул, поступает много меду; там есть пасеки. С гор, окружающих Газни, меда не привозят. Кабульский ремень хорош, айва и сливы – тоже прекрасные, бадренг² – отличный.

Есть там сорт винограда, называется «аб-и ангур». Очень хороший виноград; из него делают крепкие вина. Своей крепостью славится вино со склонов горы Ходжа-Хавенд-Саид, впрочем, теперь его хвалят из подражания другим.

Сладость вина знает только пьяный;
Какая радость от него трезвым?

Хлеба в Кабуле нехороши, но если семена хорасанские, то, в общем, всходят недурно. Воздух там очень приятный; такого хорошего воздуха, как в Кабуле, насколько известно, нет больше нигде в мире. Летом по ночам нельзя ложиться без шубы; зимою, хотя снег и падает очень обильно, но чрезмерных холодов не бывает. Самарканд и Тебриз тоже славятся хорошим воздухом, но там бывает слишком холодно.

В окрестностях Кабула есть четыре хороших луговины. С северо-восточной стороны лежит луговина Сунак-Курган, от Кабула в двух курухах. Хорошая это луговина. Трава ее полезна коням, мошкары там немного.

На северо-западе, в одном курухе от Кабула, луговина Челак. Это широкая луговина, там летом комары беспокоят коней.

На западе – луговина Дурин и другая луговина – Куш-Надер; каждая из них отстоит от Кабула на один шер; это небольшие

¹ Амлук – род ягод, похожих на вишню.

² Бадренг – плод, похожий на дыню.

луговины, трава их очень полезна коню. Комаров там нет. Среди кабульских луговин нет таких хороших, как эти луговины.

На востоке есть еще луговина Сиях-Сенг. Между Воротами Кожевников и этой луговиной находится могила Кутлук-Кадама. Так как летом там много комаров, то эту луговину редко огораживают. К луговине Сиях-Сенг прилегает еще луговина Султ-Камари; таким образом, вокруг Кабула шесть луговин, но четыре из них особенно известны.

Область Кабула – недоступная область; врагу или чужаку проникнуть в нее трудно. Между Балхом, Кундузом и Бадахшаном с одной стороны и Кабулом с другой лежат горы Хиндукуш; с этих гор ведут семь дорог. Три дороги проходят через Пенджхир; выше всех лежит перевал Хавак; ниже – Туль, еще ниже – Базарак. Из этих трех перевалов самый удобный – Туль, но дорога через него немного длиннее.

Самый прямой путь – через Базарак; дорога через Туль и Базарак спускается в Сераб. Жители Сераба называют перевал Базарак – Паренди, так как этот перевал ведет в деревню Паренди. Есть еще дорога через Парван. Между большим перевалом и Парваном имеется еще семь перевалов; их называют Хафт-баче. Со стороны Андараба идут две дороги; они сходятся у большого перевала и через Хафт-баче ведут в Парван. Это очень трудная дорога. Есть еще три дороги у Гур-бенда; ближайший путь к Парванской дороге – через перевал Янги-Юль; он ведет в Валиян и Хинджан. Другой путь – через перевал Кипчак; он ведет к месту слияния рек Кызыл-Су и Андераб. Эта дорога – тоже хорошая.

Еще одна дорога – через перевал Шиберту. Летом, если вода поднялась, тех, пройдя перевал Шиберту, идут через Бамян и Сайган; зимой идут через Абдере. Зимой на четыре-пять месяцев дороги закрыты, кроме дороги через Шиберту; пройдя этот перевал, идут через Абдере. Летом, когда вода прибывает, на

этих дорогах положение такое же, как зимой, ибо дороги через реку вследствие высокой воды непроходимы; переход не вброд, а горами очень труден. Три или четыре месяца, когда снегу мало и вода стоит низко,— можно пройти по этим дорогам. Из ущелий и гор выходят немало разбойников-нечестивцев.

Дорога со стороны Хорасана идет через Кандахар. Эта дорога ровная и на ней нет перевалов.

Со стороны Хиндустана выходят четыре дороги. Одна дорога — через Ламган. На этой дороге в Хайберских горах есть небольшой перевал Другая дорога — через Бангаш, третья — через Нагз и еще одна — через Фермуль; на этих дорогах тоже есть небольшие перевалы. Путники, идущие по этим дорогам, переходят реку Синд у трех переправ. Те, которые перешли у переправы Нильаб, идут через Ламган. Зимой они переходят реку Синд и реку Кабула выше слияния реки Кабула с рекой Синд. Приходя с войском в Хиндустан, я чаще всего пользовался этими переправами; в тот раз, когда я пришел, разбил и взял в плен Султан-Ибрахима и завоевал Хиндустан, я переправился у Нильаба, на баржах. Кроме реки Синд, нигде нельзя переправиться без барж.

Перешедшие у переправы Динкут идут через Бангаш, те, что переправились у Тупаре, если они идут через Фермуль, попадают в Газни, а если пойдут степью, то придут в Кандахар.

В Кабульской области есть различные племена. В долинах и равнинах есть аймаки, тюрки и арабы; в городе и некоторых деревнях есть сарты. В других деревнях и областях живут пашшай, перачи, таджики, береки и афганцы. В горах Газни живут племена хезаре и никудери. Среди хезарейцев и никудерийцев некоторые говорят на могольском языке.

В горах на северо-востоке — страна кафиров; на юге — Афганистан.

В Кабульской области говорят на десяти или двенадцати язы-

ках: арабском, персидском, тюркском, могольском, индийском, афганском, пашшай, перачи, гебри, береки, ламгани. Ни в какой другой области, насколько известно, не живет так много различных племен, говорящих на разных языках.

В Кабульской области четырнадцать туманов. В Самарканде, Бухаре и вообще в тех краях небольшие области, подчиненные столице какой-нибудь большой области, называются туман; в Андижане, Кашгаре и между ними орчин, в Хиндустане — паргана. Хотя Баджур, Савад, Пешавер и Хашнагар раньше зависели от Кабула, но теперь некоторые из них разорены афганскими племенами, другие покорились афганцам и перестали быть отдельными областями.

На востоке лежит Ламган. Эта область состоит из пяти туманов и двух булуков. Самый большой из туманов Ламгана — Нангенхар (в некоторых летописях пишут Негархар.) Местопребывание его даруги—Адина-пур. От Кабула до него тринадцать йигачей пути, к востоку. Между Кабулом и Нангенхаром очень трудная и плохая дорога. В трех или четырех местах есть небольшие перевалы, в двух или трех местах — узкие ущелья. Хирильчи и другие афганские разбойники грабят на этой дороге.

В этих местах не было поселений. Я приказал населить Карату в конце Курук-Сая, и дорога стала безопасной.

Жаркую полосу Афганистана от холодной полосы отделяют перевал Бадам-Чешме. На кабульской стороне этого перевала выпадает снег, на курук-сайской и ламганской стороне снега не бывает. Миновав этот перевал, человек видит другой мир — иные деревья, иные травы, иных животных, иные нравы и обычаи жителей.

В Нангенхаре девять рек; рис и пшеница там хороши, апельсинов, лимонов и гранатов много и они тоже хороши. Перед крепостью Адинапур, в южной стороне, на возвышенности, я разбил в девятьсот четырнадцатом году большой сад, назван-

ный Баг-и Вафа. Он возвышается над рекой, эта река – между садом и крепостью. Апельсинов, лимонов и гранатов там много. Когда я разбил Бихархана и завоевал Лахор и Дибальпур, то привез в этот сад зеленые бананы и посадил их. В предшествующем году там посеяли сахарный тростник; хороший получился тростник. Его посылали в Бадахшан и Бухару.

Сад расположен высоко, проточная вода всегда есть; климат зимой умеренный. Посреди сада есть маленький пригорок. Ручей, достаточный для одной мельницы, постоянно течет из сада, с холма в этом саду. Посреди сада, на холме, разбиты четыре клумбы.

В юго-западной стороне сада – водоем площадью десять на десять гезов¹. Вокруг него сплошь апельсиновые деревья; также есть там гранатовые деревья. Вокруг водоема все покрыто трилистником; это лучшее место в саду. В то время, когда желтеют апельсины, сад кажется особенно красивым.

Гора Кух-и Сефид² стоит на юге Нангенхара. Эта гора отделяет Нангенхар от Бангаша. Для всадника там пути нет; Девять рек стекают с этой горы. Снег на ней никогда не убывает; вероятно поэтому ее и называют Кух-и Сефид. Внизу, в долине, снег никогда не выпадает: расстояние между снежной и бесснежной полосой – в полдня пути.

У подножья этой горы есть места с хорошим воздухом. Вода там холодная, в снеге надобности нет. К югу от крепости Адинапур протекает река Сурхруд; крепость стоит на возвышенности. Это гора с отвесными склонами высотой в сорок-пятьдесят кари. К северу выступает отрог этой горы.

Адинапур очень хорошо укреплен. Та гора стоит между Нангенхаром и Ламганом; всякий раз, как в Кабуле идет снег, жители Ламгана узнают об этом, так как на макушку этой горы тоже падает снег.

---

¹ Гез – около аршина.

² *Кух-и Сефид* – Белая гора.

Если идти через Ниджрау, то переходят реку Бедрау у Каранг-Керика и идут к перевалу Бадидж. Хотя Нангенхар – один туман из пяти туманов в Ламгане, но ламганскими называют только три тумана. Один из этих трех туманов – Алишенг; на севере его лежат высокие, неприступные снеговые горы, примыкающие к горам Хиндукуша. Эти горы сплошь населены неверными. Ближайшая к Алишенгу земля неверных – Миль. Река Алишенга выходит из Миля. Могила отца святейшего пророка Нуха, святого Лама, находится в тумане Алишенг. В некоторых летописях святого Лама называют также Ламек и Ламекаи. Часто приходилось замечать, что жители этой страны в некоторых случаях вместо «кафа», произносят «гайн». Вероятно, по этой причине область и называют Ламган.

Еще один туман – Алингар. Ближайшая к Алингару страна неверных – Гавар. Река Алингара вытекает из Гавара. Обе реки, пройдя Алишенг и Алингар, сливаются и впадают в реку Баран ниже третьего тумана – Мандавар.

Один из двух упомянутых булуков – Дер-и Нур. Это замечательная местность. У входа в долину – крепость на выступе горы, с двух сторон которой – река. У подножья горы много риса; без дороги там не пройти; апельсины, лимоны и другие плоды жаркой полосы там тоже есть, изредка попадаетея и финиковая пальма.

Берега реки, что с двух сторон крепости, сплошь покрыты деревьями; больше всего там деревьев амлук; плоды этих деревьев некоторые тюрки называют карамыш. В Дер-и Нуре их много; в других местах этих плодов не видано. Виноград там тоже бывает; он весь вьется по деревьям. В Ламгане знаменито вино из Дер-и Нура. Тамошнее вино бывает двух сортов: аре-таши и сухан-таши. Аре-таши – желтоватое; сухан-таши – красивого цвета, ярко-красное; однако аре-таши пьянее. Впрочем, крепость обоих не соответствует их славе.

В долинах есть обезьяны; ниже, в сторону Хиндустана, также попадаются обезьяны, но выше долин их нет. Жители этих мест раньше разводили свиней, но в наше время перестали.

Еще туман – Кунар-и Нургиль. Он лежит несколько в стороне от Ламгана, среди земель неверных, и является пограничной областью. Хотя по величине он равен ламганским туманам, но, вследствие такого положения, подать с него невелика. Река Чаган-Сарай, пройдя с северо-востока через Кафиристан, протекает по этой области, сливается с рекой Баран в булуке Кама и течет на восток. Нургиль лежит к западу от этой реки, Кунар – к востоку. Мир-Сейид-Али Хамадами, помилуй его аллах, странствуя по этим местам, перешел в иной мир в одном шери выше Кунара. Ученики перенесли его прах оттуда в Хутталан. На месте, где он умер, теперь стоит мазар. В девятьсот двадцатом году, когда я пришел и взял Чаган-Сарай, я совершил обход вокруг этого мазара. Там много апельсинов, лимонов и фиников. Из Кафиристана привозят крепкие вина.

Жители этих мест рассказывают удивительную вещь, она кажется невозможной, но этот слух повторяется всеми. Нижняя часть тумана Нургиль называется Мильте-Канди; ниже лежащие области принадлежат к Дер-и Нуру и Атеру. Выше этого Мильте-Канди, во всей горной стране, то-есть, в Кунаре и Нургиле, в Баджуре, Саваде и в окрестных областях, распространен такой обычай: когда умирает женщина, ее кладут на носилки, берут носилки за четыре конца и поднимают их. Если умершая не делала дурных дел, она заставляет держащих носилки невольно покачнуться и толкает так, что даже если они, сделав усилие, удерживаются на ногах, то умершая падает с носилок. Если же она делала дурные дела, то не двигается. Я слышал это не только от жителей тех мест; люди, населяющие Баджур, Савад и всю ту горную область, тоже согласно рассказывали эту историю. Хайдар-Али-Баджури, который был султаном

Баджура, очень хорошо управлял этой областью. Когда умерла его мать, он, не плача, не принимая соблезнований и не намазывая черного тюрбана, сказал: «Идите, положите ее на носилки; если она не будет двигаться, я должен ее сжечь». Умершую положили на носилки и она сделала обычные движения. Услышав об этом, ее сын тотчас же намотал черный тюрбан и совершил обряд оплакивания.

Еще один булук – Чаган-Сарай. Это небольшая местность, там всего одно селение. Чаган-Сарай – дверь в Кафиристан. Жители его, вследствие общения с неверными, хоть и мусульмане, но исполняют языческие обычаи. Большая река, называемая водой Чаган-Сарая, приходит с северо-востока от Чаган-Сарая, из-за Баджура. С запада, из земли неверных, называемой Пич, протекает еще одна река поменьше, которая вливается в Чаган-Сарай. В Чаган-Сарае есть желтоватое крепкое вино, оно не выдерживает никакого сравнения с вином из Нурдере. В самом Чаган-Сарае нет винограда и садов; виноград привозят из земель неверных, что выше по реке, и из земли Пич. Когда я брал Чаган-Сарай, нечестивцы из Пича пришли на помощь этим людям. Вино там в таком ходу, что у каждого нечестивца висел на шее бурдюк с вином. Они пили вино вместо воды.

Хотя Кама не отдельная местность и принадлежит к Нангенхару, но эту местность тоже называют булуком.

Еще один туман – Ниджрау. Он находится в горах, северо-восточнее Кабула. Горы, что позади, сплошь населены кафирами. Это глухая, уединенная местность. Винограда и плодов там много, вина тоже немало, но только его кипятят. Зимой там разводят много кур. Жители Ниджрау – винопийцы, безмолитвенники, не знают страха и подобны язычникам. У них в горах много сосны, кедра, дуба и мастикового дерева. Сосна, кедр и дуб растут и ниже; выше Ниджрау их совершенно нет, это деревья хиндустанские.

У жителей этой горной страны все светильники из кедрового дерева; оно горит, как свеча. Это весьма удивительно.

В горах Ниджрау водится летающая лисица. Летающая лисица – животное больше белки; между передними и между задними ногами у нее перепонка, вроде крыла летучей мыши; их постоянно приносили ко мне. Говорят, они слетают вниз, с дерева на дерево, на расстояние полета стрелы. Я сам видал, как они летают; мы посадили одну лисицу под дерево, и она быстро вскарабкалась вверх; когда ее согнали, она расправила крылья и, как бы летя, без вреда спустилась вниз.

В этих краях есть также птица луче; эту птицу называют также букаламун. От головы до хвоста она пяти-шести разных цветов. Она сверкает, как шея у голубя, а величиной будет с горную куропатку. Повидимому, это хиндустанская куропатка.

Жители этой страны рассказывали удивительную вещь: когда приходит зима, эти птицы спускаются к подножью гор. Если в полете они встречаются виноградник, то совершенно не могут лететь дальше, и их ловят. В Ниджрау есть еще мышь, которую называют мускусной мышью. От нее идет запах мускуса; я ее не видал.

Еще один туман – Пенджхир. Он лежит на дороге очень близко от земли неверных. Разбойники-кафиры проходят через Пенджхир. Вследствие близости к Пенджхиру они даже берут с него налог. Когда я в последний раз пришел и завоевал Хиндустан, язычники явились, убили в Пенджхире много людей и произвели большие опустошения.

Еще один туман – Гурбенд. В тех землях горный перевал называют бенд. В сторону Гура идут через перевал; вероятно, по этой причине и говорят «Гур-бенд».

Верховья долин заняли хезарейцы. Есть там несколько деревень; это место малоходное. Говорят, что в горах Гурбенда есть серебряные рудники и залежи ляпислазури.

На склонах горы есть деревни: повыше – Мите, Каче и Перван; внизу – двенадцать или тринадцать деревень. Эти деревни

богаты плодовыми деревьями, вина там, крепче всех других.

Так как все эти деревни расположены на склонах гор, то хотя их жители и вносят налоги, но в податные списки их не включают.

Ниже этих деревень, между торами и рекой Баран, лежат две полосы ровной степи. Одну называют Куре-и Тазиян, другую – Дешт-и Шейх. Весной трава чекин- тала растет там очень красиво. Весною приходят туда аймаки и тюрки; а склонах горы в это время года много разноцветных тюльпанов всякого сорта. Как-то раз я велел их сосчитать; оказалось тридцать два или тридцать три вида необыкновенных тюльпанов. Там есть один сорт тюльпана, от которого идет легкий запах красной розы; мы называли его «тюльпан с запахом розы». Он растет на одном участке, в Дешт-и Шейхе, в других местах его нет. На склонах этих гор, ниже Первана, попадается тюльпан-столистник. Он тоже растет только на одном участке, при выходе из ущелья Гурбенд.

Между этими двумя равнинами стоит небольшая гора. О вершины до подножья этой горы тянется гряда песку; Ходжа Риг-и Раван называется. Говорят, что весной с этих песков доносятся звуки литавр и барабана.

Есть и другие деревни, приписанные к Кабулу. Юго-западнее Кабула стоит большая снеговая гора; снега на ней хватает до новой зимы; редкий год снег не долежит до снега. Когда в кабульских ледниках кончается лед, то привозят снег с этой горы, готовят ледяную воду и пьют. От Кабула до этой горы три шери. Гора Бамиана и эта гора – неприступны. Хирманд, Синд, Дугабе в Кундузе и Балхаб текут с этой горы. Говорят, что в один день можно напиться из этих четырех рек. Большинство деревень находится на склонах горы. В садах много винограда и всякого рода плодов. Среди этих деревень нет ни одной такой замечательной, как Исталиф и Истергач. Улуг-бек-мирза, говорят, называл эти последние деревни Хорасаном и Самаркандом.

Пагман – тоже в числе этих селений. Хотя его виноград и плоды не так хороши, но воздух – вне всякого сравнения. Горы Пагмана – снеговые горы. Неизвестно, во многих ли местах есть селения, подобные Исталифу. Через селение Пагман протекает большая река; по обеим сторонам реки – сады и небольшие зеленые, приятные садики. Вода в ней холодная, – в ледниках нет нужды, – и большей частью чистая. В этом селеении был сад под названием Баг-и-калан, силой захваченный Улуг-беком-мирзой. Я уплатил владельцам его стоимость и приобрел его. Перед садом есть большие чинары; под чинарами – зеленое приятное, тенистое место. Посреди сада постоянно течет ручей, достаточный для одной мельницы; на берегах этого арыка растут чинары и другие деревья. Раньше этот арык тек извилисто, криво и неровно. Я приказал его выпрямить; очень хорошее получилось место.

Ниже этих селений, на курух или полтора выше степи, на склонах горы есть источник: Ходжа-Се-Яран называется. Над этим источником и вокруг него растут деревья трех пород. Над источником высятся густые чинары, дающие приятную тень. По обоим берегам источника, у подножья горы, на холмах, растут высокие дубы; кроме этих двух участков, на горах к западу от Кабула совсем нет дубов. Перед источником, на краю степи, тянутся большие рощи аргувана, единственные в Кабульской области. Говорят, что эти три породы дерева – чудо трех святых; причину названия Се-Яран¹ видят в этом. Я приказал выложить этот источник камнем и облицовать его берега алебастром и цементом на площади десять на десять гезов. С четырех сторон над источником получилась ровная правильная площадка, выходящая на рощу аргувана; когда цветы аргувана распускаются, то неизвестно, есть ли другое такое красивое место в мире; много там желтого аргувана; он распускается на склонах гор вместе с красным.

---

¹ Се-Яран – три друга.

К юго-западу от источника из долины течет ручей, в котором воды вдвое меньше, чем нужно на одну мельницу. Я велел выкопать арык и направил его на холм к юго-западу от источника Се-Яран. На этом холме я устроил большую круглую суфу¹; вокруг суфы со всех сторон посадили тальник; очень приятное получилось место. Выше суфы, возле холма, я велел посадить виноградник.

Есть еще туман Лахугер; самое большое селение его – Чарх. Святой мулла Якуб – из этого Чарха. Мулла Задэ-и мулла Осман – тоже уроженец Чарха.

Другое из селений Лохугера – Сиджавенд. Ходжа Ахмед и Ходжа Юнус – из этого Сиджавенда. Садов в Чархе много; в других селениях Лохугера садов нет.

Жителей Лохугера называют ауган-шаль; это название употребляется и в Кабуле. Вероятно, правильное название ауган-шиар, а говорят ауган-шаль.

Еще одна область – Газни; некоторые называют ее также туманом. Газни была столицей Сабуктегина Султан-Махмуда и его потомков. Некоторые пишут также Газнин. Этот город был также столицей Шихаб-ад-дина Гури. Судана Шихаб-ад-дина в «Табакат-и Насыри²» и в некоторых историях Индии называют Муизз-ад-дином.

Газни находится в третьем климате. Эту область называют также Забуль, а всю местность – Забулистан. Некоторые считают и Кандахар входящим в Забулистан. От Кабула на запад до Газни четырнадцать йигачей пути. Если по этой дороге тронуться из Газни рано утром, то между второй и послеполуденной молитвой придешь в Кабул. Из Адинапура, который находится в тринадцати йигачах пути, из-за дурной дороги никогда не дойдешь за один день.

---

¹ Суфа – помост.

² "Табакат-и Насыри" – название известного исторического сочинения.

Газни – незначительная область; в ее реке хватит воды на четыре-пять мельниц. Город Газни и четыре-пять селений орошаются этой рекой; еще четыре-пять селений орошаются кяризами¹. Виноград в Газни лучше кабульского; дыни там тоже вкуснее, чем в Кабуле. Яблоки в Газни также хорошие; их вывозят в Хиндустан.

Сеять там очень трудно; все пространство, которое засевают, каждый год приходится заново покрывать землей; однако урожай от посева в Газни больше, чем в Кабуле. Там сеют марену, ее развозят по всему Хиндустану. Марена – лучшее из того, что производит жители Газни.

Кочевое население Газни – хезарейцы и афганцы. Сравнительно с Кабулом в Газни всегда дешевизна. Жители этой области – ханефиты по исповеданию, люди чистой веры и хорошие мусульмане; людей, которые постятся три месяца, там много. Жены и вообще женщины у них тщательно скрываются и охраняются.

Мулла Абд-ар-Рахман – один из великих людей Газни. Это был ученый человек. Он постоянно преподавал науки, был благочестив, богобоязнен и воздержан в жизни. Мулла Абд-ар-Рахман ушел из мира в год смерти Насыр-мирзы.

Могила Султан-Махмуда находится в пригороде Газни; поэтому его называют Рауза. Лучший газнинский виноград – из Рауза². Могилы сыновей Султан-Махмуда – Султан-Мас'уда и Султан-Ибрахима – тоже в Газни. Благословенных мазаров в Газни множество. В тот год, когда я взял Кабул и Газни, разграбил Кохат, Банну, Дешт и Афганистан, убил много народа и, пройдя через Дуки, по берегу Аб-и Истаде, пришел в город Газни, мне сказали, что в одном из селений Газни есть мазар, в котором могильный камень качается, едва лишь скажут благо-

---

¹ *Кяриз* – подземный колодец.

² *Рауза* – гробница.

словение пророку. Мы пошли туда и посмотрели: колебание камня было заметно. Позднее стало известно, что это хитрость муджавиров¹. Они приладили над могилой помост; всякий раз, как становились на помост, он качался, и казалось, что качается камень. Так людям, которые раньше не садились в лодку, кажется, что качается берег. Я велел муджавирам стоять далеко от помоста. Сколько ни говорили благословений, движения камня замечено не было. Я приказал сломать помост и сделать над могилой купол; муджавирам, с угрозой, были запрещены такие поступки.

Газни весьма незначительная область. Я всегда удивлялся, почему государи, которым были подвластны Хиндустан и Хорасан, владея такими богатыми землями, сделали столицей столь ничтожное место. Во времена Султан-Махмуда там было три-четыре плотины. На реке Газни, повыше, в трех йигачах к северу от города, он построил большую плотину. Высота этой плотины сорок или пятьдесят кари, длина около трехсот кари. Воду там накапливают и, по мере надобности, пускают на посеvy. Когда этой областью завладел Ала-ад-дин Джехансуз Гури, он сломал плотину, сжег множество могил потомков султана, разрушил и сжег город Газни, а жителей ограбил и перебил. С тех пор эта плотина разрушена. В год завоевания Хиндустана мы послали через Ходжу-и Калана деньги на постройку этой плотины. Надеюсь на милость божью, что плотина будет в порядке.

Еще одна плотина – Сахен, в двух-трех йигачах к востоку от Газни. Она тоже давно разрушена и даже нет возможности привести ее в порядок.

Третья плотина – Сарде; эта плотина благоустроена.

В книгах пишут, что в Газни есть один источник, и если в этот источник бросят грязь и нечистоты, сейчас же будет буря,

---

¹ *Муджавир* – дервиш, живущий по соседству с мазаром.

потоп, дождь и метель. В другой летописи я читал, что, когда рай¹ Хинда осаждал Сабуктегина в Газни, Сабуктегин приказал бросить в этот источник грязь и нечистоты, и началась буря, потоп, дождь и метель; этим он отразил врага. Сколько я ни попытывался в Газни, никто не указал мне этого источника.

В наших странах Газни и Хорезм знамениты холодом, как знамениты этим Султания и Тебриз в обоих Ираках и в Азербайджане.

Еще один туман – Зурмет. От Кабула он расположен к югу, от Газни – к юго-востоку. От Кабула до Зурмета двенадцать-тринадцать йигачей пути, от Газни – семь-восемь йигачей. В Зурмете восемь селений; местопребывание даруги – Гардиз. Внутри крепости Гардиза большинство домов – в три или четыре яруса. Гардиз недурно укреплен; восстав против Насырмирзы, Гардиз доставил мирзе много хлопот.

Жители Зурмета – ауган-шали. Они занимаются земледелием; деревьев, садов и огородов у них нет.

К югу от этого тумана есть гора, называемая Баркистанской горой. На склоне этой горы, на возвышенном месте, есть источник; в этом месте находится могила шейха Мухаммеда-Мусульмана.

Еще есть туман Фермуль. Это незначительное место. Яблоки там недурные, их вывозят в Мультиан и Хиндустан. Потомки Шейха Мухаммеда-Мусульмана, пользовавшиеся почетом в Хиндустане во времена афганцев, происходят из Фермуля.

Другой туман – Бангаш. Вокруг него живут разбойники-афганцы: хугиани, хирильчи, тури и лендер. Они живут в стороне и потому не платят податей добровольно. Мне досталось свершить такие большие дела, как завоевание Кандахара, Балха, Бадахшана, Хиндустана; по этим причинам для усмирения Бангаша времени не оказалось. Если будет на то воля бога, едва

---

¹ Рай – титул индийского правителя.

только найдется время, я займусь усмирением Бангаша и его разбойников.

Один из булуков Кабула – булук Ала-Сай. Он находится от Ниджрау в двух-трех шери. На восток, со стороны Ниджрау, дорога идет гладко и ровно; достигнув места, называемого Кура, попадаешь в Ала-Сай через небольшой перевал. В этом месте жаркую полосу от холодной отделяет перевал Кура. Этот самый перевал Кура – место перелета птиц ранней весной. Жители Пич-гана, зависящего от Ниджрау, ловят здесь много птиц. У перевала птицеловы устраивают укрытия из камня; они садятся в эти укрытия и укрепляют один конец сети в пяти-шести кари от укрытия. Одну сторону сети прижимают камнем к земле, другую сторону, до половины сети, то-есть на три-четыре кари, привязывают к палке. Один конец пажи в руке человека, сидящего в укрытии; через отверстия он высматривает птицу. Когда птицы приближаются, сеть тотчас же поднимают, и птицы сами влетают туда; таким способом ловят много птиц, и нехватает времени резать их по правилам веры.

В этой местности нет гранатов лучше, чем гранаты Ала-Сая; аласайские гранаты развозят по всему Хиндустану. Виноград там тоже неплохой; аласайское вино крепче, чем вино из Ниджрау, и красивей цветом.

Еще один булук – Бедрау; он рядом с Ала-Саем. В Бедрау нет плодов, земледельцы там – кафиры. Они сеют хлеб.

Как в Хорасане и Самарканде кочуют тюрки и аймаки, так в этой области – хезарейцы и афганцы. Самое большое племя хезарейцев – племя Султан-Мас'уди, афганцев – племя Мехменд-афгани.

Доходов Кабула – с земель, от тамги¹ и с кочевников собирают восемь лаков² шахрухи³.

---

¹ Тамга – пошлина.

² Лак – сто тысяч.

³ Шахрухи – золотая монета.

Горы в восточной стороне Кабульской области двух родов; горы на западе тоже двух родов. Андерабские, Хостские и Бадахшанские горы все покрыты арчей, изобилуют источниками и поднимаются полого. Трава на горах, на холмах и в долинах одного вида, хорошая. Больше всего там травы буте-ках, это очень полезная для коней трава. В андижанской области эту траву называют бутка-уты; причина такого наименования не была известна, но здесь я ее узнал: эту траву называют буте-ках, потому что она растет кустами¹.

Летовки Хисара, Хутталана, Самарканда, Ферганы и Моголистана все расположены так же, как в Кабульской области; хотя летовки Ферганы и Моголистана не идут ни в какое сравнение с кабульскими, но они одно-то рода. А горы Ниджрау, Ламгана, Баджура и Савада – это горы, изобилующие сосной, кедром, дубом, маслиной и мастиковым деревом; трава на них густая и высокая, но это бесполезная трава: она не годится для коней и овец.

Хотя эти горы по высоте не таковы, как бадахшанские, и представляются глазу незначительными, но это удивительно неприступные горы; кажется, что это пологие холмы, а между тем, каждая гора и холмик – очень круты и каменисты; там нигде не проедешь на коне.

На этих горах много хиндустанских птиц и хиндустанских животных: попугаев, шареков², павлинов, луже, обезьян, нильгау³, коротконожек; кроме упомянутых, там есть еще разные другие птицы и звери, о которых не слышали в Хиндустане.

Горы на западной стороне: Дер-и Зендана, Дер-и Суфа, Гарзувана и Гарчистана – однородны. Пастбища расположены больше в долинах; трава на горах и холмах не такая, как на северных горах, и таких огромных деревьев и арчи там тоже нет,

¹ Буте–куст.

² Шарек–вид скворца.

³ Нильгау–порода коз.

но зато трава полезна коням и овцам; поверхность этих гор вся удобна для езды на коне; все поля – на горах.

Здесь много кииков, русла потоков пролегают в неприступных ущельях; большинство этих ущелий – отвесные, и по ним нигде нельзя спуститься. Удивительное дело: если на всех других горах непроходимые места – на высотах, то на этих горах они в низинах; горы Гура, Гезива и Хазаре тоже такого рода. Пастбища лежат в долинах этих гор. Деревьев там тоже мало, а арчи нет: трава на пастбищах полезна коням и овцам, кииков – много.

В горах, упомянутых раньше, неприступные места лежат внизу; а в этих горах – наверху.

Горы Ходжа-Исмаил, Душт, Дуки и Афганистана – однородны; они низкие-низкие, травы там мало, воды недостаточно. Эти горы без деревьев, некрасивые, никуда негодные; горы там соответствуют людям; ведь говорится: «не будь сходства, не было бы и встречи». Немного есть на свете гор, так негодно устроенных.

Хотя в Кабуле зимой и падает глубокий снег, но там есть хорошие дрова и они близко; в один день можно сходить и принести. На дрова там, идет мастиковое дерево, дуб, миндальное дерево и кырканд; лучшее из них – мастиковое дерево: оно жарко горит и дым от него хорошо пахнет; уголья держатся долго; зеленое оно тоже горит.

Дубовые дрова – тоже хорошие; хотя они торят более тускло, но зато жарко; углей от них много. У дуба есть удивительное свойство: если поджечь зеленые дубовые ветки с листьями, они вспыхивают с громким треском и, треща, загораются сразу, сверху донизу; горящий дуб – очень красивое зрелище. Миндальное дерево более распространено; угли от него нестойкие. Кырканд – это низенький колючий кустарник; зеленый и сухой горит одинаково. У всех обитателей Газни на дрова идут эти деревья.

Кабульская область лежит в горах; горы там словно мосты, покрытые клевером. Среди них разбросаны населенные места. Кииков и другой дичи там мало. Когда осенью и весной красный киик направляется на зимние и летние пастбища, то он идет по определенной тропе. Йигиты с соколами и собаками стерегут эти дороги и ловят кииков.

В стороне малого Кабула и Сурхаба водится также кулан, а белого киика совсем нет. В Газни они встречаются. Мало где попадаются такие жирные киики, как в Газни.

Весной в Кабуле много мест для охоты на птиц. Большинство перелетных птиц совершает свой путь вдоль берегов реки Барана, так как на востоке – горы, на западной стороне – тоже горы, а прямо, напротив, там, где берега реки Барана, большой перевал через Хиндукуш; другого же перевала вообще нет. Если дует ветер или над перевалом Хиндукуша немного облачно – птицы не могут лететь и все садятся на берегах Барана. В ту пору жители ловят много птиц.

В конце зимы на берега Барана прилетает множество уток; они очень жирные. Позднее там бывает бесчисленное множество больших птиц – журавлей и цапель. По берегам Барана для журавлей ставят сети и ловят сетями много птиц; цаплю, каркара и пеликана во множестве ловят веревками. Ловля этих больших птиц – нечто необычное. Способ их ловли таков: вяжут тонкую веревку, длиной в полет стрелы; к одному концу веревки прикрепляют стрелу, к другому концу прилаживают кольцо, сделанное из палочек; потом берут еще палку, толщиной в кисть руки и длиной в один кариш¹, и наматывают веревку до конца на эту палку, начиная с той стороны, где стрела. Когда веревка вся намотана на палку, к свободному концу прикрепляют кольцо; затем палку толщиной в кисть руки вынимают из веревки, так что моток веревки остается пустым. Надев петлю

¹ *Карши* – мера длины, соответствующая пяди.

на руку, бросают стрелу навстречу летящей птице; стрела попадает птице в крыло или в шею, веревка обвивается вокруг нее, и птица падает. Все люди на Баране ловят таким способом много птиц, но такая ловля очень трудна. Для этого нужны дождливые, темные ночи; в такие ночи птицы из-за хищников и диких зверей, до рассвета не знают покоя и все время летают, причем летают низко; в темные ночи дорогой для птиц служит текущая вода: видно как она течет. От страха птицы до рассвета, летают взад и вперед над водой, то выше, то ниже; в это время и бросают веревку. Я раз ночью бросил веревку; веревка оборвалась, а птицу не нашли. К утру ее принесли на обрывке веревки. Таким способом на Баране ловят много цапель. Из перьев их, делают султаны на шапки. Это один из кабульских товаров, идущих в Ирак и Хорасан.

Существует целый отряд рабов-охотников, их две или три сотни. Один из потомков Тимур-бека привел их из-окрестностей Мультана. Их занятие – ловля птиц; они выкапывают пруды, ставят приманки, раскидывают посреди пруда сеть и ловят всевозможных птиц. Но не только эти охотники ловят птиц; все люди, живущие на берегах Барана, бросают веревку, раскидывают сети, а также другими способами ловят всевозможных птиц.

В это время года по реке Баран идет рыба. Много рыбы ловят сетями и плетенками. Осенью берут десять или двенадцать вязанок «куланова хвоста» и двадцать-тридцать вязанок кук-шибака, приносят к верховьям реки, кромсают и кидают в воду; как только бросят, рыба, зашедшая в реку, хмелеет, и ее начинают ловить. Ниже, в подходящем месте, ставят плетенки. Плетенки связывают таким образом: из прутьиков тальника толщиной с палец плетут нечто вроде решетки. Эту решетку ставят вогнуто, в таком месте, где вода течет вниз, и кладут вокруг камни, так что вода с шумом падает, на эту решетку и, падая, устремляется ниже; вода уходит вниз, а рыба остается на ре-

шетке; оглушенную рыбу подбирают. Этими решетками ловят много рыбы. Таким образом ловят рыбу на реках Гульбехара, Парвана и Исталифа.

По зимам в Ламгане ловят рыбу другим диковинным способом: в местах, где вода течет сверху, делают в дне углубления вроде небольших ям и кладут в эти впадины камни, такие, как те, что на поду очага; сверху тоже нагромождают камни, оставляя в этом месте для воды один проход вниз. Камни кладут так, что рыба, войдя, никуда не может выйти, кроме как через этот проход. Сквозь наваленные камни течет вода, так что получается нечто вроде рыбьего садка. Зимой, всякий раз, как понадобится рыба, открывают одну из этих ям и достают сорок или пятьдесят рыб сразу. Ямы устраивают таким образом: копают их в определенном месте и, оставив один проход, со всех сторон обкладывают рисовой соломой; поверх соломы накладывают камни. Над проходом привязывают нечто вроде плетенки; концы плетенки соединяют один с другим и связывают. В эту плетенку вкладывают еще одну плетенку и укрепляют так, чтобы ее отверстие оказалось напротив отверстия наружной плетенки; длина внутренней плетенки должна составлять половину длины внешней; отверстие ее делают узким. Рыба, войдя в это узкое отверстие, попадает внутрь большой плетенки, нижнюю часть которой устраивают таким образом, что рыба не может выйти обратно, а нижняя часть отверстия внутренней плетенки прилажена так, что рыба, которая вошла в верхнее отверстие, одна за другой проходит во внутреннее отверстие. Концы прутьев внутреннего отверстия соединены. Рыба, которая прошла через это отверстие, попадает внутрь большой плетенки ниже отверстие которой завязано, так что рыба не может выйти. Если она повернет назад, то не сможет пройти из-за зубцов нижнего отверстия внутренней плетенки. Прикрепив эту плетенку к отверстию, рыбный садок сверху открывают (а вокруг он укреплен рисовой соломой). Всю рыбу,

что попадает в руки, ловят в такой яме; если рыба уйдет, то проход, всего один; она попадает в только что упомянутую, плетенку, и ее ловят там. Такого способа рыбной ловли я в других местах не видал.

Через несколько дней после взятия Кабула Муким попросил позволения уйти в Кандахар. Так как он пришел по договору, то ему было разрешено уйти к отцу и брату целым и невредимым, со всеми своими людьми и пожитками.

Отпустив Мукима, я разделил область Кабула между мирзами и всеми гостями-беками. Газни с прилежащими местами было отдано Джехангир-мирзе; туманы Нангенхар, Мандравер, Дер-и Нур, Кунар, Нургиль и Чаган-Сарай получил Насыр-мирза; бекам и йигитам, которые были сомной во времена казначества и пришли со мной, я дал кому деревню, кому участок земли, но целой области не дал никому. Так бывало не однажды. Всякий раз, как великий бог давал счастье, я поступал с беками-гостями и чужими беками и йигитами лучше, чем со старыми слугами и андижанцами и давал им больше. И все-таки – прямо беда! На меня постоянно клеветают, говорят: «Кроме старых слуг и андижанцев, он ни к кому не благоволит». Есть пословица: «Чего только враг ни говорит, чего только ни приснится во сне».

Ты можешь закрыть ворота города,
Но не можешь закрыть рта врагам.

Так как из Самарканда, Хисара и Кундуза пришло в область Кабула множество людей, то мы сочли полезным поступить так: Кабул – незначительная область, подвластная мечу, а не перу, для всего этого народа денег добыть нельзя. Дадим семьям этих людей немного хлеба, а войско выступит на добычу. Порешив на этом, мы наложили на Кабул и Газни с зави-

сящими от них областями побор в тридцать тысяч харваров¹ хлеба. Я не знал размера доходов и урожая Кабула, и страна оказалась сильно разоренной от такого большого налога.

В это время я изобрел почерк «бабури».

С хезарейцев Султан-Мас'уди мы потребовали много коней и баранов и послали сборщиков. Через несколько дней от сборщиков пришло известие, что хезарейцы, встав на путь упорства, не платят податей. Раньше они неоднократно грабили на дорогах Гардиза и Газни. По этим причинам мы выступили для набега на хезарейцев Султан-Мас'уди.

Пройдя через Мейдан, мы миновали ночью перевал Нирх и ко времени утренней молитвы напали на хезарейцев в окрестностях Чату. Так, как хотела душа, мы их не побили. Вернувшись оттуда дорогой через Санг-и Сурах, мы отпустили Джехангир-мирзу в Газни. Когда мы остановились в Кабуле, сын Дарья-хана, Яр-Хусейн, пришел из Бхеры служить нам.

Через несколько дней я произвел смотр войску и, созвав людей, знающих земли и воды, расспросил их об окрестных и соседних местах. Некоторые советовали итти на Дешт, другие считали подходящим Бангаш, третьи называли Хиндустан. Мы приняли решение о походе в Хиндустан. В месяце шабана солнце было в созвездии Водолея, когда мы выступили из Кабула, направляясь в Хиндустан.

Дорогой через Бадам-Чешме и Джагдалык, с шестью ночевками в пути, мы пришли в Адинапур. Я никогда еще не видал областей жаркой полосы и мест, граничащих с Хиндустаном. Когда мы достигли Нангенхара, взору представился совсем иной мир: травы – другие, деревья – другие, звери – другие, птицы – другие, нравы и обычаи народа – другие. Я удивился, и действительно, было чему удивиться.

Насыр-мирза прибыл из своей области в Адинапур и находился при мне. Кочевники, пришедшие с ним, все откочевали

---

¹ *Харвар* – мера веса; груз, поднимаемый одним ослом.

на зимовье в Ламган. Простояв день или два в этих местах и собрав их воинов и отставших бойцов, я перешел Джу-и Шахи и остановился внизу в Куш-и Гумбазе. Насыр-мирза, получив кое-какие припасы из своей области для нукеров и слуг, сказал: «Я приду вам вслед через два-три дня» и, испросив разрешение, отстал. Когда мы вышли из Куш-и Гумбаза и остановились в Гарм-Чешме, мне привели одного из начальников племени гагиани, Пихи, опытного человека. Мы взяли его с собой, чтобы узнать местность и дорогу. В один или два перехода мы прошли Хайбер и достигли Джама, где и остановились. Я слышал похвалы Гуре-Катри – это, говорят, одно из мест молитвы йогов и индусов; они приходят из далеких стран и стригут себе волосы и бороду в Гуре-Катри.

По прибытии в Джам я поехал прогуляться в Бекрам. Я объехал его окрестности и полюбовался на одно огромное дерево. Проводником был Мелик-Бу-Саид Камари. Сколько мы ни спрашивали, где Гуре-Катри, он не сказал. Когда мы вернулись в лагерь, он говорил Ходже-Мухаммеду-Амину: «Гуре-Катри было возле Бекрама, но я не повел туда из-за узких пещер и опасных мест вблизи него». Ходжа сейчас же сподличал и передал его слова. Наступил вечер, а путь был дальний, так что мы не смогли туда поехать.

На этой стоянке мы совещались, переходить ли реку Синд и в какую сторону направиться. Бакы-Чаганиани доложил, что будет хорошо, не переходя реку, пойти отсюда, с одной остановкой, в местность, называемую Кохат, ибо жители ее многочисленны и богаты. Бакы-Чаганиани привел несколько кабульцев, которые поддержали его; я никогда не слышал об этих местах. Один уважаемый, старый человек, считая за благо направиться в Кохат, привел в подтверждение своих слов несколько свидетелей. Поэтому я отменил переправу через реку и поход в Хиндустан; выступив из Джама, мы перешли реку Баре и, приблизившись к перевалу Мухаммед-Пих, остановились.

В это время афганцы Гагиани были в Пешавере; от страха перед моим войском они потянулись к подножию горы. Один из начальников племени, Хусрау Гагиани, пришел на эту стоянку и поступил ко мне в услужение. Мы взяли его с собой вместе с Пихи, чтобы он указывал дорогу и местность. Снявшись с этой стоянки в полночь, мы с восходом солнца прошли Мухаммед-Пих и к полудню совершили набег на Кохат. Нам досталось много быков и буйволов. Много афганцев попало в плен, но пленных всех освободили. В домах их было бесконечно много зерна.

Передовые, разграбив местность вплоть до берегов реки Синда, после ночевки присоединились к нам. Воинам не досталось столько, как обещал Баки-Чаганиани, и ему стало очень стыдно, что он нас уговаривал.

Дважды переночевав в Кохате и собрав передовых, мы посоветовались, в какую сторону идти. Было решено совершить набег на афганцев из окрестностей Бангаша и Банну и вернуться обратно через Нагз или через Фермуль. Яр-Хусейн, сын Дарья-хана, который, придя в Кабул, служил мне, попросил: «Если дилазакам, юсуфзяям и гагиани будет приказ не отступать от моих слов, то я взмахну мечом государя на той стороне реки Синда». Я отдал соответствующие приказы и отпустил его из Кохата.

Выйдя из Кохата, мы направились в верхний Бангаш дорогой через Хангу. Между Кохатом и Хангу есть одна долина; по долине идет дорога, с двух сторон которой расположены горы. Когда мы, выступив, вошли в эту долину, то афганцы из Кохата и окрестных мест все собрались на горах по обе стороны долины и подняли крик, шум. Мелик Бу-Саид Камари, который хорошо знал весь Афганистан (в этом походе проводником был он), доложил: «Впереди, направо от дороги, есть гряда гор. Если афганцы перейдут на те горы, то мы сможем окружить их и захватить».

Бог помог нам, и афганцы, дойдя до горной гряды, поднялись на нее. Я послал отряд йигитов, приказав им тотчас же захватить перевал между двумя горами; остальные воины получили приказ взять афганцев в кольцо. Когда мои воины окружили афганцев, они были не в силах сопротивляться. Мы в одно мгновение порубили их и захватили сто или сто пятьдесят афганцев, – некоторых живьем, но большей частью принесли головы.

Афганцы, когда у них нет сил сражаться, приходят к врагам, держа в зубах траву; этим они как будто говорят: «Я – твой бык». Здесь мы столкнулись с этим обычаем: бессильные афганцы пришли с травой в зубах. Тем, кого привели живыми, я тоже приказал отрубить головы; на стоянке из их черепов построили башню.

На утро мы выступили и остановились в Хангу. Тамошние афганцы устроили на одной горной гряде сенгер. Впервые я услышал слово «сенгер», придя в Кабул. Афганцы называют так укрепленную гору. Мы разбили этот сенгер, и ко мне принесли отрезанные головы ста или двухсот мятежных афганцев. Там мы тоже построили башню из голов.

Выйдя из Хангу и раз переночевав, мы остановились в месте, называемом Тиль, в нижней части верхнего Бангаша. Там тоже воины ходили грабить ближних и окрестных афганцев. От одного из сенгеров некоторые воины отступили слишком легко.

Выйдя оттуда, мы шли без дороги и, раз переночевав, утром спустились по крутому склону; пройдя длинное, вытянутое ущелье, остановились в Банну. Воины, кони и верблюды при спуске в ущелье очень измучились, а из быков, доставшихся нам в добычу, большинство полегло там.

Большая дорога была от нас правее, на расстоянии одного-двух курухов; дорога, по которой мы шли, не для конного; овчары и пастухи иногда гоняли вниз по дороге и в ущелье свой стада и отары, поэтому ее называли Гусфенд-Лияр (дорогу по-

афгански называют лияр). Проводником был Мелик-бу-Саид Камари; большинство воинов думало, что мы оказались левее дороги из-за Мелик-бу-Саида.

Банну стоит на ровном, гладком месте, сейчас же за горами Бангаша и Нагза. К северу от Банну – горы; река Бангаша проходит через Банну; Банну орошается водой этой реки. К югу находятся Чупаре и река Синда, к востоку – Динкут, к западу – Дешт, который называют также Базар-и Так. Из афганских племен в этой области обрабатывают землю курани, киви, сур, исайли и ниязай.

Остановившись в Банну, мы тотчас же получили известие, что степные племена устроили сенгеры на северных горах. Мы послали туда войско во главе с Джахангир-мирзой. Джахангир-мирза пошел на сенгер киви, в один миг взял его, произвел всеобщее избиение, отрезал много голов и привез их; воинам досталось много белой ткани; в Банну тоже воздвигли башню из черепов.

Когда взяли этот сенгер, один из больших людей племени киви, по имени Шеди-хан, явился с травой в зубах, служить мне. Мы подарили ему пленных.

При набеге на Кохат было решено пограбить афганцев, живущих в окрестностях Бангаша и Банну и затем воротиться обратно дорогой через Нагз или через Фермуль. Когда мы разграбили Банну, люди, знающие земли и воды, доложили мне: «Дешт близко, и его обитатели – люди зажиточные, а дорога туда хорошая, ведет она в Фермуль».

Было решено совершить набег на Дешт и идти той дорогой.

На утро мы выступили и остановились в деревне исайлей, на берегу реки. Исайли, узнав об этом, потянулись в горы Чупаре. Выйдя из деревни, мы остановились у подножья горы Чупаре. Передовые направились к горам, разбили один из сенгеров исайлей, доставили много овец, коров и тканей. В ту ночь афганцы Исайли произвели на нас ночной набег; но

в этом походе мы проявляли большую осторожность, и они не смогли причинить нам вреда. Мы были настолько осторожны, что правый край, левый край, центр и авангард – всякий, у кого было определенное место, стоял на этом месте. Стражники, вооружившись, стояли вокруг лагеря, на расстоянии полета стрелы от палаток. Каждую ночь всех воинов выводили и строили таким образом; трое-четверо из приближенных каждый вечер по очереди ходили с факелами; я тоже один раз сделал обход. У тех, кто не хотел выходить, мы прокалывали нос и водили их вокруг лагеря. На правом крыле стояли: Джахангир-мирза, Баки-Чаганиани, Шири Тагай, Сейид-Хусейн-Акбар и еще несколько беков; на левом крыле – Мирза-хан, Абд-ар-Раззак-мирза, Касим-бек и еще несколько беков; в центре из больших беков не было никого, там стояли одни придворные беки; в авангарде стояли Сейид-Касим-ишик-ага, Баба-Оглы, Алла-Кули-Байран и еще несколько беков. Все войско разделили на шесть отрядов; каждый отряд нес караул одни сутки.

Выступив оттуда, мы пошли на запад и остановились между Дештом и Банну в безводном русле. Воины прорыли дно сая и добыли воды для себя и для скота. Стоило вскопать землю на кари или полтора кари, как выступала вода. Не только в этом месте так выходила вода; у всех рек Хиндустана такое свойство: если прокопать на кари или полтора кари дно сухого русла, непременно выйдет вода. Дивны пути создателя: в Хиндустане, где нет текучей воды, кроме рек, вода так близко от дна русла!

Выйдя на заре из высохшего русла, наши конные ко второй молитве достигли деревень Дешта. Наездники совершили набег на несколько деревень и забрали коров, ткани и лошадей. Всю ночь до утра и с утра до полудня подходили отставшие вьючные верблюды, быки и пехотинцы. Из деревень Дешта передовые пригнали много быков и овец. Повстречав афганских

торговцев, они доставили множество белой ткани, лекарственных трав, леденца, сахара, кровных коней и коней для продажи.

Ходжу-Хызра Лохани, одного из знаменитых и уважаемых между афганцами торговцев, Хинди-могол сбил с коня, отрезал ему голову и принес нам. Ширим Тагай поехал следом за передовыми; один пеший афганец столкнулся лицом к лицу с Ширим Тагаем и отрубил ему мечом указательный палец.

На следующее утро мы выступили и остановились неподалеку, среди деревень Дешта. Выйдя оттуда, мы пришли на берега реки Гумаль. Из Дешта на Газни выходят две дороги; одна дорога в Сенг-и Сурах; пройдя Бурек, она ведет в Фермуль; другая тянется по берегу реки Гумалья и, не доходя до Бурека, тоже ведет, в Фермуль. Некоторые хвалили дорогу вдоль Гумалья.

Пока мы были в Деште, два или три дня подряд шли дожди. Река Гумаль сильно поднялась, так что мы с трудом отыскивали переправу. Люди, знающие дорогу, доложили, что, следуя вдоль Гумалья, нужно несколько раз переправляться через реку; если вода будет так высока, это окажется трудным. Относительно этой дороги тоже появилось сомнение. Пока ни до чего не договорились. Я решил условиться, какой дорогой нам идти, утром, когда барабан пробьет выступление. Был день праздника разговения. Я был занят праздничным омовением; Джехангир-мирза и беки разговаривали между собой. Некоторые говорили: «Гора к западу от Дешта, которую называют Кух-и Мехтер-Сулейман, лежит между Дештом и Дуки. Если обойти выступ этой горы, то дорога будет ровная. Правда, это составит разницу в один-два перехода».

Они решили направиться к выступу. Не успел я кончить омовение, как все воины двинулись к выступу горы, большинство их переправилось через реку Гумаль. Это была незнакомая дорога, и мы, не зная, ближняя она или дальняя, вступили на нее, основываясь на слухах. Праздничную молитву мы совершили на берегах реки Гумаль. Новый год пришелся вскоре после

праздника, промежуток был всего в один или два дня. По этому поводу я сказал такую газель:

Радостен праздник людей, что видят и новый месяц и лицо
любимой,
Но мне, вдалеке от твоего лица и бровей, достались в праздник
одни заботы.
Лицо милой—«науруз¹, встреча с ней – праздник,
Бабур, пользуйся же случаем, ибо лучше этого не будет
сто наурузов и сто праздников.

Переправившись через реку Гумаль, мы двинулись на юг, вдоль склонов горы. Когда прошли один-два куруха, на холме у подножья горы появилось несколько обречших себя на смерть афганцев. Мы во весь опор помчались в ту сторону: большинство афганцев убежало, но некоторые, по глупости, остались стоять на небольших холмиках у подножья и на склонах горы. Один афганец стоял на пригорке; повидимому, сзади него была пропеть, и ему некуда было уйти. Султан-Кули Чанак поднялся в кольчуге на пригорок, порубился и захватил афганца. Это было одно из дел, которые он совершил, состоя при мне; оно стало причиной моей благосклонности и возвышения Султан-Кули Чанака.

На склоне другой горы Кутлук-Кадам схватился и порубился с одним афганцем, и оба полетели с высоты десяти или двенадцати кари. Кутлук-Кадам отрезал афганцу голову и принес.

Еще на одной горе Кепек схватился с афганцем врукопашную, и они скатились вниз до половины горы. Кепек также принес его голову. Многие из афганцев попали к нам в плен; все они были освобождены.

Выйдя из Дешта, мы двинулись вдоль склонов горы Мехтер-Сулейман на юг и после трех ночевок пришли в местечко Била;

---

¹ Науруз – новый год.

это одно из зависящих от Мультана селений на берегу реки Синда. Жители Била в страхе перед нами сели в лодки и переехали через реку; некоторые бросились в воду и переправились вплавь.

Напротив селения был остров; часть жителей укрылась на этом острове. Большинство моих воинов, с лошадьми и оружием, бросились в воду и переправились на остров; несколько человек утонуло. Среди них был Кул-Ахмед-Арук, мой главный постельничий. Из нукеров Джахангир-мирзы утонул Кайтмас-туркмен. На острове воинам досталось кое-что из вещей и пожитков.

Большинство жителей тех мест переправились на лодках на другой берег реки Синда. Те, что переправились напротив острова, полагаясь на ширину реки, взяли в руки мечи и, играя ими, начали задирать нас. Один из наших людей, переправившихся на остров, Куль-Баязид-букаул, на коне без лат, бросился в воду. Река с этой стороны острова была в два-три раза шире, чем со стороны, обращенной к нам. Куль-Баязид пустил лошадь вперед, в сторону людей, находившихся на том берегу Синда на расстоянии полета стрелы; лошадь вышла на мелкое место; вода была ей по брюхо. Он простоял некоторое время, должно быть, собираясь с мыслями; сзади никто не бросился ему вслед, надежды на помощь не было. Куль-Баязид быстро двинулся на врагов. Они выпустили в него одну-две стрелы, но не посмели стоять и побежали. Куль-Баязид, один, на неоседланной лошади, без поддержки, переплыл такую реку, как Синд, обратил врагов в бегство и занял их землю. Очень смелое дело сделал!

Когда враги бежали, воины переправились через реку и забрали их пожитки и скот, как добычу.

Хотя я и раньше за услуги и неоднократно проявлявшуюся смелость оказывал Куль-Баязиду почет и ласку, повысив его с должности повара до степени личного букаула, но на сей раз, после этого замечательного дела, я выказал ему великое уваже-

ние и благосклонность и оказал милости и благодеяния, как будет упомянуто впоследствии. И действительно, он стоил этого!

Сделав еще один или два перехода вдоль берегов реки Синда, мы направились вниз по течению. Воины, то и дело совершая набег, вконец измучили своих лошадей. Добыча не стоила набегов – одни быки, а в Деште воинам достались овцы, и еще кое-где – всякие вещи, вроде тканей. За Дештом, кроме быков, ничего не было, и на стоянках по берегам реки Синда один человек, бывало, пригонял триста или четыреста быков. Быков пригоняли так много, что не успевали их съедать. На каждой стоянке их оставляли очень много.

Мы совершили три перехода по берегу реки Синда, а затем отошли от берега против мазара пира Кану и, достигнув этого мазара, остановились. Так как воины притесняли некоторых муджавиров мазара, то я приказал, для острастки, разрубить одного воина на куски. Этот мазар пользуется в Хиндустане большим уважением; он находится у подножья гор, примыкающих к горе Мехтер-и Сулейман.

Покинув этот мазар, мы остановились на перевале, а выйдя оттуда, стали на реке, протекающей через область Душ. Когда мы уходили с этой стоянки, мои люди схватили и привели Фазыля-Кукельташа, даругу города Сиви, нукера Шах-бека, а также человек двадцать его людей, вышедших в дозор. Так как в то время с Шах-беком у нас не было ссоры, то мы отпустили их, с их конями и оружием.

После ночевки мы стали лагерем близ одной из деревень области Дуки, называемой Чотали. Хотя мои люди неустанно совершали набег и на берегах реки, и дальше от Синда, но, так как зерна и зеленого корма для коней было много, кони не уставали. Когда же мы отошли от реки Синда, направляясь к мазару пира Кану, зеленого корма не стало; иногда за два-три перехода удавалось найти лишь небольшие поросли травы, но

зерна для коней не находили. Кони моих людей начали отставать; когда мы встали на стоянке за Чотали, из-за отсутствия выючных животных отстал даже мой шатер. Вечером на этой стоянке пошел такой дождь, что в палатках было воды выше щиколотки. Ковры сложили в одном месте в высокую кучу, я сидел на них. Утро застало меня в таком «приятном» положении.

Еще через два перехода Джехангир-мирза пришел и шепнул мне на ухо: «Есть разговор наедине». Нас оставили одних, и он доложил: «Бакы-Чаганиани пришел ко мне и сказал: «Давайте отпустим государя с семью-восемью или десятью людьми на тот берег реки Синда, а вас вознесем государем». Я спросил: «Кто еще был на этом совете?» Джехангир-мирза ответил: «Бакы-бек только что сказал мне это, других я никого не знаю».

Я сказал: «Проверь, кто еще причастен к этому». Вероятно, Сейид-Хусейн-Акбар, Султон-Али-Чухре и еще некоторые беки, вельможи и йигиты Хусрау-шаха были замешаны в этом.

Джехангир-мирза держал себя благородно в этом деле; он исполнил обязанности родственника. Поступок Джехангир-мирзы был ответом на такой же поступок с моей стороны. То, что было в Кахмерде, произошло благодаря подстрекательству и козням того же злосчастного, ничтожного человека, Бакы-Чаганиани.

Когда мы выступили с этой стоянки и стали лагерем на другой, я отобрал отряд людей, кони которых на что-нибудь годились и, поставив во главе его Джехайгир-мирзу, послал пограбить афганцев; живших в тех местах. В последних переходах кони наших людей начали сильно отставать; бывали дни, когда отставало двести или триста коней. Лучшие, отборные йигиты оказались пешими. Шах-Махмуд-Оглакчи, один из лучших моих придворных, когда отстали все его лошади, шел пешком до самого Газни. Через три-четыре перехода Джехангир-мирза, разграбив отряд афганцев, пригнал стадо овец.

Сделав еще один или два перехода, мы достигли Аб-и Истаде. Глазам представилась очень большая река. Другого берега совсем не было видно. Вода, казалось, сливается с небом. Горы и холмы на той стороне, словно горы и холмы в мареве, как будто висели между небом и землей. В этом месте сливаются реки долины Катта-Ваза, долины Зурмета, луговины Карабага и река Газни; потоки от весенних дождей и реки, разлившиеся во время паводков, несут сюда свои воды.

Когда мы находились в одном курухе от Аб-и Истаде, то наблюдали удивительную вещь: между небом и водой все время появлялось и снова исчезало что-то ярко-красное, как вечерняя заря. Это продолжалось до тех пор, пока мы не приблизились к реке; когда мы подошли близко, то увидели, что это дикие гуси. Их было очень много, — не то десять, не то двадцать тысяч. Когда множество диких гусей на лету машет крыльями, их красные перья то видны, то скрываются. На берегах были не только дикие гуси; там водилось бесчисленное и несметное множество всевозможных других птиц.

На берегу было много птичьих яиц. Двое афганцев пришли собирать эти яйца И, увидев нас, бросились в воду. Несколько человек проплыли за ними с полкуруха и привели их. Они доложили, что вода на всем расстоянии одинаково доходит коням по брюхо. Вода, повидимому, неглубока вследствие ровности дна.

Придя на берег реки в степи Катта-Ваза, впадающей в Аб-и Истаде, мы стали там лагерем. Эта река почти всегда без воды; сколько раз мы там ни проходили, — никогда мы не видели в этом русле текущей воды. На сей раз, из-за весенних дождей, в эту реку прибыло столько воды, что мы не могли найти переправы. Хотя она и не слишком широка, но была очень глубокой. Всех коней и верблюдов переправили вплавь; вещи и пожитки связали, веревками и доставили на ту сторону.

Перейдя этот поток, мы прошли через Кухне-Нани, мимо плотины Сарде, и пришли в Газни. Джехангир-мирза день-два

оказывал нам гостеприимство, подавал угощение и поднес подарки.

В том году в большинстве рек поднялась вода, так что через реку Дех-Якуб нельзя было найти переправы. Я приказал доставить лодки, построенные на озере, и спустить их на реку Дех-Якуб, напротив Камари; люди переправлялись на лодках.

Миновав перевал Сиджавенд, мы двинулись дальше и, переправившись через Камари на лодках в месяце зулхиддже, пришли в Кабул. Сейид Юсуф-бек за несколько дней до того умер от колик.

Насыр-мирза, испросив разрешения, остался в Кук-и Гумбазе; он говорил: «Я достану кое-что для слуг и нукеров из окрестных областей и приду следом дня через три-четыре». Расставшись с нами, Насыр-мирза тотчас же послал свое войско в Дер-и Нур, так как жители Дер-и Нура проявили некоторое непослушание. О неприступности этой крепости и неровности окружающей ее земли из-за рисовых полей упоминалось раньше. Начальник отряда Фазли вел войско без достаточной осторожности: идя по такой неровной и изрытой местности, он посылал людей грабить. Жители Дер-и Нура вышли и разогнали бродивших повсюду передовых; остальные тоже не могли устоять и побежали. Перебив часть людей, враги взяли много коней и оружия. Если над войском начальник – такой человек как Фазли, толку не будет. По этой ли причине, или потому, что в сердце Насыр-мирзы была обида, но он не пришел следом за нами.

Сыновьям Айюба – Юсуфу и Бахлулу (на свете нет других таких злых, склонных к смутам, надменных и гордых людей) я отдал – одному Алингар, а другому Алишенг. Эти люди находились с Насыр-мирзой, они тоже хотели, захватив что-нибудь из своих областей, притти вместе с ним. Но теперь они не вернулись и всю зиму были собутыльниками и собеседниками Насыр-мирзы.

Зимой Насыр-Мирза однажды, совершил набег на афганцев племени Турколани; летом он снял с места и погнал впереди себя все пришлые племена, с их стадами и домочадцами, которые прикочевали в Нангенхар и Ламганат, и явился на берега Барана. Когда Насыр-мирза находился на берегах Барана и в его окрестностях, получились вести, что бадахшанцы перебили воинов Шейбани-хана и, объединившись, восстали против его. Подробности этого таковы.

Шейбани-хан отдал Кундуз Камбар-Бию, а сам ушел в Хорезм. Камбар-Бий, желая склонить к себе жителей Бадахшана, послал в Бадахшан сына Мухаммеда-Махдуми, по имени Махмуд. Мубарек-шах, предки которого были из беков бадахшанских шахов, поднял восстание, отрезал головы сыну Махдуми и еще нескольким воинам и укрепил крепость Зафар, которая раньше называлась Шаф-Танур. Он же и дал этой крепости имя Зафар. Мухаммед-Курчи, который был одним из оруженосцев Хусрау-шаха, в то время держал в руках Хамаланган. Он убил в Рустаке садра¹ Шейбани-хана и еще нескольких воинов и укрепил Хамаланган. Некий житель Рага, предки которого тоже были беками у шахов, восстал. Джехангир-туркмен, один из нукеров Вели, брата Хусрау-шаха, во время этих смут отделился от своего бека, собрал несколько беглых и отставших воинов и аймаков и направился в крепость. Насыр-мирза, получив об этом известие, возымел желание овладеть Бадахшаном. Подстрекаемый и побуждаемый некоторыми скудоумными и недальновидными людьми, он согнал домочадцев и скот всех пришлых племен и направился к крепости через Шиберту и Абдере. Хусрау-шах и Ахмед-Касим, убежав из Аджера, ушли в сторону Хорасана; они повстречали в дороге Бади-аз-Замана-мирзу и Зу-н-Нун-бека и, направившись вместе с ними в Герат, поступили в услужение к Султан-Хусейну-мирзе.

---

¹ *Садр* – одна из высших гражданских должностей в эпоху тимуридов.

Эти люди, которые столько лет враждовали с Джехангир-мирзой и проявляли такую неучтивость (каких только язв не было из-за них у мирзы на сердце!), теперь, благодаря мне, пошли к мирзе в столь жалком и униженном состоянии и встретились с ним. Если бы я не сделал Хусрау-шаха таким слабым, разлучив его со слугами и нукерами, если бы я не отнял Кабула у Мукима, сына Зу-н-Нуна, то их уход и свидание с мирзой были бы невозможны. Ведь Бади-аз-Заман-мирза был в их руках, как тесто; он выполнял их волю.

Султан-Хусейн-мирза, не вспоминая обид, встал на путь благодарения и даже оказал им милости. Хусрау-шах через некоторое время попросил разрешения уйти в свои земли, говоря: «Если пойду, то возьму обратно все эти области». Но так как у него не было оружия, и из похода не вышло бы толку, то с разрешением медлили, всячески изворачиваясь. Хусрау-шах повторил просьбу, и так как он очень настаивал, Мухаммед Бурундук дал ему прямой ответ: «Когда у тебя было тридцать тысяч нукеров и вся область находилась в твоих руках, ты не смог ее удержать, что же ты теперь сделаешь с твоими пятью сотнями людей в землях, которые под властью Шейбани-хана?» Сколько его ни убеждали и ни говорили разумных слов, но так как пришел его срок, это не подействовало. Он стал еще больше настаивать и, в конце концов, ему дали позволение. Со своими тремя или четырьмя сотнями людей он направился прямо к границам Дехане.

Насыр-мирза в это время тоже шел сюда. Хусрау-шах повидался с Насыр-мирзой в окрестностях Дехане. Главари бадахшанцев звали одного Насыр-мирзу. Хусрау-шаха они не звали; как ни настаивал Насыр-мирза, Хусрау-шах, поняв, в чем дело, не соглашался идти в горы. План Хусрау-шаха был таков: взять Насыр-мирзу, как прикрытие, пойти и захватить область. В конце концов, ничего хорошего у них не вышло; построив

своих людей в окрестностях Ишкамыша и облачившись в кольчуги, они чуть не вступили в бой и разошлись.

Насыр-мирза пошел к Бадахшану, Хусрау-шах, набрав отряд из пеших людей и гольтьбы, с тысячью человек, и хороших, и плохих, пришел осаждать Кундуз и остановился в одном-двух йигачах от него, в Ходжа-Чартаке.

Когда Мухаммед Шейбани-хан, захватив в Андижане Султан-Ахмеда Тенбеля, пошел на Хисар, его противники без боя и без сопротивления бросили свои земли и ушли. Шейбани-хан пришел в Хисар; в Хисаре был Ширим-Чухре с отрядом отборных йигитов. Хотя беки бросили свои земли и ушли, эти люди не сдали крепости Хисара и укрепили ее. Шейбани-хан возложил осаду Хисара на Хамзу-Султана и Мехди-Султана, а сам, придя в Кундуз, отдал область своему младшему брату Махмуд-Султану и немедленно, не задерживаясь, направился в Хорезм, на Чин-Суфи. Он еще не дошел до Самарканда, как его брат Махмуд-Султан умер в Кундузе; Шейбани-хан отдал Кундуз Камбар-бию-Мерви; Когда пришел Хусрау-шах, в Кундузе был Камбар-бий. Камбар-бий одного за другим гонял людей к Хамзе-Султану и прочим султанам, зовя их. Хамза-Султан, придя в Сарай, на берегах Аму, поставил во главе войска своих сыновей и беков и послал их в Кундуз. Когда они приблизились, их противники сейчас же вышли, но не могли даже сражаться, а Ахмед Тенбель, этот ничтожный толстяк, и убежать не сумел! Люди Хамзы-Султана тотчас же сбили его с коня. Племянника Хусрау-шаха, Ахмед-Касима, Ширима-Чухре и еще нескольких отборных молодцов убили, самого Хусрау-шаха привели в Кундуз и обезглавили. Голову его послали в Хорезм, Шейбани-хану.

Как и рассчитывал Хусрау-шах, стоило ему только, войти в Кундуз, как поведение находившихся при мне его слуг и нукеров совершенно изменилось. Большинство их потянулось в Ходжа-Ривадж и в те края. Люди состоящие при мне, были, в

большинстве, нукерами и слугами Хусрау-шаха. Моголы держали себя хорошо и действовали со мною единодушно; когда пришла весть о случившемся, люди Хусрау-шаха сразу присмирели, как огонь, на который плеснули водой.

СОБЫТИЯ ГОДА ДЕВЯТЬСОТ ОДИННАДЦАТОГО

В месяце мухарреме с моей матерью Кутлук-Нигар-ханум приключилась болезнь «хасбе». Отворили кровь, но ее оказалось мало. Был один хорасанский врач, его звали Сейид-табибом. По хорасанскому обычаю, он дал больной арбуза. Но так как, видимо, пришел ее срок, то через шесть дней, в субботу, она отправилась к милости аллаха.

Улуг-бек-мирза устроил у подножья горы сад, называемый Баг-и Наурузи. С разрешения его наследников мы с Касимом Кукельташем в воскресенье привезли покойную в этот сад и предали ее земле. Во время обряда оплакивания мне сообщили о смерти младшего хана, моего дяди Алача-хана и моей бабки Исан-Даулет-биким. Подошли сороковины ханум, когда из Хорасана прибыли мать ханов Шах-биким, жена моего дяди Султан-Ахмеда-мирзы, Михр-Нигар-ханум и Мухаммед-Хусейн-Гурган Дуглат; печаль снова обострилась, и огонь разлуки разгорелся без меры. Исполнив обряд оплакивания, мы роздали нищим и беднякам пищу и угощение, устроили моления и чтения Корана за души ушедших и, успокоив свое сердце, оделись в черное.

Освободившись от этих дел, мы, по настоянию Бакы- Чаганиани, повели войска на Кандахар. Выступив в поход, мы при-

шли на луговины Куш-Надер; когда мы остановились там, я схватил горячку. Удивительная это была болезнь! Если меня с величайшими усилиями будили, то веки мои сейчас же опять смежались сном. Через четыре-пять дней мне стало лучше.

В это время произошло такое землетрясение, что большинство крепостных валов и садовых стен обрушилось. В городе и в деревнях много домов сравняло с землей; под развалинами домов и стен погибло множество людей. В деревне Пагман все дома рухнули; семьдесят-восемьдесят хороших домохозяев погибло под стенами. Между Пагманом и Бектутом огромный кусок земли оторвался и упал вниз на расстояние полета стрелы. На месте провала появились ручьи. От Истергача до Мейдана, приблизительно на расстояние шести-семи йигачей пути, земля была так взрыта, что в некоторых местах поднялась на высоту роста слона, в других на-настолько же провалилась вниз; в трещинах кое-где умещался человек. Во время землетрясения над вершинами всех гор поднялась пыль. Нурулла Тамбурчи играл передо мной на сазе. Тут же был еще другой саз; когда началось землетрясение, Нурулла сейчас же схватил в руки оба сазы; он настолько плохо владел собой, что сазы стучались друг о друга.

Джехангир-мирза находился в то время в Тива и сидел на айване в верхней пристройке одного из зданий, воздвигнутых Улутбеком-мирзой. Когда началось землетрясение, он бросился вниз, но не пострадал. Один и близких Джехангир-мирзы находился на той же пристройке; стена пристройки упала на него, но бог его сохранил, и ему не повредило ни одного члена. Большинство домов в Тива снесло начисто.

В тот день земля сотрясалась тридцать девять раз! Бекам и воинам был отдан приказ заделать и починить бреши и щели в крепостных стенах и башнях; в двадцать дней или в месяц, при старании и усердии, трещины и проломы в крепости были заделаны.

Задуманный ранее поход на Кандахар, вследствие моей болезни и землетрясения, был отложен. Оправившись от болезни и заделав пробоины в крепости, я утвердился в прежнем намерении. Мы еще не решили, итти ли в сторону Кандахара или рыскать по горам и равнинам ради грабежа. Когда мы стали лагерем под Шинизом, я позвал Джехангир-мирзу и беков и устроил совет: мы сговорились итти на Келат. Джехангир-мирза и Баки- Чаганиани больше всех настаивали на этом походе.

Достигнув Яри, мы получили сведения, что Шир-Али Чухре, Кичик-Баки Диване и еще несколько человек задумали бежать. Мы тотчас же велели их схватить; так как Шир-Али Чухре, находясь при мне и не при мне, и в этой земле, и в других землях, устраивал и чинил всякие смуты и дурные дела, то его передали палачу; прочих мы отпустили, лишив коней и оружия.

Подойдя к Келату, без оружия, без осадных орудий, мы тотчас же со всех сторон напали на крепость. Жестокий был бой! Брат Ходжи-Калана, Кичик-бек, был очень смелый йигит; как было упомянуто в этой летописи, он несколько раз рубился вместе со мной на мечях. Он подобрался к башне на юго-западной стороне Келата и почти поднялся на нее, но тут ему воткнули в глаз копье; день или два спустя, после взятия Келата, он умер от этой раны. Кичик-Баки Диване, который собирался бежать вместе с Шир-Али, заглаживая в этом бою свой дурной поступок, подходил к крепостным воротам у подножья вала и погиб, пораженный камнем. Еще погибли один или два человека.

Мы бились так до второй молитвы. Когда йигиты, сражаясь и бросаясь на приступ, ослабели, осажденные вдруг попросили пощады и сдали крепость.

Зу-н-Нун Аргун отдал Келат Мукиму; из нукеров Мукима в Келате были Фаррух-Аргун и Кара-Булут; повесив на шею свои колчаны и мечи, они пришли ко мне, и я простил им их проступки. Я не ставил себе целью притеснять этих людей, ибо если бы в то время, когда рядом стоял враг, между нами случи-

лось нечто подобное, что бы сказали слышащие и видящие вблизи или издали?

Так как этот поход произошел по настоянию Джахангир-мирзы и Баки-бека, то защищать Келат мы поручили мирзе. Он не согласился; Баки тоже не смог найти в этом деле хорошего ответа. Взятие Келата приступом, после жестокого боя, оказалось бесполезным.

Совершив набег на афганцев – жителей Сеза-Санга, Ала-Тага и окрестных мест южнее Келата, мы пришли в Кабул. Спешившись в Кабуле, я в тот же вечер отправился в крепость. Шатры и конюшни находились в Чарбаге; вор-хирильчи пришел и увел из Чарбага моего коня, и к тому же унес мой собственный кинжал.

С тех пор, как Баки-Чаганиани, придя на берега Аму, присоединился к нам, не было человека более значительного и уважаемого. Что бы ни говорилось, что бы ни делалось, всякое слово было его словом, всякое дело – его делом. Однако, услуги, какой следовало ожидать, и подарка, какого подобало нам, от него никогда не было; наоборот, он совершал всевозможные неучтивые и дурные поступки; это был скупой, грубый, завистливый, дурной, зложелательный, угрюмый человек. Его скупость доходила до такой степени, что когда он бросил Термез и присоединился к нам со всеми своими домочадцами и стадами и у него лично было, может быть, тридцать или сорок тысяч баранов, и он на каждой стоянке прогонял перед нами множество овец, то хотя наши йигиты терпели муки голода, он не дал ни одного барана. В конце концов, уходя в Кахмерд, он дал все-таки пятьдесят баранов. Хотя он вознес меня государем, но приказывал бить в литавры у своих собственных дверей; он ни с кем не был чистосердечен и никого не любил.

Весь доход Кабула, какой есть, дает тамга. Он забрал тамгу целиком; должность даруги Кабула, подати с Пенджхира, с племени хезаре и кушлук, власть при дворе – все принадлежало

ему. Пользуясь всем этим, окруженный таким почетом, он совершенно не был доволен и благодарен. Хотя он имел всякие дурные замыслы, как уже упоминалось, мы совершенно не принимали это к сердцу и не упрекали его в лицо; постоянно привередничая, он просил разрешения удалиться; мы терпели его капризы и с извинениями отказывали ему. Успокоившись на один-два дня, он снова начинал просить разрешения.

Капризы и просьбы Баки-Чаганиани перешли предел; от его дурных качеств и поступков нам стало невтерпещ, и мы дали ему разрешение уйти. Попросив разрешение, он раскаялся и начал проявлять беспокойство, но это не принесло ему пользы. Он просил мне передать: «Мы заключили условие, что пока я не совершу девять проступков, с меня не будут взыскивать». Через Мулла-Баба я напомнил ему, один за другим, одиннадцать его проступков, и он вынужден был замолчать. Мы отпустили его с семьей и имуществом в Хиндустан. Несколько его собственных нукеров, переведя его через Хайбер, пришли обратно; Баки, присоединившись к каравану Гагани, прошел через Нилаб.

В это время Яр-Хусейн, сын Дарья-хана, находился в Качекуте. Ссылаясь на указы, полученные в Кохате, он сделал своими нукерами воинов отряда афганцев из племени дилазак и юсуфзай и еще одного отряда из дажетов и каджуров и грабил людей, разбойничая на дорогах. Услышав о приближении Баки, Хусейн занял дорогу и легко захватил Баки и тех, кто шел с ним. Он убил Баки и взял его жену; хотя мы отпустили Баки, не сделав ему никакого зла, но его зло вышло ему навстречу, и он стал пленником своих дел.

Отдай судьбе того, кто сделал тебе дурное,
Ибо судьба – твой слуга, который за тебя мстит.

Этой зимой мы стояли в Чарбаге, пока раз или два не выпал снег.

Пока мы не пришли в Кабул, туркмены племени хезаре учили всевозможные безобразия и грабили на дорогах. Задумав совершить на них набег, мы перешли в здание, построенное в городе Улуг-беком-мирзой и называемое Бустан-Сарай. Оттуда мы выступили в месяце шабана, чтобы пограбить туркмен племени хезаре. У выхода в Дер-и Хуш мы совершили набег на Джангалык; кучка хезарейцев подверглась нападению. Недалеко от Дер-и Хуша в одной пещере укрылось несколько хезарейцев. Шейх-Дервиш-Кукельташ, который во времена казначества большей частью был со мной (он занимал должность курбеги, умел с силой натягивать лук и хорошо метать стрелы), беспечно подошел ко входу в пещеру. Один из бывших там хезарейцев выстрелил ему в самый сосок. В тот же день он умер.

Большинство хезарейцев зимовало в Дер-и Хуш. Мы двинулись туда.

Дер-и Хуш – прекрасная долина. Почти на полкуруха от входа в эту долину тянется узкий проход; дорога пролегает по склону горы. Ниже дороги – отвесная пропасть глубиной в пятьдесят-шестьдесят кари, выше – узенькая тропинка, по которой всадники проходят по одному.

Миновав эту теснину, мы шли до вечерней молитвы и, не нагнав врагов, заночевали. Наши люди нашли и привели жирного верблюда, принадлежавшего хезарейцам; убив его, мы сделали из части мяса кебаб, часть сварили в котле и поели. Мы никогда не ели такого вкусного верблюжьего мяса; некоторые не могли отличить его от баранины.

Утром мы снялись с места и двинулись на зимовья хезарейцев. Вскоре к нам подъехал человек и сказал: «В одной теснине хезарейцы укрепили переправу через реку, подкараулили наших людей и теперь дерутся». Услышав это, мы быстро двинулись

вперед и достигли того места, где хезарейцы, подкараулив наших людей, дрались с ними. В ту зиму выпал очень глубокий снег, итти без дороги было, трудно, берега и ложе реки были сплошь покрыты льдом; из-за льда и снега невозможно было перейти реку в тех местах, где не было переправы. Хезарейцы нарезали и набросали у истоков реки много веток, а сами они, конные и пешие, стояли в ложе реки и на ее берегах и пускали стрелы.

Мухаммед-Али-Мубашшир-бек был один из тех беков, которым я недавно начал оказывать почет; очень смелый, достойный и хороший был йигит. Без кольчуги он поехал вперед, к дороге, утыканной кольями. Ему выстрелили в ядра, и он тотчас же испустил дух.

Мы шли быстро, на большинстве из нас не было кольчуг; одна-две стрелы пролетели мимо меня; Ахмед-Юсуф-бек волновался и все время говорил: «Вы идете совсем голый. Я видел, как две или три стрелы пролетели у вас над головой». Я отвечал: «Будьте смелы! Немало таких стрел летало у меня над головой».

Касим-бек, одетый в латы, нашел на правой стороне переправу через реку и с нашими людьми достиг другого берега. Когда он пустил коня, хезарейцы не могли устоять и побежали; йигиты, схватившиеся с хезарейцами врукопашную, бросились за ними, сбивая их с коней. Касим-беку, в награду за это дело, был дан Бангаш. Хатим-курбеги тоже славно держался в походе, и я пожаловал ему место Шейх-Дервиш-Кукельташа – должность курбеги. Кепеку-Кули-Баба за хорошие действия в этом походе мы пожаловали деревню.

Султан-Кули Чанак шел следом за хезарейцами; из-за глубокого снега нельзя было сойти с торной тропы. Я тоже поехал с этими йигитами. Невдалеке от зимовок хезарейцев мы наткнулись на стада их овец и табуны; я сам забрал до четырехсот или пятисот овец и двадцать пять лошадей. Султан-Кули и еще два-

три человека, находившиеся поблизости, тоже забрали добычу.

Я дважды лично участвовал в набеге. Впервые это было в этот раз; второй раз я ходил в набег на туркменских хезарейцев, возвращаясь из Хорасана; много привели мы овец и коней.

Жены и дети хезарейцев, спасаясь от нас, пешком поднялись на снеговые холмы; мы поленились их преследовать, да и время было вечернее. Повернув назад, мы остановились в жилищах самих же хезарейцев.

Той зимой выпало очень много снега. В стороне от дороги снегу было коням по брюхо. Воины, вышедшие ночью в дозор, из-за обилия снега до рассвета сидели на конях.

Утром мы повернули обратно и заночевали в Дер-и Хуш, на зимовье хезарейцев. Выступив оттуда, мы остановились в Джангалыке. Ярек-Тагай и еще несколько человек догнали нас. Им было приказано захватить и привести хезарейцев, которые застрелили Шейх-Дервиша. Эти несчастные, обрекшие себя на смерть, спрятались в подземелье. Наши люди пошли, напустили в пещеру дыма и захватили семьдесят или восемьдесят хезарейцев. Большинство их погибло от меча.

Вернувшись из похода на хезарейцев, мы отправились в окрестности Ай-Тугды, к низовьям реки Барана, чтобы разыскать подать с Ниджрау. Когда мы были в окрестностях Ай-Тугды, туда явился Джахангир-мирза из Газни для службы мне.

В это время, тринадцатого рамазана, у меня начались мучительные боли в боку, так что меня сорок дней ворочал с боку на бок особый человек.

Среди жителей долины Ниджрау обитатели долины Бачган, и особенно староста деревни Гини в этой долине – Хусейн Гини – с братьями, были известны и знамениты строптивостью и дерзостью. На них было послано войско во главе с Джахангир-мирзой; Касим-бек тоже принимал участие в этом деле. Отряд двинулся, поднялся на вал, захватил силой укрепленное место и расправился с частью врагов.

Из-за болей в боку для меня устроили нечто вроде носилок,

перенесли меня с берегов реки Баран в город и доставили в Бустан-Сарай, где я прожил несколько дней.

Моя болезнь еще не прошла, когда у меня выскочил на правой щеке нарыв; его прокололи иглой. Из-за болезни я, кроме того, пил слабительное.

Выздоровев, я выехал в Чарбаг. Джахангир-мирза пришел мне служить. Сыновья Айюба, Юсуф и Бахлуль, с тех пор как ушли к мирзе, побуждали его к мятежу и злым делам. В этот раз я увидел, что Джахангир-мирза не такой, как прежде. Через несколько дней он выступил из Тиба, облачился в доспехи и быстро ушел в Газни. Он захватил крепость Наин, убил там несколько человек и ограбил всех жителей. Вместе со своими людьми он прошел через становища хезарейцев в сторону Бамиана. Богу известно, что ни я, ни подвластные мне люди не сделали и не сказали чего-нибудь, что могло бы быть причиной подобного недовольства и вражды. Позже я слышал, что причиной своего ухода Джахангир-мирза выставил следующее: когда он пришел из Газни и Касим-бек с другими беками вышли ему навстречу, мирза пустил сокола на перепелку. Сокол настиг ее и уже выпустил когти, но перепелка бросилась на землю. Все закричали: «Взял? Взял?» Касим-бек сказал: «Он до такой степени загонял добычу; как же он ее выпустит? Возьмет!» Эти слова показались мирзе дурным предзнаменованием и были одной из причин его ухода. Он ссылаясь также на другие слова, еще безобиднее этих.

Поступив в Газни таким образом, мирза направился через становища хезарейцев к аймакам. В это время аймаки отделились от Насыра-мирзы, но не примкнули к Шейбани-хану; они находились в Бае, Астерабе и окрестных летовках.

В это время Султан-Хусейн-мирза, твердо решившись разбить Мухаммеда Шейбани-хана, велел созвать всех своих сыновей. Ко мне он тоже прислал Сейида-Афзаля, сына Сейида-Султан-Али Хаб-бина, призывая меня. Направиться в Хорасан нам

было необходимо по нескольким причинам. Во-первых, когда столь великий государь, как Султан-Хусейн-мирза, сидящий на месте Тимур-бека, собрав людей, созывает со всех концов своих сыновей и беков, чтобы двинуться против такого врага, как Шейбани-хан, то если другие идут на ногах, мы пойдем на голове, и если другие пойдут с палкой, мы пойдем с камнем. Во-вторых, раз Джехангир-мирза ушел с таким неудовольствием и злобой, нужно было либо рассеять его неудовольствие, либо обезвредить его.

В том году Шейбани-хан десять месяцев осаждал Чин-Суфи в Хорезме и взял город. Во время этой осады были большие бои. Хорезмские йигиты сделали много смелых дел. Они так хорошо пускали стрелы, что не раз простреливали насквозь щит и кольчугу, а иногда—две кольчуги врага. Десять месяцев терпели они осаду, не имея никакой надежды на помощь. Некоторые йигиты, проявив малодушие, вступили с Шейбани-ханом в переговоры и ввели его в крепость. Чин-Суфи, узнав об этом, пришел сам на место боя. Когда он сбивал с коней вошедших в крепость врагов, его собственный телохранитель, наставив стрелу, поразил его сзади, и он умер. Никого не осталось, чтобы сражаться, крепость взяли. Помилуй, аллах, Чин-Суфи! Храбро сражаясь, он не упустил ни одной мелочи. Шейбани-хан отдал Хорезм Кепек-бию, а сам пошел в Самарканд.

В конце этого года, в месяце зуль-хидже, Султан-Хусейн-мирза повел войско на Шейбани-хана и, достигнув Баба-Илахи, отправился к милости божией.

Его рождение и происхождение. Он родился в восьмьсот сорок втором году в Герате, во времена Шахруха-мирзы. Султан-Хусейн-мирза – сын Мансура, сына Байкара, сына Омар-Шейха, сына эмира Тимура (Мансур-мирза и Байкара-мирза не были государями). Матерью его была Фирюза-биким, внучка Тимур-бека; Султан-Хусейн-мирза был также

внуком Миран-шаха-мирзы, это был благородный государь, родовитый по отцу и по матери. Их было два единородных сына и две дочери. Байкара-мирза, Султан-Хусейн-мирза, Ака-биким, и еще одна дочь, Бадке-биким, которую взял Ахмед-хан. Байкара-мирза был старше Султан-Хусейна-мирзы и был его нукером, но не присутствовал в диване. Вне дивана они сидели на одном коврике. Младший брат дал ему область Балха, несколько лет он был там правителем. У него было три сына: Султан-Мухаммед-мирза, Султан-Веис-мирза и Султан-Искандер-мирза.

Ака-биким была старшая сестра Султан-Хусейна-мирзы. Внук Миран-шаха-мирзы, Султан-Ахмед-мирза взял ее в жены, у нее был один сын, по имени Кичик-мирза. Сначала он служил своему дяде, потом оставил военное дело и занялся чтением. Говорят, он был ученый. Дар к стихотворству у него тоже был; ему принадлежит такое рубаи:

Всю жизнь праведностью я хвалился,
В качестве постника себя показывал.

Когда пришла любовь – какое постничество, что за праведность!
Благодарение аллаху, я испытал себя.

Получилось совпадение с рубаи муллы Джамии. В конце жизни он совершил паломничество и обход вокруг Кабы.

Бадке-биким тоже была старше мирзы. В дни казначества он отдал ее за Ахмед-хана, хана Хаджитарханского. У нее было два сына. Придя в Герат, они долгое время служили мирзе.

Наружность и внешние качества. Он был человек с раскосыми глазами, рослый, сложенный как лев, тонкий в поясе. Хотя он прожил много лет и стал седобородым, но одевался в красивые шелка, красный и зеленый, носил черную

мерлушковую шапку или колпак. Иногда, в праздник, он ходил на молитву в маленьком плоском тюрбане, дурно намотанном в три оборота, с воткнутым в него пером цапли.

С в о й с т в а и п о в а д к и. Впервые заняв престол, он сначала имел мысль поминать в хутбе двенадцать шиитских имамов. Алишер-бек и еще кое-кто его удерживали. Но потом все его действия и поступки были согласны с установлениями сунны и общины. Вследствие болезни суставов он не мог совершать молитву, поста также не держал. Это был говорун и веселый человек, нрав у него был немного переменчивый и слова его были таковы, как нрав. В некоторых своих поступках он очень тщательно соблюдал закон. Как-то раз его сын убил человека, и он отдал его родичам убитого и послал в судилище.

В первые шесть-семь лет после занятия престола он воздерживался от вина, потом принялся пить. За те сорок почти лет, что он был государем в Хорасане, не было дня, чтобы он не пил после полуденной молитвы, но утром он никогда не пил. Его сыновья и все воины и горожане вели себя так же: неумеренно предавались увеселениям и разврату.

Он был смелый и мужественный человек, не раз сам действовал мечом и можно сказать, что даже в каждом бою неоднократно пускав в ход меч. Среди потомков Тимур-бека не знают никого, кто бы так рубился на мечах, как Султан-Хусейн-мирза. Дар к стихотворству у него тоже был, он даже составил диван. Он сочинял стихи по-тюркски, его тахаллус был «Хусейни». Некоторые его стихи неплохи, но только диван мирзы весь в одном размере. Хотя он и по годам и по власти был великий, государь, но, как молодой, разводил боевых баранов, гонял голубей и даже стравливал петухов.

Е г о б и т в ы и с р а ж е н и я. В дни казачества он однажды переправился вплавь через разлившуюся реку и разбил отряд врагов. В другой раз Султан-Абу-Саид-мирза послал на него три тысячи человек под начальством Мухаммед-Али

Бахши. Султан-Хусейн-мирза, придя с шестьюдесятью йигитами, наткнулся на них и наголову разбил их. Это одно из славных и выдающихся дел Султан-Хусейна-мирзы. В другой раз под Астрабадом он сразился с Султан-Махмудом-мирзой и победил. Еще один раз, тоже под Астрабадом, он вступил в бой с Са'д-ибн-Хусейном Са'длу, туркменом, и победил его. После занятия престола он сразился под Чинараном с Ядгар-Мухаммедом-мирзой и одержал победу. В другой раз, когда он спешно пришел от моста на Мургабе, Ядгар-Мухаммед-мирза лежал в Баг-и-Загане и пил. Султан-Хусейн-мирза взял его в плен. После этого пленения он удержал Хорасан.

В окрестностях Шапургана и Андхуда, под Чекменом, он сразился с Султан-Махмудом-мирзой и вышел победителем.

Когда Абу-Бекр-мирза пришел из Ирака и, соединившись с туркменами Кара-Куйлук, разбил Улуг-бека-мирзу у Текане и Химара, он взял Кабул. Потом, тревожась об Ираке, бросил Кабул, прошел через Хайбер, Хушаб и окрестности Мультана в Сиви, а оттуда двинулся на Кирман и взял его, но не мог там удержаться и пришел в область Хорасана; Султан-Хусейн-мирза, придя спешным ходом, взял его в плен.

В другой раз, у Пуль-Чирага, он разбил одного из своих сыновей, Бади-аз-Замана-мирзу; под Хальва-Чешме он победил двух своих сыновей Абу-ль-Мухсина-мирзу и Кепек-мирзу.

Однажды он повел войско на Кундуз, осадил его, но не мог взять и вернулся.

В другой раз он осадил Хисар, но тоже не мог взять эту крепость и возвратился обратно.

Еще один раз Султан-Хусейн-мирза пошел на область Зу-н-Нуна; даруга Буста сдал крепость, но больше Султан-Хусейн-мирза ничего не сделал. Буст он тоже оставил и возвратился обратно. Столь великий и смелый государь как Султан-Хусейн-мирза в эти два-три похода не проявил решимости, подобающей дарю, и вернулся, ничего не доведя до конца.

В другой раз, при Уланг-Нишине, он вступил в бой со своим сыном мирзой Бади-аз-Заманом, который пришел вместе с Шах-беком, сыном Зу-н-Нуна, и разбил его. При этом случилось удивительное совпадение обстоятельств. С Султан-Хусейном-мирзой было мало войска: большую часть своих сил он послал в окрестности Астрабада. В день этого сражения войска, ушедшие под Астрабад, вернулись и соединились с Султан-Хусейном-мирзой. С другой стороны, Султан-Масуд-мирза, который, отдав Байсункар-мирзе Астрабад, направлялся к Султан-Хусейну-мирзе, тоже пришел именно в это время. Хайдар-мирза, спешно выступивший в Себзар навстречу Бади-аз-Заману-мирзе, также явился как раз в тот день.

В л а д е н и я С у л т а н - Х у с е й н а - м и р з ы. Областью, которою он владел, был Хорасан. На востоке его земель – Балх, Газни, Вистам и Дамган, на севере – Хорезм, на юге Кандахар и Систан. Когда в его руках оказался такой город, как Герат, Султан-Хусейн днем и ночью только и делал, что наслаждался и веселился; больше того, среди его слуг и приспешников не было человека, который бы не наслаждался и не веселился. Султан-Хусейн не подвергал себя тяготам миродержавия и полководчества; поэтому с течением времени дружины его и владения не увеличивались, стали незначительными.

Д е т и С у л т а н - Х у с е й н а - м и р з ы. Он оставил четырнадцать сыновей и одиннадцать дочерей. Старше всех его сыновей – Бади-аз-Заман-мирза; его мать была дочерью Санджара-мирзы из Мерва. Другим его сыном был Шах-Гариб-мирза; он был горбатый. Хотя он был дурно сложен, но способности имел хорошие; хотя его тело было бессильно, слова его были приятны. Он принял тахаллус «Гариби» и даже составил диван. Он сочинял стихи по-персидски и по-тюркски. Вот один его стих:

Проходя, я увидел девушку с лицом пери и стал от нее безумным.
Как ее имя и где ее дом – не знаю.

Султан-Хусейн-мирза несколько раз поручал управление Гератом Шах-Гарибу-мирзе. Он умер при жизни своего отца. После него не осталось ни сына, ни дочери.

Еще был Музаффар-мирза. Это был любимый сын. Султан-Хусейна-мирзы, хотя его качества и поступки не таковы, чтобы возбудить любовь. Сыновья Султан-Хусейна-мирзы, из-за того, что он ставил Музаффара много выше их, в большинстве восстали. Матерью Шах-Гариба-мирзы и Музаффара-мирзы была Хадича-биким, наложница Султан-Абу-Саида-мирзы, от которого у нее была еще дочь по имени Ак-биким.

Еще у Султан-Хусейна были сыновья Абу-ль-Мухсин-мирза и Кепек-мирза, настоящее имя которого было Мухаммед-Мухсини. Матерью обоих была Латыф-Султан-Агаче.

Другим его сыном был Абу-Тураб-мирза; сначала о нем говорили очень хорошие вещи. Когда нездоровье его отца усилилось, Абу-Тураб-мирза услышал другие разговоры и бежал со своим младшим братом Мухаммед-Мухсином-мирзой в Ирак. В Ираке он бросил военное дело и избрал для себя дервишество. Больше сведений о нем не дошло. У него был один сын по имени Сухраб-мирза. Когда я разбил султанов-шейбанидов под начальством Хамзы-султана и Мехди-Султана и взял Хисар, он был при мне. Он был слепой на один глаз, удивительно дурен собой, и внутренние качества его были такими же, как его облик. Он совершил некое безобразие, поэтому не мог оставаться у меня и ушел. В окрестностях Астрабада Наджм-и Сани, подвергнув пытке Сухраба-мирзу, за совершенные гнусности убил его.

Еще был Мухаммед-Мухсин-мирза. В Ираке его и шаха Исмаила однажды заточили в одном и том же месте; в то время он стал муридом шаха Исмаила, потом сделался грубым рафи-

дитом¹. Хотя его отец и старшие братья все были сунниты, он так и умер рафидитом в Астрабаде, пребывая в заблуждении и ложной вере. Его считали смельчаком и богатырем, но он не совершил ни одного дела, о котором стоило бы написать. У него была способность к стихотворству. Вот его стих:

За какой добычей ты гонишься, что так покрыт пылью?
Чье горячее сердце вогнало тебя в испарину?

Еще был Феридун-Хусейн-мирза. Он с силой натягивал лук и хорошо метал стрелы. Чтобы натянуть его лук, требовался, говорят груз в сорок батманов. Сам он был очень смел, но не был счастлив в бою: всюду, где ни сражался, терпел поражение. Под Рабат-и Дудером Феридун-Хусейн-мирза и его младший брат Ибн-Хусейн-мирза вступили в бой с Тимур-Султаном, Убейд-Султаном и передовыми отрядами Шейбани-хана и были разбиты; Феридун-Хусейн-мирза держал себя там очень смело. В Дамгане Феридун-Хусейн-мирза и Мухаммед-Заман-мирза попали в плен к Шейбани-хану; тот не убил их, а отпустил обоих. Потом, когда Шах-Мухаммед-Диване укрепился в Келате, Феридун-Хусейн-мирза ходил в Келат. Когда Шейбани-хан взял Келат, мирза попал в плен и его убили.

Эти три царевича родились от наложницы мирзы по имени Мингли-Бий-агаче.

Еще был Хайдар-мирза; матерью его была Пайенде-Султан-биким, дочь Султан-Абу-Саида-мирзы. При жизни своего отца Хайдар-мирза некоторое время правил в Мешхеде и Балхе. Когда Султан-Хусейн-мирза осаждал Хисар, он взял для Хайдар-мирзы в жены дочь Султан-Махмуда-мирзы от Ханзаде-бекима, заключил мир и ушел из-под Хисара. От него осталась всего одна дочь по имени Шад-биким; позднее она прибыла в

---

¹ Рафидитами называли крайних шиитов.

Кабул и ее выдали за Адил-султана. Хайдар-мирза ушел из мира еще при жизни своего отца.

Еще был Мухаммед-Масум-мирза. Отец отдал ему Кандахар. Он высватал для сына одну из дочерей Улуг-бека-мирзы. Когда ее привезли в Герат, то устроили большой той.

Хотя отец дал Кандахар мирзе, но все и хорошее и дурное, исходило там от Шах-бека-Аргуна. У мирзы не было ни власти, ни значения. Поэтому он не остался в Кандахаре и ушел в Хорасан. Еще при жизни своего отца он умер.

Еще был Фаррух-Хусейн-мирза. Он не обрел долгой жизни и ушел из мира раньше своего младшего брата Ибрахим-Хусейн-мирзы. Ибрахим-Хусейн-мирза имел неплохие способности; неумеренно упиваясь гератским вином, он умер еще при жизни своего отца.

Еще был Ибн-Хусейн-мирза и Мухаммед-Касим-мирза; упоминание о них должно последовать. Матерью этих пяти царевичей была Папа-Агаче, наложница.

Старшей из дочерей Султан-Хусейна-мирзы была Султанымбиким; она родилась у матери одна. Ее мать, по имени Чули-биким, была дочерью одного из адакских беков. Султаным-биким очень хорошо говорила; затруднений в словах у нее не было.

От Пайенде-султан-биким у Султан-Хусейна-мирзы было четыре дочери. Первая была Ак-биким; он выдал ее замуж за Мухаммед-Касима Арлата, внука Бике-биким, младшей сестры Бабура-мирзы; у них была одна единственная дочь, по имени Кара-Куз-биким. Ее взял в жены Насыр-мирза.

Вторая дочь была Кичик-биким. Мас'уд-мирза чувствовал к ней большую склонность, но сколько он ни старался, Пайенде-султан-биким, которой это не нравилось, не отдала ее.

От Мингли-бий-апаче у Султан-Хусейна-мирзы было две дочери. Старшую звали Байрам-Султан; ее выдали замуж за Сейид-Абдаллаха-мирзу, из рода андхудских сейидов, внука по матери Байкара-мирзы.

Еще одну дочь звали Фатиме-Султан, ее отдали Ядгар-мирзе из рода Тимур-бека.

От Папа-Агаче у Султан-Хусейна было три дочери. Старше всех была Султан-Нижад-биким; Султан-Хусейн-мирза выдал ее за Искандер-мирзу, младшего сына своего старшего брата.

Вторая дочь была Биким-Султан. После того, как у Султан-Масуда мирзы пострадали глаза, девушку отдали за него.

Третью дочь отдали замуж за одного из андхудских сейидов, которого называли Сейид-мирза. Он более всего известен под этим прозвищем.

Была у него еще одна дочь, от наложницы, по имени Айша-Султан: Ее матерью была Зубейда-Ага, внучка Хасан-шейха-Тимура.

Жены и наложницы Султан-Хусейн-мирзы. Первой его женой была Бике-Султан-биким; она была дочерью Санджара-мирзы из Мерва. Бади-аз-Заман-мирза родился от нее. Она была очень сварлива; ее строптивость надоела мирзе и он, в конце концов, избавился от нее. Что поделаешь! Права были на стороне мирзы.

Дурная жена в доме хорошего мужа
И в этом мире создает ад.

Да не пошлет бог никому из мусульман подобного бедствия, да не оставит господь на земле сварливой жены с дурным нравом!

Еще была Чули-биким; она была дочерью адакских беков. От нее родилась Султаным-биким.

Еще была Шахр-Бану-биким, дочь Султан-Абу-Саида мирзы.

Султан-Хусейн-мирза взял ее после того, как овладел престолом. В битве при Чекмене, когда все жены мирзы вышли из носилок и сели на коней, Шахр-Бану-биким из гордости не вышла из носилок и не села на коня. Об этом сообщили мирзе; мирза

по этой причине оставил Шахр-Бану-биким и взял ее младшую сестру Пайенде-Султан-биким. Когда Шейбани-хан захватил Хорасан, Пайенде-Султан-биким ушла в Ирак и умерла в Ираке, на чужбине.

Еще была Хадича-биким, наложница Султан-Абу-Саида мирзы. От мирзы у нее была одна дочь по имени Ак-биким. После гибели Султан-Абу-Саида-мирзы в Ираке она прибыла в Герат; в Герате ее взял Султан-Хусейн и полюбил. Со степени наложницы она возвысилась до степени биким и позднее стала весьма могущественной. Мухаммед-Мумина-мирзу убили по ее настоянию. Когда сыновья Султан-Хусейн-мирзы восстали, она была больше всех причиной этого. Хадича-биким считала себя умной, но была неразумной и болтливой женщиной. Кроме того, она была рафидиткой. Шах-Гариб-мирза и Музаффар-Хусейн-мирза родились от нее.

Еще была Аппак-биким; от нее не было ни сына, ни дочери; Папа-Агаче, которая была такой любимицей мирзы, приходилась ей молочной сестрой; так как у Аппак-биким не было ни сына, ни дочери, то она воспитывала сыновей Папа-Агаче, словно своих собственных детей. Во время болезни мирзы она очень хорошо ему прислуживала; никто из жен не мог так служить. В тот год, когда я прибыл в Хиндустан, Аппак-биким явилась туда из Герата. Я оказал ей большой почет и уважение. Во время осады Чендери пришло известие, что над ней в Кабуле исполнился божий приговор.

Из наложниц одна была Латыфа-Султан-агаче. Она из рода Чаршамбе, от нее родились Абу-ль-Мухсин-мирза и Кепек-мирза.

Еще была Папа-агаче, молочная сестра Аппак-биким. Мирза увидел ее, полюбил и взял. Она была матерью пяти сыновей и четырех дочерей, как уже упомянуто.

Еще была Биким-Султан-агаче, от нее не было ни сына, ни дочери.

Кроме них было еще много наложниц, хороших и плохих.

Уважением из жен и наложниц пользовались те, которые упомянуты.

Удивительно то, что у столь великого государя, как Султан-Хусейн-мирза, царствовавшего в таком городе ислама, как Герат, из этих четырнадцати сыновей только трое не были детьми прелюбодеяния. Он сам, его сыновья и жители города были очень склонны к распутству, из-за этой скверны и случилось так, что от столь великого дома через семь-восемь лет после смерти Султан-Хусейна не осталось, кроме Мухаммед-Замана-мирзы, ни следа, ни признака.

Э м и р ы С у л т а н - Х у с е й н а - м и р з ы. Один эмир был Мухаммед Бурундук Барлас. Он из рода Чаку-барласов. Мухаммед Бурундук-ибн-Али-ибн Бурундук-ибн-Джехан-Шах-ибн-Чаку Барлас. Он был беком при Бабур-мирзе, потом Султан-Абу-Саид-мирза тоже оказывал ему почет: он отдал ему и Джехангиру Барласу Кабул и назначил его дядькой Улуг-бека-мирзы. После смерти Султан-Абу-Саида-мирзы Улуг-бек-мирза встал на путь злоумышления против барласов; те догадались, схватили мирзу, прогнали его людей и выступили в Кундуз. На Хиндукуше они вежливо отправили мирзу в Кабул, а сами пошли в Хорасан, к Султан-Хусейну-мирзе. Мирза тоже оказал им большой почет. Мухаммед Бурундук был человек очень знающий и великий военачальник. У него была большая склонность к соколам, так что если сокол умирал или пропадал, Мухаммед Бурундук Барлас называл имя какого-нибудь своего сына и говорил: «чтобы такому-то умереть», или: «лучше такому-то сломать себе шею, чем умереть или пропасть этому соколу».

Еще был Музаффар Барлас. В дни казачества он находился при мирзе. Не знаю, какие его качества понравились мирзе; он оказывал ему очень большой почет. Значение его достигло такой степени, что Султан-Хусейн-мирза, во времена казачества, заключил с ним следующее условие: во всякой области,

которая будет покорена, четыре шестых пространства достанутся мирзе, две шестых – Музаффару Барласу. Это удивительное условие! Когда бывало, чтобы приближенного делали себе товарищем в царской власти? Даже с братом или сыном такое условие невозможно, как же оно возможное беком? После захвата престола Султан-Хусейн-мирза раскаялся в этом условии, но что пользы? Тот скудоумный человек, пользуясь все таким же почетом задира перед мирзой нос. Он ничего не делал согласно с мнением мирзы. В конце концов он, говорят, был отравлен, но аллах лучше знает истину.

Еще был Алишер-бек Навои. Он был не беком, он был товарищем мирзы. В детстве они учились в одной школе, между ними была большая близость. Не знаю, за какую провинность Султан-Абу-Сайд-мирза удалил Алишер-бека из Герата. Алишер-бек отправился в Самарканд. В те несколько лет, которые он провел в Самарканде, Ахмед-Хаджи-бек оказывал ему поечение и поддержку. Алишер-бек известен тнекотливостью драна. Думали, что его чувствительность происходила от обольщения властью. Это не так. Подобное качество было у него от природы. Когда оно был в Самарканде, то тоже отличался такой щекотливостью нрава.

Алишер-бек был человек бесподобный. С тех пор как на тюркском языке сочиняют стихи, никто другой не сочинял так много и так хорошо. Он сложил шесть книг месневи: пять – в ответ на «Пятерицу» и еще одну – «в подражание «Языку птиц», тоже названную «Беседа птиц». Четыре-дивана газелей составил он под названием: «Диковины детства», «Редкости юного возраста», «Чудеса средней поры жизни» и «Полезные поучения старости». Хорошие рубаи у него тоже есть, есть еще и другие сочинения, но они ниже и слабее упомянутых. В их числе – написанные им письма. Подражая маулана Абд-ар-Рахману Джами, он собрал все письма, которые писал кому-нибудь по какому-либо поводу.

Еще он написал книгу о стихосложении под названием «Весы стихотворных размеров». Она очень несовершенна: при ведя размеры двадцати четырех рубаи, он сделал ошибку в четырех размерах; в некоторых других метрах он тоже ошибся, Человеку, осведомленному в просодии, это будет заметно.

Он составил также и персидский диван. В персидских стихах он употреблял тахаллус «Фани». Некоторые его персидские стихи недурны, но большинство их слабо и плохо. В музыке он сочинял хорошие вещи, у него есть хорошие накши и пишравы¹

Неизвестно, существовал ли когда-нибудь другой такой друг и покровитель людей науки и искусства, как Алишер-бек. Устад-Куль-Мухаммед, Шейхи-Наи и Хусейн-Уди, которые были мастерами в игре на инструментах, приобрели громкую славу и успех при помощи и поддержке бека. Устад-Бехзад и Шах-Музаффар стали столь славны и известны благодаря заботе и стараниям бека. Мало кому удавалось построить столько полезных зданий, сколько построил он.

Без сына, дочери, жены и семьи прошел он в мире, одиноко, без помехи. Сначала он был хранителем печати, в середине жизни стал беком и некоторое время правил в Астрабаде, потом оставил военное дело. От мирзы он ничего не брал, наоборот, каждый год подносил мирзе в подарок большие деньги. Когда мирза возвращался из похода на Астрабад, Алишер-бек выехал ему навстречу. Поздоровавшись с мирзой, он хотел встать, но не смог подняться. Его подняли и унесли. Распознать болезнь никак не смогли. На следующее же утро он отправился к милости аллаха.

Один его стих соответствует этому событию:

Я умираю от недуга, но так как болезнь не явна,
То чем могут помочь лекари в этой беде?

---

¹ *Накш и пишрав* – типы музыкальных произведений.

Еще был Ахмед-Таваккуль Барлас. Раньше он довольно долго правил в Кандахаре.

Еще был Вали-бек. Он из потомков Ходжи-Сейф-ад-дин-бека, нукер. Был у мирзы великим беком. После того, как Султан-Хусейн-мирза занял престол, Вали-бек недолго пользовался жизнью и вскоре умер. Это был хороший мусульманин, исправно совершавший молитвы, простой и правдивый человек.

Еще был Хасан-Шейх-Тимур. Бабур-мирза, оказывая ему почет, возвысил его до степени бека.

Еще был Нойон-бек. Отец его из термезских сейидов. Со стороны матери он родич и Султан-Абу-Саиду-мирзе, и Султан-Хусейну-мирзе. Султан-Абу-Саид-мирза оказывал ему почет, при Султан-Ахмеде-мирзе он был уважаемым беком. У Султан-Хусейна-мирзы он тоже встретил большой почет. Гуляка, весельчак, пьяница и кутила был. Хасан-Якуба, так как он был у него в услужении, называли также Хасан-и Нойон.

Еще был Джехангир Барлас. Он некоторое время правил в Кабуле вместе с Мухаммедом Бурундуком, потом ушел к Султан-Хусейну-мирзе. Тот оказал ему большой почет. Его повадки и обращение были изящны и вежливы. Приятный был человек. Так как он хорошо знал обычаи и повадки охотничьих птиц, то Султан-Хусейн-мирза большей частью поручал эти дела ему. Он был другом Бади-аз-Замана-мирзы. Мирза, вспоминая общение с ним, хвалил его.

Еще был Мирза Ахмед-Али-Фариси Барлас. Хотя он и не сочинял стихов, но был человек даровитый, остроумный, знаток поэзии и простой.

Еще был Абд-аль-Халик-бек. Фируз-Шах-бек, который был уважаемым беком у Шахрух-мирзы, – его дед; поэтому Абд-аль-Халика называли Абд-аль-Халик-и Фируз-Шах. Некоторое время он правил в Хорезме.

Еще был Ибрахим Дулдай. Он хорошо знал боевое дело и пути управления государством; это был второй Мухаммед Бурундук.

Еще был Зу-н-Нун Аргун. Смелый был человек. Находясь

при Султан-Абу-Саиде-мирзе в числе прочих вельмож, он хорошо сражался мечом; его руки тоже всегда доходили до дела. О его смелости спора нет, но это был человек несколько взбалмошный. Он ушел от наших мирз к Султан-Хусейну-мирзе, и тот отдал ему Гур и Никудери. С семьюдесятью или восьмьюдесятью воинами он в тех краях хорошо рубился мечом и, имея мало людей, разбил многочисленных хезарейцев и никудерийцев. Ни один человек не держал хезарейцев и никудерийцев так крепко в своей власти, как он. Через некоторое время ему отдали также и Заминдавер.

Сын Зу-н-Нуна, Шах-Шуджа Аргун, с малолетства всюду ходил с отцом и рубился мечом. Султан-Хусейн-мирза, уважая желание его отца, поручил ему управлять Кандахаром совместно с отцом. Потом эти отец и сын посеяли вражду между мирзой и его сыном и учиняли смуты.

Когда я захватил Хусрау-шаха, разлучил его со слугами и нукерами и отнял Кабул у Мукима, младшего сына Зу-н-Нуна, Зу-н-Нун и Хусрау-шах, став из-за меня беспомощными, пошли и свиделись с Султан-Хусейном-мирзой. После смерти Султан-Хусейна-мирзы Зу-н-Нун Аргун еще больше возвысился; ему отдали предгорные области под Гератом, Обе и Чахчаран. Когда Бади-аз-Заман-мирза стал государем совместно с Музаффаром-мирзой, Зу-н-Нун сделался полновластным вельможей при дворе Бади-аз-Замана-мирзы; при дворе Музаффара-мирзы полной властью пользовался Мухаммед-Бурундук Барлас. Хотя Зу-н-Нун Аргун и был смел, но это был человек взбалмошный и глупый; не будь он глупым и взбалмошным, разве поддался бы на грубую лесть, опозоривши самого себя? Дело в том, что когда Зу-н-Нун Аргун, находясь в Герате, пользовался столь великим уважением и властью, несколько шейхов и мулл пришли к нему и сказали: «С нами имеет общение кутб¹. Ты полу чил прозвание «Льва аллаха». Тебе предстоит взять в плен Шейбани-хана».

---

¹ *Кутб* – святой.

Зу-н-Нун поверил этой лести, повязал вокруг шеи платок и возблагодарил аллаха. Когда Шейбани-хан в окрестностях Бадгиса пошел на мирз и, не дав им соединиться, разбил их, Зу-н-Нун с сотней или полутора сотнями человек встал у Кара-Рабата лицом к лицу с Шейбани-ханом, считая льстивые слова правдой. Шейбани-хан со множеством людей подошел и тотчас же захватил их. Зу-н-Нуна убили.

Зу-н-Нун был человек чистой веры, никогда не пропускал молитв и часто совершал добавочные молитвы.

Он очень увлекался шахматами; если люди играют одной рукой, то Зу-н-Нун играл двумя руками. Он играл, как душе угодно. В характере его преобладали скупость и скаредность.

Еще был Дервиш-Али-бек, родной брат Алишер-бека. Некоторое время он управлял Балхом; в Балхе он проявил себя хорошим беком. Однако это был скудоумный, ни к чему неспособный человек. Когда Султан-Хусейн-мирза в первый раз ходил на Кундуз и Хисар, Дервиш-Али из-за своего скудоумия был отстранен от должности правителя Балха. В девяносто шестнадцатом году, когда я пришел в Кундуз, Дервиш-Али явился ко мне; это был шут и глупец, лишенный качеств бека, лишенный достоинств царедворца. Видимо, только благодаря посредничеству Алишер-бека он пользовался таким почетом.

Еще был Могол-бек. Некоторое время он управлял Гератом, потом ему отдали Астрабад. Из Астрабада он убежал в Ирак, к Якуб-беку. Это был человек простого нрава. Он постоянно играл в кости.

Еще-был Сейид-Бедр. Это был очень сильный человек с весьма красивыми движениями. Он удивительно владел ритмом и замечательно хорошо плясал. Исполнял какую-то необыкновенную пляску, – повидимому, он сам ее изобрел. Он постоянно находился при мирзе и неизменно был ему собутыльником и собеседником.

Еще был Ислим Барлас. Простой был человек, прекрасно

знал дело сокольников. Много он умел делать хорошо. О такой силой натягивал лук весом в тридцать сорок батманов, что насквозь пробивал доску. На стрельбище он скакал с одного конца до другого, снимал лук, целился на всем скаку, стрелял и попадал в цель. Еще он привязывал кольцо к веревке длиной в кари или полтора кари, а другой конец веревки прикреплял к палке, и сильно закручивал веревку. Покуда веревка раскручивалась, он пускал стрелу, и стрела пролетала через кольцо. Таких диковинных штук у него было много. Ислим Барлас постоянно находился при мирзе и присутствовал на всех попойках.

Еще был Султан-Джунейд Барлас. (Потом он ушел к Султан-Ахмеду-мирзе). Это отец того Султан-Джунейда Барласа, которому теперь частично принадлежит власть в Джаунпуре.

Еще был Абу-Саид-хан Дермиан¹. Не знаю, – оттого ли, что он подвел мирзе коня среди битвы или оттого, что прогнал врага, покушавшегося на мирзу, он получил такое прозвище.

Еще был Бехбуд-бек. Сначала он служил в отряде телохранителей. В дни казначества мирзы своими услугами он сумел понравиться мирзе и тот оказал Бехбуд-беку такую милость: на тамге и на монетах стояло его имя.

Еще был Шейхим-бек. Так как он употреблял тахаллус «Сухейли», то его называли Шейхим Сухейли. Он сочинял стихи особого рода, в которые включал устрашающие слова и мысли. Вот один из его стихов:

В ночь горя смерч моих вздохов сдвигает с места небесный
свод;
Дракон потока моих слез уносит обитаемую четверть земли.

Хорошо известно, что он однажды прочитал этот стих в присутствии маулана Абд-ар-Рахмана Джами. Маулана спросил

---

¹ *Дермиан* – буквально – ставший между или среди.

его: «Мирза, вы читаете стихи или пугаете людей?» Шейхим Сухейли составил диван; месневи у него тоже есть.

Еще был Мухаммед-Вали-бек; он был сыном того Вали-бека, о котором упоминалось; в конце жизни мирзы он стал при мирзе великим беком. Хотя он был великим беком, но никогда не бросал службы; днем и ночью он подпирает дворцовые двери. Столь прилежный к службе человек, конечно, должен был встретить столь же великое внимание. А в наше время – просто беда! – человека, который называется беком и водит за собой, пять-шесть шелудивых слепцов, приходится насильно тащить к дверям дворца. А подобная служба, – где она? Все это от бедности.

Стол и угощения Мухаммед-Вали-бека были очень хороши, он содержал своих нукеров в роскоши; бедному и убогому делал много добра. Он был сквернослов и ругатель. В девятьсот семнадцатом году, когда я взял Самарканд, Мухаммед-Вали-бек и Дервиш-Али Китабдар находились при мне. В то время он был параличный; ни в словах не было приятности, ни в нем самом. Он не заслуживал большого почета; вероятно, лишь усердная служба вознесла его на столь высокую ступень.

Еще был Баба-Али-ишик-ага. Ему оказал сначала внимание Алишер-бек и возвысил его до степени бека. Юнус-Али, который теперь состоит моим приближенным и царедворцем (о нем еще неоднократно придется упоминать), – сын этого Баба-Али.

Еще был Бедр-ад-дин. Раньше он состоял при садре Султан-Абу-Саида-мирзы, Мирек Абд-ар-Рахиме. Он был человек очень ловкий и проворный, говорят, перепрыгивал через семь лошадей. Они с Баба-Али были большими друзьями.

Еще был Хасан-Али-Джалаир. Его настоящее имя было Хусейн Джалаир, но он известен под именем Хасан-Али. Его отцу, Али-Джалаиру, оказал внимание Бабур-мирза и сделал его беком; потом, когда Ядгар Мухаммед взял Герат, выше Али-Джалаира не было человека.

Хасан-Али-Джалаир состоял при Султан-Хусейне-мирзе в качестве куш-беги¹; он был поэт и употреблял тахаллус «Туфейли». Касыды он сочинял очень хорошо и в свое время был вождем поэтов в этой области. В девятьсот семнадцатом году, когда я взял Самарканд, Хасан-Али-Джалаир пришел ко мне. Он провел возле меня пять-шесть лет; мне он тоже посвящал хорошие касыды. Он был бесстыдник, держал мальчиков, постоянно играл в нарды и в кости.

Еще был Ходжа-Абд-Аллах Мерверид; раньше он был садром, потом стал царедворцем, приближенным и беком. Это был человек, полный достоинств; никто так не умел играть на кануне²; делать трели на кануне – его изобретение. Он хорошо писал многими почерками, лучше всего «таликом», прекрасно составлял деловые бумаги и был хорошим собеседником. Стихи он тоже писал, пользуясь тахаллусом «Байяни». Его способности к стихосложению, в сравнении с другими достоинствами, были много ниже, но он хорошо знал поэзию. Ходжа Абд-Аллах был развратник и бесстыдник; от дурных последствий разврата он заболел и покрывался чирьями; лишившись рук и ног, он в муках и страданиях прожил несколько лет и ушел из мира от этой дурной болезни.

Еще был Мухаммед-Сейид-Урус. Урус-Аргун, который стал великим и полновластным беком, когда Султан-Абу-Саид-мирза захватил престол, – его отец. В те времена были йигиты, хорошие стрелки – Мухаммед-Сейид-Урус один из таких мастеров: лук у него был тугой, стрела – длинная; крепкий, хороший стрелок был. Некоторое время он правил Андхудом.

Еще был Мир-Али-Мир-Ахур. Это тот человек, который послал к Султан-Хусейну-мирзе человека и повел его на Ядгар-Мухаммеда-мирзу, когда тот беспечно спал.

---

¹ *Куш-бег* – буквально – главный сокольничий; одна из высших придворных должностей.

² *Канун* – музыкальный инструмент.

Еще был Сейид-Хасан-Оглакчи. Это был сын Сейида Оглакчи, младший брат Сейид-Юсуф-бека. У него был сын, по имени Мирза-Фаррух, человек способный и достойный. В девятьсот семнадцатом году, когда я взял Самарканд, Сейид-Хасан пришел ко мне; хотя он сочинял мало стихов, но делал это хорошо. Он прекрасно знал астролябию и звезды, беседа и общение с ним были приятны. Сейид-Хасан был несколько буен во хмелю; погиб он под Гиждуваном.

Еще был Тенгри-Берды Саманчи. Храбрый, смелый был бек, хороший рубака. У ворот Балха он здорово покалечил и захватил знатного нукера Хусрау-шаха, по имени Назар-бахадур, как уже было упомянуто.

Еще было несколько туркменских беков, которые, придя к мирзе, снискали его благоволение. Раньше других пришли Алихан Баяндур, Асад-бек и Тахамтан-бек; эти двое последних были родные братья. Дочь Тахамтан-бека взял за себя Бади-аз-Заман-мирза; от нее родился Мухаммед-Заман-мирза.

Были еще Ибрахим-Чагатай и Омар-бек. Омар-бек в последнее время находился при Бади-аз-Замане-мирзе. Это был храбрый, отважный, хороший человек. Один из его сыновей, по имени Абу-ль-Фатх, явился ко мне из Ирака; в настоящее время он тоже находится со мною. Очень слабый, несмелый человек, без малейшей твердости. От такого отца и такой сын!

Один из тех, которые явились к Султан-Хусейну позднее и, после того, как шах Исмаил завладел Ираком и Азербайджаном, пришли оттуда в Хорасан, был Абд-аль-Баки-мирза. Он из рода Тимур-бека, потомок Миран-шаха. Еще раньше его потомки, придя в те земли, выбросили из головы притязания на власть и служили тамошним государям, которые проявили к ним благосклонность. Дядя этого Абд-аль-Баки-мирзы, Тимур-Осман, был великим и уважаемым беком при Якуб-беке; однажды он даже собрал большое войско и намеревался идти на Хорасан.

Когда Абд-аль-Баки-мирза пришел, Султан-Хусейн-мирза оказал ему внимание и, выдав за него Султаным-биким, мать Мухаммед-Султана-мирзы, сделал его своим зятем. В числе беков, пришедших позднее, был также Мурад-бек Баяндури.

Одним из садров был Мир-Сер-и Берехне. Он уроженец одной из деревень Андижана и, кажется, выдавал себя за сейида. Это был очень приятный собеседник, даровитый и красноречивый человек. Для людей науки и поэтов Хорасана его суждение и слово имели значение и считались основательными. Он загубил свою жизнь, пытаясь составить длинную, объемистую, лживую повесть, наподобие повести об эмире Хамзе. Это дело, противное естеству и разуму.

Еще был Кемаль-ад-дин-Хусейн Газергахи. Он выдавал себя за суфия, хотя он и не был им. Такого рода мнимые суфии собирались подле Алишер-бека и устраивали радения, впадая в восторг. Кемаль-ад-дин знал основы суфизма; это и было, вероятно, причиной благосклонности к нему; других достоинств, о которых стоило бы говорить, у него не было. Есть у него одно сочинение: «Собрание влюбленных», которое он посвятил Султан-Хусейну-мирзе; это очень слабое сочинение, там больше всего лжи, и бесвкусовой лжи. Он писал такие дерзкие слова, что некоторые подозревали его в нечестивости. Так, например, он приписал многим пророкам (мир над ними!) и святым плотскую любовь и нашел для каждого из них любимую и возлюбленную. Еще одна удивительная глупость заключается в том, что он в предисловии говорит, будто это сочинение составлено и написано самим Султан-Хусейном-мирзой, а о приводимых в книге своих собственных стихах и газелях везде пишет: «Сочинение автора книги». Благодаря лести этого Кемаль-ад-дина Хусейна Зу-н-Нун Аргун и получил прозвище «Льва аллаха».

В е з и р и. Один везирь был Маджд-ад-дин Мухаммед. Он был сыном Пир-Ахмеда Хавафи, полномочного дивана¹ Шахруха-мирзы. Сначала в диване Султан-Хусейна-мирзы не было же-

---

¹ *Диван* – начальник финансового ведомства.

лательного порядка и устройства, растраты и мотовство были велики; ни народ не был зажиточен, ни войско благодарно. В то время Маджд-ад-дин Мухаммед состоял в должности перваначи¹ и его называли Мирек. Когда мирзе понадобилось немного денег, он потребовал их у служащих дивана; те ответили: «Нет и достать нельзя». Маджд-ад-дин Мухаммед был тут же. Он улыбнулся. Мирза спросил о причине этого; Маджд-ад-дин, оставшись с ним наедине, высказал все, что было у него на сердце и заявил: «Если мирза, заключив условие, даст мне власть и не будет противоречить мне, я в короткое время сделаю так, что страна станет благоустроена, народ – благодарен, казна полна и войско многочисленно». Мирза заключил желательное Маджд-ад-дину условие и отдал все области Хорасана ему во власть и возложил все важные дела на его ответственность. Маджд-ад-дин, со своей стороны, приложив все усилия и старания, в короткое время сделал народ и войско довольными и благодарными; в казну он тоже доставил много денег и сделал области благоустроенными и процветающими. Однако Маджд-ад-дин враждебно относился к бекам и должностным лицам, во главе которых стоял Алишер-бек; по этой причине все его не взлюбили. Доносами и происками заставили схватить Маджд-ад-дина Мухаммеда и отстранить его от должности. Вместо него диваном стал Низам-аль-Мульк. Спустя некоторое время Низам-аль-Мулька тоже схватили и убили, а из Ирака вызвали Ходжу-Афзала и сделали диваном. В то время, когда я пришел в Кабул, Ходжа-Афзала сделали беком. В диване он тоже ставил печать.

Еще был Ходжа-Ата. Хотя он не занимал такой высокой должности и не был диваном, как предыдущие, но во всех областях Хорасана ни одно важное дело не решалось без совета Ходжи-Ата. Он был богобоязненный и благочестивый человек и исправно творил молитвы.

---

¹ *Перваначи* – в данном случае личный секретарь.

Упомянутые везири были главными приближенными и при- спешниками Султан-Хусейна-мирзы.

Время Султан-Хусейна-мирзы было удивительное время. Хорасан, в особенности город Герат, были полны ученых и замечательных людей. Каждый, кто занимался каким-нибудь делом, имел цель и желание довести это дело до совершенства.

Одним из выдающихся людей того времени был маулана Абд-ар-Рахман Джами. В его время не было человека, столь сведущего в светских и духовных науках. Стихи его хорошо известны. Достоинства маулана Джами выше того, чтобы была нужда их восхвалять; мне пришла мысль начертать на этих ничтожных страницах его имя и упомянуть некоторые из его качеств только ради собственного счастья и блага.

Еще был шейх-аль-ислам Сейф-ад-дин-Ахмед. Он из потомков маулана Сад-ад-дина Тафтазани, которые давно были шейх-аль-исламами в государствах Хорасана. Очень ученый был человек. Хорошо знал арабскую словесность и науки, основанные на предании. Он отличался великой набожностью и благочестием, и хотя был шафиит по исповеданию, но почитал и другие мусульманские толки. Говорят, что он почти семьдесят лет не пропускал соборной молитвы. Когда шах Исмаил взял Герат, он подверг Сейф-ад-дина-Ахмеда мученической смерти. Из их рода не осталось ни одного человека.

Еще был маулана Шейх-Хусейн. Хотя появление и возвышение маулана Шейх-Хусейна произошло во времена Султан-Абу-Саида-мирзы, но он жил также и при Султан-Хусейне-мирзе и потому упомянут здесь. Он хорошо знал философские и положительные науки, а также богословие. Искусно умел выражать в немногих словах много мыслей, с тонкостью вести разговор. Маулана Шейх-Хусейн был очень близок к Султан-Абу-Саиду-мирзе и обладал при нем полной властью. Он имел отношение ко всем важным делам, просходившим во всех областях государства. Должность мухтасиба никто не исполнял лучше его.

Из-за того, что он был так близок к Султан-Абу-Саиду-мирзе, столь замечательного человека подвергали при Султан-Хусейне-мирзе унижениям.

Еще был Мулла Заде-и мулла Осман. Он уроженец селения Чарх Лохугарского тумана – одного из туманов Кабула. Так как во времена Улуг-бека-мирзы, когда ему было четырнадцать лет, он уже преподавал науки, то его называли «Мулла-и-Мадер-Зад». Когда он ушел из Самарканда и, совершив обход, вокруг Кабы, пришел в Герат, Султан-Хусейн-мирза силой удержал его. Очень ученый был человек; другого такого ученого человека в то время не было. Говорят, что Мулла-Заде достиг положения муджтахида¹; однако как муджтахид он не выступал. Передают, будто бы он говорил: «Если человек что-нибудь услышал, как может он опять об этом забыть?» У него была сильная память.

Еще был Мир-Муртаз. Он хорошо знал философию и другие науки. Мир-Муртаз получил свое прозвище потому, что часто постился. Очень увлекался шахматами, – до такой степени, что если ему случалось встретить двух противников, он с одним играл в шахматы, а другого держал за полу, «чтобы не ушел».

Еще были Мулла Масуд Ширвани и мулла Абд-аль-Гафур из Лара. Последний был и муридом, и учеником маулана Абд-ар-Рахмана Джами. Большинство сочинений маулана Джами мулла Абд-аль-Гафур читал вместе с ним. Он написал нечто вроде толкования к «Веаниям»². В области светских наук он был очень хорошо подготовлен; при наличии сведений в светских науках он обладал большой долей знаний и в науках сокровенных³. Это был удивительно скромный и простой человек. Если кого-нибудь называли муллою, Абд-аль-Гафур

¹ *Муджтахид* – толкователь законов.

² Известное сочинение Джами: "Веания дружбы из садов святости".

³ Т. е. в мистике

не считал позором раскрыть перед ним книгу и вступить в разговор; если ему указывали где-нибудь на дервиша, он не успокаивался, пока не найдет его. Когда я пришел в Хорасан, мулла Абд-аль-Гафур был болен; совершив обход вокруг гробницы маулана Джамии, я пошел навестить муллу Абд-аль-Гафура. Он находился в медресе муллы Джамии. Через несколько дней мулла Абд-аль-Гафур умер.

Еще был мулла Джемаль-ад-дин Мухаддис. В Хорасане не было человека, столь же сведущего в науке о преданиях. Он очень старый и жив до сих пор.

Еще был Мир-Атауллах Мешхеда. Он хорошо знал арабскую словесность и написал по-персидски трактат: «Рассуждение о рифме». Недостаток этого послания в том, что в качестве примеров он всегда приводит свои собственные стихи и еще перед каждым стихом считает нужным прибавить: «Как сказано в таком стихе сего раба». Некоторые из возражающих делали насчет «Рассуждений о рифме» основательные замечания. Кроме того, Мир-Атауллах написал рассуждение о поэтических фигурах под названием: «Чудеса поэтических фигур». Очень хорошо написал! В его вероисповедании был некоторый уклон от истины.

Еще был Казы-Ихтияр. Он хорошо исполнял должность казия. Написал по персидски рассуждение о фикхе¹. Хорошее рассуждение.

Еще он собрал для ссылок слова стихов Корана всякого содержания. Когда я встретился с мирзами на Мургабе, Казы-Ихтияр и Мухаммед-Мир-Юсуф, придя с ними, повидали меня. Разговор зашел о почерке «Бабури». Казы-Ихтияр попросил написать буквы. Я написал. На этом же собрании он прочитал буквы, понял правила письма и кое-что написал.

Еще был Мир-Мухаммед-Юсуф. Он был учеником шейх-аль-ислама Сейф-ад-дина. Потом шейх-аль-ислам назначил его на

¹ *Фикх* – мусульманское законоведение.

свое место. На одних собраниях он сидел выше Казы-Ихтияра, на других – ниже. Потом он так увлекся и пленился военным делом, что ни о чем другом не мог говорить. Но в этих делах у него не было дарования и способности, и в конце концов из-за этого пропали и достояние его, дом, имущество и жизнь. По вероисповеданию он был шиит.

Вождем и главой поэтов при Султан-Хусейне-мирзе был маулана Абд-ар-Рахман Джамии. Из поэтов еще можно назвать Шейхим-Сухейли, Хусейн-Али и Туфейли Джалаира, чьи имена и качества были упомянуты в кругу беков и придворных Султан-Хусейна-мирзы.

Еще был Асафи. Его стихи не лишены красок и смысла, хотя он не имел доли любви к богу и восторга. Он сам заявлял: «Я никогда не хотел собирать свои газели». Вероятно, это при творство. Его младший брат или родственник собрал эти газели. Стихов другого рода он писал мало. Когда я пришел в Хорасан, он служил мне.

Еще был Беннаи: Он – гератец. Так как его отцом был Устад-Мухаммед-Себз, строитель (бенна), то Беннаи употреблял такой тахаллус. В его газелях есть краски и чувство, он составил диван. Месневи у него тоже есть. Одно его месневи – о плодах, в размере «мутакариб»; бесполезные вещи он там говорил, пустяками занимался. Есть у него и другое небольшое месневи в размере «хафиф», и еще одно, побольше, тоже в размере «хафиф». Это месневи он закончил в последние дни жизни.

Сначала он был не сведущ в музыке, по этой причине Алишер-бек порицал его. Однажды мирза поехал зимовать в Мерв, и Алишер-бек тоже отправился с ним. Беннаи остался в Герате. Зимой он упражнялся в музыке и к весне так научился играть, что сам сочинял произведения. Весной, когда мирза приехал в Герат, Беннаи исполнял сауты¹ и накши. Алишер-бек, дивясь, одобрял его. В музыке Беннаи сочинял хорошие произведения.

¹ *Саут* – род музыкального произведения.

Беннаи часто возражал Алишер-беку. По этой причине он перенес много притеснений и, в конце концов, не имея возможности жить в Герате, ушел в Ирак и Азербайджан к Якуб-беку. У Якуб-бека он жил неплохо, был участником его собраний. После смерти Якуб-бека он не остался в тех землях и пришел в Герат. У него была склонность к шуткам и насмешкам. Вот одна из них: как-то раз, за игрой в шахматы, Алишер-бек вытянул ногу и коснулся зада Беннаи. Алишер-бек шутливо сказал: «Вот беда! В Герате, если вытянешь ногу, она коснется зада поэта». Беннаи отвечал: «Если подожмешь ногу, тоже коснешься зада поэта».

В конце концов из-за своих шуток он снова вынужден был уйти из Герата и направился в Самарканд. Алишер-бек придумывал много вещей, и хорошие вещи придумывал. Всякий, кто изобретал что-нибудь в своем деле, ради сбыта и успеха этой вещи называл ее «Алишери». Некоторое ссылались на Алишер-бека ради шутки. Так, например, из-за того, что Алишер-бек при боли в ухе повязывался платком, женщины называли косо повязанный синий платок – «Алишеров наряд». Беннаи тоже уходя из Герата, заказал седельнику необыкновенное седло для своего осла, которое назвал «Алишери».

Еще был Сейфи Бухари, ученый. Он показывал людям список прочитанных им книг, подтверждая этим свою ученость. Он составил диван. Есть у него еще другой диван, который он составил для ремесленников. Он сочинил много поговорок; месневи у него нет, как показывает такой его стих:

Хотя месневи – закон для поэтов.
Я считаю газель личной заповедью.
Пять стихов, приятных для сердца,
Я считаю лучше обеих Пятериц.

Есть у него персидская просодия, с одной стороны очень немногословная, но с другой слишком речистая. Немногословная в том отношении, что он не пишет нужные вещи, а речистая – в том смысле, что ясные и понятные слова он выписывает вплоть до точек и падежей. Выпив вина, он вел себя плохо, был зол и крепко бил кулаком.

Еще был Абд-Аллах, сочинитель месневи. Он из Джама, сын сестры муллы Джами. Тахаллус его был Хатифи. В подражание «Пятерице» он писал месневи. Свое месневи, сочиненное в подражание «Семи красавицам»¹, он назвал «Семь ликов»; в подражание «Искандер-наме» он написал «Тимур-наме». Из этих месневи наиболее знаменита поэма «Лейли и Меджнун», хотя красота ее не соответствует ее славе.

Еще был Мир-Хусейн Муаммаи. Вероятно, никто не сочинял муамма так, как он. Он постоянно проводил время в мыслях о них; удивительно смирный, неудачливый и беззлобный был человек.

Был еще Мулла Мухаммед Бадахши, родом из Ишкামыша. Ишкামыш не входит в Бадахшан; удивительно, что он употреблял тахаллус Бадахши. Стихи его не так хороши, как стихи упомянутых поэтов. Он написал рассуждение о муамма; муамма его тоже не очень хороши. Он был приятный собеседник, в Самаканде служил мне.

Еще был Юсуф Бади. Он из Ферганской области. Сочинял недурно касыды.

Еще был Ахи, он хорошо сочинял газели. В позднейшее время он находился при Ибн-Хусейн-мирзе. Он автор дивана.

Был еще Мухаммед-Салих. У него есть газели со вкусом, но гладкости в них меньше чем вкуса. Тюркские стихи у него тоже есть, сочинял он их недурно. Позже он отправился к Шейбанихану и тот оказывал ему внимание. В честь Шейбанихана он

¹ "Семь красавиц" – знаменитая поэма Низами.

написал тюркское месневи. Оно очень слабое. Человеку, который его прочтет, не будут нравиться стихи Мухаммед-Салиха. Один из его хороших стихов таков:

Фергана была родиной Тенбея,
Сделал он Фергану домом лентяев.

Область Андижана тоже называют «домом лентяев». В этом месневи больше нет таких хороших стихов. Мухаммед-Салих был злой, жестокий и безжалостный человек.

Еще был Хусейн Ками. Его стихи тоже неплохи. Он сочиняет газели. Диван, у него, кажется, тоже есть.

Еще был Хилали. Он теперь еще жив. Газели у него гладкие, цветистые, без задоринки. Есть у него диван. Есть месневи в размере «хафиф», называемое «Шах и дервиш». Хотя некоторые стихи там хороши, но основа этого месневи весьма трухлявая и шаткая. Поэты древности, когда писали месневи о любви и влюбленности, приписывали качество любящего мужчине, а свойства возлюбленной – женщине. Хилали же сделал любящим дервиша, а возлюбленным – шаха. Из стихов, сказанных им о делах и словах шаха, следует, что он представил шаха блудницей и распутницей. Весьма безобразно, что ради своих двестишты Хилали расписывает молодого шаха, юношу, как блудницу и распутницу.

У Хилали, говорят, очень хорошая память, он будто бы помнит тридцать-сорок тысяч стихов. Говорят, что большинство стихов из обеих «Пятерич» хранится у него в памяти. Он очень хорошо подготовлен в области просодии и науки о стихотворстве.

Еще есть Ахли. Он из простых людей. Стихи у него недурные, диван тоже есть.

Хотя каллиграфов при дворе Султан-Хусейна-мирзы было много, но сильнее их всех в писании насталяком был Султан-

Али Мешхеди. Он писал много для мирзы и для Алишер-бека – каждый день по тридцати стихов для мирзы и по двадцати стихов для Алишер-бека.

Бехзад принадлежал к числу художников. Рисунки у него очень тонкие, но лица безбородых мужчин изображал плохо, – слишком вытягивал подбородки. Лица бородатых мужчин он рисовал очень хорошо.

Еще был Шах-Музаффар. Он рисовал очень тонко; волосы у него получались весьма изящно. Шах-Музаффар не обрел долгой жизни – он ушел из мира в самую пору преуспевания.

Из музыкантов никто так не играл на кануне, как Ходжа Абд-Аллах Мерверид. Об этом уже было упомянуто.

Еще был Куль-Мухаммед Уди. Он хорошо играл на геджаке, натянув на него три струны. Из музыкантов и исполнителей никто не сочинял так много хороших мелодий.

Еще был Шейхи Наи. Он тоже хорошо играл на уде и геджаке. На нае он прекрасно играл с двенадцати или тринадцати лет. Как-то раз на пиру у Бади-аз-Замана-мирзы Шейхи Наи хорошо сыграл на нае одно произведение. Куль-Мухаммед на геджаке этого сыграть не сумел и сказал: «Геджак – несовершенный инструмент». Шейхи тотчас же взял геджак из рук Куль-Мухаммеда и чисто и хорошо сыграл это произведение.

Про Шейхи Наи рассказывали еще и другие истории. В отношении мелодий он был так сведущ, что, услышав какую-нибудь мелодию, говорил: «Такой-то напев, сочиненный таким-то, созвучен с этим». Однако он сочинил немного произведений; ему приписывают одно или два накша.

Еще был Шах-Кули Гиджаки. Он родом из Ирака. Придя в Хорасан, он стал упражняться в игре на инструментах и сделал успехи. Он сочинил много накшей и других произведений.

Еще был Хусейн Уди. Он делал с удом интересные вещи: оставлял на уде одну струну и играл на ней. У него был недостаток: играя на инструменте, он жеманился. Однажды Шей-

бани-хан приказал ему играть. Хусейн-Уди начал привередничать и играл плохо, к тому же принес не свой инструмент, а чужой, негодный. Шейбани-хан все понял и велел тут же на пиру надавать ему по шее. Это единственное хорошее дело в мире, которое сделал Шейбани-хан. Действительно, он прекрасно поступил. Таких надменных людей следует наказывать еще больше.

К сочинителям музыки принадлежал и Гулям-Шади, сын певца Шади. Хотя он играл на инструментах, но не стоял в одном ряду с теми исполнителями. У него есть хорошие сауты и прекрасные накши. В то время не было человека, который бы сочинил столько накшей и саутов. В конце концов Шейбани-хан отослал его к казанскому хану Мухаммед-Амин-хану; больше сведений о нем не было.

Еще был Мир-Азу; этот не играл, он был только сочинителем. Хотя у него и немного произведений, но среди них есть интересные вещи.

Беннаи также был сочинителем; у него есть хорошие сауты и накши.

Еще один из бесподобных людей того времени был Пехлеван-Мухаммед-Бу-Саид. Он был выдающимся борцом, а также слагал стихи и сочинял сауты и накши; у него есть хороший накш в ладу «чар-гах». Пехлеван-Мухаммед был человек приятный в беседе; соединение с ремеслом борца таких свойств – весьма удивительно.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
События года восемьсот девяносто девятого	12
События года девятисотого	43
События года девятьсот первого	55
События года девятьсот второго	63
События года девятьсот третьего	70
События года девятьсот четвертого	92
События года девятьсот пятого	102
События года девятьсот шестого	119
События года девятьсот седьмого.....	138
События года девятьсот восьмого.....	148
События года девятьсот девятого	176
События года девятьсот одиннадцатого	229

Редактор С. А. Левитина
Художник В. Кедрин '
Техредактор Я. Пинхасов

Подписано к печати 30/IV 1945 г. Р. 03340
формат 54x84/16. Печатных листов 14,5.
Учетис-издат. листов 12,5. В печ. листе
34496 зн. Индекс худ. Дого. № 344-46. Тираж
5000. Цена в бумажном переплете 8 р.
в коленкоровом переплете 9 р.

Ташкент, тип. № 1. Заказ М 671.